

4(16).2002

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

Қадрият деганда, биз минг йиллар давомида шақлланган, одамларнинг ҳаёти, ички дунёсидан мустаҳкам ўрин олган, ҳеч қайси расмий ҳужжатда акс этмаган бўлса-да, унга барча амал қиладиган, инсонларнинг қон-қонига сингиб кетган анъана ва удумларни тушунамиз.

Лўнда қилиб айтганда, одамзод бор экан, миллат бор экан, шу миллатни ифода қиладиган, асрлар мобайнида қандайдир муқаддас даражага кўтарилиб қолган аломат хусусиятлар ҳам у билан бирга яшайди.

Табиийки, ота-боболаримиз бизга қолдирган олижаноб қадриятларни, гуруримизни кўтарадиган, халқимизнинг обрўсига обрў кўшадиган инсоний одат ва фазилатларни сақлаш, асраб-авайлаш ва энг қатта бойлик тариқасида янги келажак авлодларга етказиш зарур. Бу масала бўйича ҳеч кимда, ҳеч қандай иккиланиш йўқ ва бўлиши ҳам мумкин эмас.

*Президент Ислам Каримовнинг
Ўзбекистон Республикаси Конституциясининг
ўн йиллигига бағишланган тантанали
маросимдаги нутқидан.*

MOZIYDAN SADO

ECHO OF HISTORY
ЭХО ИСТОРИИ

4(16).2002

ТАЪССИСЧИЛАР: Ўзбекистон Республикаси
Маданият ишлари вазирлиги, Бадий академияси,
Матбуот ва ахборот агентлиги

УШБУ СОНДА:

Л.Мирсаидова. Анъаналарнинг хилма-хиллиги	2
Х.Убайдуллаев, М.Сетмаматов. Ўзбекистондаги айрим музейларнинг иқлимий ҳолати	6
Ф.Бобоёров. Турк ҳоконлиги даврида Тоҳаристон	10
Х.Султонов. Оксарой меъморий ёзувлари	12
Квон Охсунг. Корея маданияти тарихида Буюк Ипак йўли мусиқаси	18
М.Бафоев. Фольклор ва мусиқа	24
М.Содиқов. Бухоро амирлигида элчилик муносабатлари	26
Р.Носиров, Н.Турдибоев. Кўхистоний. «Жомеъ ур-румиз»	29
А.Турдиалиев. Махмуд Ҳаким Яйфоний. «Хуллас ут-таворих»	32
М.Мамажонова.Темурий шаҳзода Бойсунғур Мирзо.....	36
О.Тўлабоев. Бехбудий ва Камий	38
Г.Қосимова. Уйғурлар ўтмишига бир назар	40
А.Хўжаев. Махмуд Ялавоч Хоразмийга оид янги маълумотлар	42
Ю.Турсунов. Навоий асарлари Мунис дастхатида	48

Илмий-амалий, маънавий-маърифий, рангли журнал

1999 йилдан чоп этила бошлади.
Уч ойда бир марта ўзбек-инглиз-рус тилларида чиқади

БОШ МУҲАРРИР
Зафар ҲАКИМОВ

ТАҲРИР ҲАЙЪАТИ
Баҳодир АБДУРАҲИМОВ
Дилором АЛИМОВА
Шодмон ВОХИДОВ
Қутлуғ ИНОЯТОВ
Ҳамидхон ИСЛОМОВ
Анатолий САГДУЛЛАЕВ
Темир ШИРИНОВ
Усмон ҚОРАБОЕВ
Нозим ҲАБИБУЛЛАЕВ
Акбар ҲАКИМОВ
Махмуджон ҲАСАНОВ
Саидбек ҲАСАНОВ

ЖАМОАТЧИЛИК КЕНГАШИ
Абдулла АБДУРАСУЛОВ
Роберт АЛМЕЕВ
Мариника БОБОНАЗАРОВА
Исмоил БОТИРОВ
Илгис ЗУПАРОВ
Насиба ИБРОҲИМОВА
Зокиржон МАШРАБОВ
Нўъмонжон МАХМУДОВ
Мавлонбек НУРМАТОВ
Солижон ПЎЛАТОВ
Абдусалом УМАРОВ
Ботир УСМОНОВ

Инглиз тили муҳаррири
Алиса КЛИМА

Таржимон
Раъно АЗИМОВА

Бош расом
Сергей СОИН

ТАҲРИРИЯТ МАНЗИЛИ:
700129. Тошкент ш., Навоий кўчаси, 30.
Тел.: 144-74-19, 144-34-65.

Индекс: 1047-шахсий обуначилар,
1048-ташкilotлар учун.

«Шарк» нашриёт-матбаа акциядорлик компаниясининг босмаҳонасида босилди.
Босмаҳона манзили: Тошкент ш., Буюк Турон кўчаси, 41. Буюртма - 4458. Адади 2500.

«Каталог» тўронтлар.
Хотираси: 9345
Илм. № 1242

РАЗНООБРАЗИЕ ТРАДИЦИЙ

Одним из интересных направлений изучения особенностей культуры кочевников наряду с изобразительным искусством является исследование их музыки, эпоса и ритуалов. Это особо актуально в современных условиях, когда кочевой образ жизни, как система хозяйственных отношений в Центральной Азии постепенно угасает, но культурное наследие кочевников продолжает сохранять свою жизнестойкость и влияет на искусство и в традиционном народном творчестве, и в его современных видах.

Этот процесс типичен для казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков, кунград, барлас – тувинцев и хакасов, которых объединяет общее прошлое кочевников и пастухов, близкие языки, обычаи и музыкальная культура, которая сохранила в себе множество особенностей общетюрского наследия.

Значительная коллекция памятников материальной культуры кочевых племен юга Узбекистана хранится в фондах Самаркандского Государственного музея-заповедника. Эти реликвии кропотливо собирались сотрудниками музея при организации историко-бытовых и этнографических экспедиций в труднодоступные горные регионы юга республики, где ещё сохранились традиции кочевого образа жизни.

Так отдельные узбекские племена – кунград, локай, барлас – в основном обитавшие по западным склонам Туркестанского и Зарафшанского хребтов и их отрогам, в предгорьях верховий Сурхандарьи и Кашкадарьи (Сурхандарьинский вилоят, – Байсун, Шерабад, Денау, Шурчи, в Карапакистане – Кунградский р-н) вплоть до 20 годов XX века сохраняли, несмотря на значительное распространение у них земледелия, полукочевого образ жизни и родоплеменное деление, которое играло существенную роль в быту. Занятие скотоводством, круглосуточное содержание скота было связано с постоянным передвижением и преодолением больших расстояний. В бесплодном мире кочевников все было приспособлено для быстрых сборов и движения дальше: легкое сборное жилище – юрта; утварь, изготовленная из легких материалов – войлок, дерево, кожа, кость, глина.

В быту узбеков-барласов, живших в верховьях Агалькского и Сагаганского ущелий, имелось некоторое своеобразие: они жили в юртах, которые представляли собой полусферический шалаш «капа» из гнутых палок, крытых войлоком. Войлочное покрытие юрты, веревки и тесьму различной ширины для связывания и крепления деревянных каркасов изготавливали в каждой семье. Различные виды тканых полос, юртовые дорожки «баскур» делали узорными, орнамент на них строился на зеркальном повторе от центра к концам. Летом для прохлады по внешнему периметру юрты ставили циновки «чий». В качестве подстилок использовали обработанные бараньи и козьи шкуры «пустак». Внутри юрты у стены против входа складывали в несколько рядов постельные принадлежности и тюки с одеждой в специальных ковриковых сумках в форме сундука «напромачи». Постельные принадлежности состояли из кошм, паласов и высоковорсовых ковров «джульхирсов».

У этнографических групп узбеков, которые в недалеком прошлом были кочевыми, одновременно с переходом к оседлости и земледелию, наряду с юртой появляются стационарные жилища – глинобитные дома «чубтора» (конец XIX-нач XXвв). Такие жилища по убранству не отличались от юрт. На стенах развешивались подвесные сумки «ильгачи» различного назначения: для зеркала – «ойна халта», для чая – «чой халта», для соли – «туз халта», для ложек (деревянных) – «кошик халта» и др. Такие сумки в количестве от 5 до 7 штук продолжали входить в приданое девушки, ткались и вышивались ею самой. Над дверями, как и в юрте, вешалась занавеска «эшик асма», в виде сплетенной кружевной сетки с

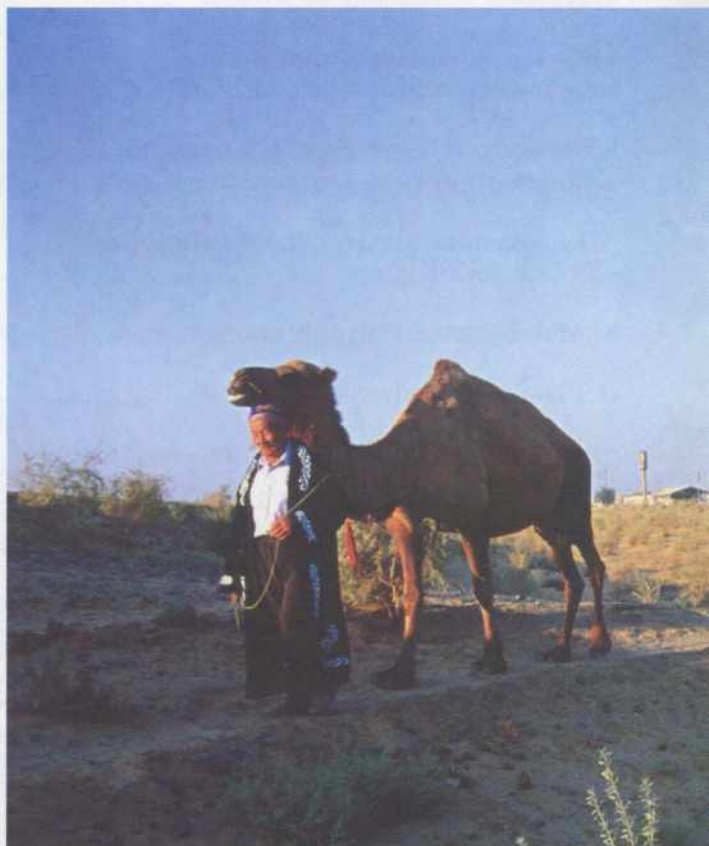
Лутфия МИРСАИДОВА

Ўзбекистон жанубидаги кўчманчи қабилалар маданият меросининг кўпгина қисми Самарқанд Давлат музей-қўриқхонаси фондида сақланмоқда. Музей ходимлари мазкур ашъвий топилмаларни кўчманчиларга хос ҳаёт тарзи, анъаналари ҳамон сақланиб қолган республикамизнинг узоқ тоғли минтақаларига тарихий ва этнографик саёхатлар уюштириш йўли билан тўплашган.

Айрим кўчманчилар, масалан, Туркистон ва Зарафшон туманларининг ғарбий ёнбағирлари ва этакларида, Сурхондарё ва Қашқадарё тоғолди яйловларида (Сурхондарё вилоятида Бойсун, Шеробод, Денов, Шўрчи; Қорақалпоғистонда Кўнгирот тумани) XX асрнинг 20-йилларига қадар яшаган кўнгирот, лақай, барлос қабилаларида деҳқончилик хийла тарқалганига қарамай, ярим кўчманчилик ҳаёт тарзи ва насл-насаб бўлиниши ҳоллари улар турмушида катта аҳамиятга эга бўлган.

Чорвачилик билан шугулланиш, молларга кечакундуз қараш орқали улар мунтазам равишда бир жойдан бошқасига кўчиб юрганлар ва катта кенгликларни босиб ўтганлар. Кўчманчиларнинг серташвиш дунёси ҳамма нарсани тез йиғиштириб олиш ва яна олға қараб юришга мосланган; осон йиғиладиган ўтов, кигиз ҳамда ёғоч, тери, суяк, лойдан ясалган рўзгор буюмлари бунга мисол бўла олади.

Оғалиқ ва Сазоғон тепаликларида яшайдиган ўзбек-барлослар турмушида ўзинга хос хусусиятлар

йўқ эмас. Улар куббанамо ўтовларда истикомат қилишган. Ўтов девори катак-катак шаклида ясалиб, керага битилган, бир учи қайрилма узун таёқлар увук дейилиб, уларнинг қайрилма томони керага устидан қўйилиб, нариги учи чанғарақ (яъни чархпалак) деб аталувчи битта ғилдирак айланасидан киргизиб қўйилган, шунда умумий шакл гүмбаз кўринишини олган. Керага ва увулдуруклар устидан улкан кигиз шолчалар ёпилган ва чанғариқ устига алоҳида кигиз шолча ташланган. Ўша шолчанинг бир учига узун аркон уланган бўлиб, керак вақтида арконни тортиб, шолча очиб-ёпиб турилган. Кигизлар устидан эса «бошқур» деб аталувчи турли катталиқдаги энли тасмалар тортилган бўлиб, улар ҳамма оилаларда тайёрланган. Ёзда керага сиртидан чий қоплаб чиқилган. Тагидан эса эчки ёки қўй терисидан қилинган пўстак тўшалган. Ўтовга кираверишда уй жиҳозлари – сандиқ шаклидаги маҳсуе гилам сумкалар устига кўрпа, ёстиклар тахлаб қўйилган. Кўрпа-тўшақлар, асосан, кигиз шолчалар, палослар ва қалин патли гилам – жулхирслардан иборат бўлган.

Яқинларгача ҳам кўчманчи ҳисобланган кабилалар ўтроқ дехкончилик турмуш тарзига ўтиш баробарида «чўбтора» деб аталувчи гувалак уйлар кура бошлашди (XIX аср – XX аср бошлари). Бундай тураржойлар кўринишидан ўтовлардан фарқ қилмасди. Деворларга турли мақсадлар учун мўлжалланган «илгич» – осма халталар осиб қўйилган: кўзгу учун «ойнахалта», чой учун «чойхалта», туз учун «тузхалта», қошиқ учун «қошиқ халта» ва ҳоказо. Сони бештадан еттигача бўлган

VARIETY OF TRADITIONS

One of the most interesting trends in studying the peculiarities of nomads' culture, together with fine arts, is the investigation of their epic music and rituals. This investigation is urgent in particular under present circumstances when in Central Asia a nomadic way of life, as a system of economic relations, is gradually fading but the cultural heritage of the nomads is still continuing to preserve its vitality both in the arts and traditions.

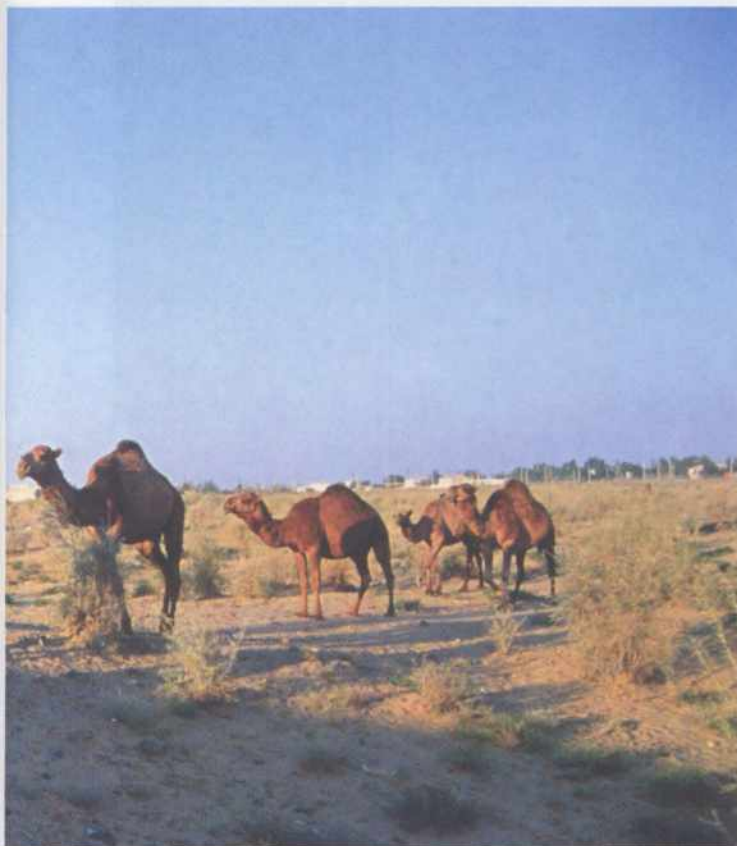
This phenomenon is characteristic of the Kazakhs, the Kirghiz, the Karakalpaks, the Uzbeks, the Kungrads, and the Barlas (Tuvinians and Khakas) who are united by their general past life of nomads and shepherds, close languages, traditions and musical culture which preserved many peculiarities of their general Turkic heritage.

There is a considerable collection of memorials of material culture of nomadic tribes of South Uzbekistan is kept in the stocks of the Samarkand State Museum. These real relics have been scrupulously collected by the workers of the museum by organising historical and ethnographic expeditions to the mountain regions of the south of the Republic which are difficult of access and where nomadic traditions would have been preserved. Thus, some Uzbek tribes of Kungrad, Lokay, Barlas, mainly living over the west slopes of the Turkistan and Zarafshan ridges and their spurs and over the hills of the upper Surkhandarya and the Kashkadarya (the raions of Baisun, Sherabad, Denaу, Shurchi in the Surkhandarya oblast, and Kungrad raion in Karakalpakstan) in spite of the fact that farming had been considerably spread among them, till 1920 had preserved a semi-nomadic way of life and tribal divisions, that played a significant role in their every day life.

Stockbreeding and round-the-clock cattle maintaining had been connected with constant moving and covering large distances. In the disturbing life of the nomads everything was adapted for quick preparations to move further: a light collapsible dwelling – the yurt, and utensils which were produced of light materials – felt, wood, leather, bone and clay.

In the private life of the Uzbeks-Barlas, living along the upper reaches of the Agalyk and Sazagan gorges, there was some peculiarity: they lived in the yurts representing a hemispherical cabin («капа») that consisted of bent sticks covered with felt. Every family themselves had to produce the felt coating for their yurt, ropes and tapes of various size for tying and attaching timber framings. Various kinds of woven bands, yurt carpet-typed strips «baskur» were patterned and the ornament represented a mirror repetition from the centre towards the ends. In summer times for the purpose of cooling the inside, the outer perimeter of the yurt was surrounded with mats («chiy»). Processed sheep and goat's skins («pustak») were used as bedding. Inside the yurt, near the wall opposite the entrance, they used to stack bed-clothes and bales with garments in several layers within special carpet-type bags in the form of a trunk («napromachi»). The bed-clothes included felt mats, floor-carpet and high-nap carpets (dzhulkhirs).

By the end of the 19th century and the beginning of the 20th century some ethnic Uzbeks who not long ago had been nomads when transiting to a settled way of living had had the yurt together with a stationary dwelling – a pise house «chubtora». Such a dwelling did not differ much from the yurt in terms of the inner appointments. All around the walls the suspended bags «ilgachi» were hanged out. These bags had different destination: for a mirror – «oina khalta», for tea – «choy khalta», for salt – «tuz khalta», for spoons (wooden) – «koshik khalta», etc. Such bags, 5 – 7 in number, were included into the portion of a bride and the girl had to weave and embroider these by her own hands. Over the door into the yurt, also within the yurt, the curtain «eshik asma» used to be hung in the form of mesh lace grid with fringe and dangling silver tassels. Old people, when recollecting their youth, would say that a bride, when entering the yurt, would

бахромой и свисающим серебрянными кистями. Старожилы, вспоминая свою молодость, рассказывали, что невеста, входя в юрту, грациозным движением головы отбрасывала бахрому, и звуки серебрянных кистей сливались со звоном серебрянных украшений её головного убора (касаба).

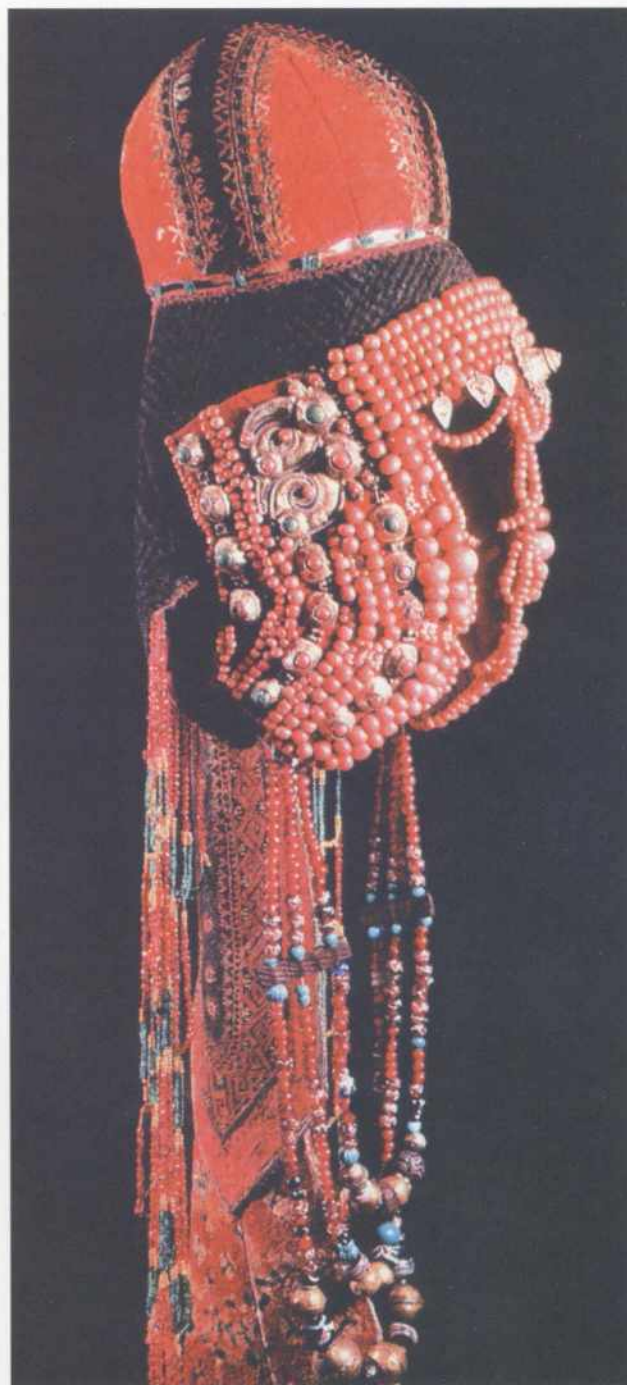
Особое значение среди приданого невесты имел девичий ковер «кыз-гиллям», который считался своего рода талисманом – оберегом семейного счастья и благополучия, а потому никогда не продавался.

В коллекциях музея среди узбекских ковровых изделий полукочевых племен имеется своеобразный тип прекрасных паласных изделий, для орнаментации которых использовались вышивка и аппликация. Очень богатая и разнообразная композиция орнаментов этих изделий больше напоминает ковер, чем вышивку. Ему свойственны крупные, сложные формы, красочные медальоны с различными завитками (кучкарок), геометрические фигуры, ромбы, цветочные розетки. В них находят свое отражение богатый мир образов и мотивов кочевников, их представления об окружающей действительности.

Вышивальщицы владели не только техникой сплошной вышивки крестом «ироки», но и «босмой» (вышивка гладью вприкреп), «юрма» (вышивка тамбурной цепочкой – крючком), выполняемые нитками собственного изготовления. Один «кыз-гиллям» сшивали из нескольких кусков кошмы, подбираемых под рисунок вышивки столь искусно, что швы не были видны, сверху шла вышивка – босма, юрма – по краю, отделка-аппликацией из красного кумача (1332), а другие «кыз-гиллямы» шили на узкопоясистой станке в паласной технике «кокма», поверх которой наносили ручную вышивку.

Сравнительный анализ типов вышивок начала XIX в. с аналогичными произведениями и мифологическими образами Средней Азии предшествующих эпох позволяет установить четкую преемственность элементов их орнамента. Арханчным мотивом является круг, занимающий важное место наряду с растительными мотивами. У народов Средней Азии круг был символом Солнца, а чаще Луны. Традиционные элементы орнамента, пережив века, используются до сих пор в ковровых изделиях и ручных вышивках. Орнаментальные мотивы служили пожеланием счастья, благополучия, символом плодородия.

Познание культуры и традиций кочевников недалекого прошлого, изучение их жилищ, пищи, одежды, украшений, ручных вышивок несомненно дает ценный материал для раскрытия новых граней исторического наследия Узбекистана. Мир кочевой культуры, как и мир других культур, нуждается в том, чтобы память человечества сохранила его постепенно изменяющийся и во многом исчезающий облик.

бундай халталар қизларнинг сепига қўшиб берилган ва уларни бўлғуси келинларнинг ўзлари тикишган. Ўтовдагидек эшиклар устидан «эшик осма» или қўйилган, у шокилани тўр тўқимасидан ва кумуш популардан иборат бўлган. Куёвлар келини уйга олиб қираётганда секин бошлари билан шокилани суриб қўйишган ва кумуш популар товуши унинг бош қийими – касабадаги кумуш тақинчоклар жиринглашига қўшилиб ажойиб оҳанг чиқарган.

Келин сепи ичида «қиз-гиллям» алоҳида эъзозланган, у гўё оила шаъни ва иқболини ҳимоя қилувчи муқаддас тумор ҳисобланиб, ҳеч қачон сотилмаган.

Музей жамламасидаги ярим кўчманчи қабилаларнинг гилам буюмлари орасида палос ўзига хос хусусиятга эга. Уларда кашта ва нақшгуллардан унумли фойдаланилган. Гул ва нақшларнинг бой ва ранг-баранглигидан улар палосдан кўра кўпроқ гиламни эслатади. Турли гирихлари бўлган жимжимадор, йирик-йирик туморсимон «кўчқорак»лар, хандасавий шакллар, тўртбурчаклар, ислимий гуллар бу кашта буюмларига хос усуллардир. Уларда, шунингдек, кўчманчиларнинг бой ички дунёси ва ҳаёт тарзларини, атроф-муҳит манзараларини акс эттирувчи белгилар ҳам кўзга ташланади.

Каштачилар «ироки», «босма» (сиртга бўттириб тикиш), «йўрма» (занжир кашта) усуларини тикиш жараёнида ўзлари эшган ипларни ишлатганлар. Фақат «қиз-гилам»нинг кашта гулига мослаб тахланган кигиз парчалари ғоят усталик билан тикилганидан чоклари ҳам сезилмаган, устидан эса «босма», четларидан «йўрма» усулларида кирмизи мато парчалари ёпиштириб чиқилган, бошқа «қиз-гилам»лар эса палос техникасида «кокма» усулида тор қавикли дастгоҳда тикилган ва устидан қўлда кашта туширилган.

XIX аср бошларидаги кашталарнинг қадимги давр Ўрта Осиё мифологик тимсоллари ва ана шундай асарлари билан киёсий таҳлили улар нақш элементларининг ворислигини аниқлаш имконини беради. Кашталарда асосий ўринни эгалловчи доира ислимий услублар билан бир қаторда қадимийлик белгиси ҳисобланади. Ўрта Осиё халқларида доира Куёшни, кўпинча Ойни билдирган. Асрлар ўтса ҳамки, нақшдаги бахт-иқбол, фаровонлик, тўкин-сочинликни ифодаловчи анъанавий шакллар гилам тўкиш ва каштачиликда ҳамон қўлланиб келинмоқда.

Яқин ўтмишдаги кўчманчилар анъаналари, маданияти, жумладан, тураржой, озиқ-овқат, кийим-кечак, тақинчоқлар, қўл кашта сирларини ўрганиш, шубҳасиз, Ўзбекистон тарихий меросининг янги қирраларини очишда муҳим аҳамиятга эга.

have thrown away the fringe with a graceful gesture of her head and the sound of the silver tassels would have confluent with the ring of the ornaments of her own headwear (kasaba).

A girl's carpet «kyz-gulam» used to occupy a special place in the dowry of the bride which considered to be as a talisman, a protector of family happiness and prosperity of the girl, and therefore it could never be sold.

Together with the carpets belonging to Uzbek semi nomadic tribes, the museum contains a specific and wonderful type of floor carpets, which were ornamented with embroidery and appliques. A very rich and diverse composition of ornaments make such an article to be looked like a woven carpet rather than like just embroidery. This includes large and complicated shapes, colorful medallions with different ringlets (kuchkarok), geometrical figures, rhombs, rosettes. This ornamentation reflects a rich world of images and motifs of the nomads and their perception of the outward things. The embroideresses not only had a command of the cross-work technique «iroki» but they also mastered «bosma» (to embroider in satin-stitch), «yurma» (to embroider in chain-stitch by a hook). They themselves used to make the threads. One type of «kyz gilyam» was sewn of several felt pieces. The pattern was chosen so skillfully that it was impossible to notice seams. The embroidery techniques «bosma» and «yurma» were applied above, the edges were decorated with applique of red calico, and other «kyz gilyam» carpets were sewn on a special machine in «kokma» method and then decorated with hand embroidery.

A comparative analysis of embroideries of the beginning of the 19th century with the similar works and mythological characters of the previous Central Asian epochs allows to establish a strict succession of ornamental elements. A circle is an archaic motif, which together with vegetable motifs occupied a major place in embroidery ornaments. For the peoples of Central Asia a circle has always been the symbol of the sun and, more often, the symbol of the moon. The traditional elements of ornamentation, having lived through ages, go on to be used in our days in carpet weaving and embroidery. Ornamental motives have been serves as wishes for happiness, prosperity and as symbols of fertility.

When we learn the culture and traditions of the nomads of recent times, that is, their dwelling, food, clothing, ornaments, embroidery techniques, we undoubtedly receive a valuable material for opening new sides of historical heritage of Uzbekistan. The heritage of nomad culture as well as the heritages of other cultures needs to be preserved in the memory of mankind as the image of the past is gradually changed and, in most cases, vanished.

ЎЗБЕКИСТОНДАГИ АЙРИМ МУЗЕЙЛАРНИНГ ИКЛИМИЙ ҲОЛАТИ

Ҳамза УБАЙДУЛЛАЕВ
Мақсуд СЕТМАМАТОВ

НАТУРНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ТЕМПЕРАТУРНО- ВЛАЖНОСТНОГО РЕЖИМА МУЗЕЕВ В УСЛОВИЯХ УЗБЕКИСТАНА

Многочисленные музеи Узбекистана знакомят посетителей с историей, рассказывают о современном состоянии науки, техники, искусства и культуры. Современные музеи - не просто собрания ценных коллекций, но и центры научно-исследовательской и широкой духовно-просветительской работы.

Как известно, основную функциональную нагрузку в музее несут экспозиционные залы. От правильной освещенности, хорошей видимости, микроклиматических условий экспозиционного зала в значительной степени зависит, как будет восприниматься экспозиция музея.

Главная задача, которой подчинен технологический режим в музее - это предупреждение или сведение к минимуму процессов порчи экспонатов, которые протекают под влиянием многих факторов, окружающей среды. Окружающая среда воздействует на музейные экспонаты через влияние температуры, влажности воздуха, атмосферных загрязнений и микроорганизмов. Температура и относительная влажность воздуха тесно связаны между собой и оказывают пагубное воздействие как при избытке, так и при недостатке. Чрезмерная влажность вызывает в органических материалах разрушающие физико-химические реакции. Снижение влажности приводит к пересыханию экспонатов, делая их хрупкими.

При комплексном хранении в музеях оптимальна 60%-ная влажность со среднегодовым колебанием от 50 до 65%, а температурный режим - от +18 до +22°C.

Температурно-влажностные колебания внутри музея зависят от изменения погоды, инсоляции и посещаемости. В связи с цикличностью этих факторов колебания происходят с суточной и сезонной периодичностью.

Необходимость создания дифференцированных зон с различными температурно-влажностными режимами объясняется разнообразием видов экспонируемых и хранимых материалов.

На примере музеев Ташкента впервые проведены натурные наблюдения экспозиционных залов с целью изучения их микроклиматических данных в условиях летнего периода.

Исследованы 4 музея, построенные по индивидуальным проектам, с различной специализацией экспонатов.

Ниже мы приводим краткую характеристику устройства отдельных музеев Ташкента и данные, полученные при исследовании их температурно-влажностного режима в период наблюдения.

- Государственный музей Природы представляет собой одноэтажное здание и является одним из старейших музеев Ташкента.

Обмен воздуха осуществляется четырьмя кондиционерами БК-1500 и двумя вытяжными вентиляциями.

Для замеров температуры, влажности и скорости ветра были выбраны 5 контрольных точек; замеры производились периодически - утром, днём и вечером.

Кроме того, на 1, 2, 3 точках термограф и гигрограф вели записи круглосуточно. Наблюдения дали такие результаты: в первые 3 дня максимальная температура в экспозиционных залах достигала

Музейлар нафакат қимматли коллекциялар тўплами, балки кенг маданий-маърифий ва илмий тадқиқотлар маскани ҳамдир.

Шу боис ҳам музей жамғарма ва экспозицияларида сақланаётган ва намоён этиладиган осори-атиқа ва буюмларнинг сифат даражаси ушбу масканлар фаолиятининг самарадорлигига катта таъсир қилади.

Айни пайтда, музей экспонатларининг эскириш жараёнларига ҳарорат, намлик, ҳавонинг ифлосланиши ва микроорганизмлар таъсир қилиши мумкин. Бу унсурлар аксарият бир вақтининг ўзида бир-бирининг зарарли таъсирини кучайтирган ҳолда юзага келади. Ҳаво ҳарорати ва нисбий намлиги ўзаро чамбарчас боғлиқ бўлиб, улар керагидан ортиқ ёки етишмаган шароитларда органик ашёларда емирувчан физик-кимёвий ўзгаришлар тезлашишига олиб келади. Намликнинг камайиб кетиши эса экспонатларнинг қуриб қолишига сабаб бўлади ва улар мўрт бўлиб қолади.

Экспонатларни муҳофаза қилиш учун музей бинолари ичидаги намлик 60 фоиз, йил давомида эса 50 дан 65 фоизгача бўлганда ижобий ҳисобланади. Ҳарорат аксарият экспонатлар ва ташриф буюрувчилар учун +18° дан +22°гача бўлиши мақсадга мувофиқ.

Музей ичидаги ҳарорат-намлик тебранишлари об-ҳавонинг ўзгаришига, инсоляцияга, ҳаво алмашиниши ва томошабинлар сонига боғлиқ.

Турли ҳарорат-намлик ҳолатлари билан дифференциаллашган ҳудудларни яратишнинг зарурияти намоён этилаётган ва сақланаётган материалларнинг ҳар хиллиги билан тушунтирилади.

Тошкентдаги мавжуд айрим музейларнинг экспозиция залларида микроклиматий қийматларнинг ҳолатларини ўрганиш мақсадида 2001 йилнинг ёз фаслида кузатувлар олиб борилди.

Тадқиқотлар ўтказилган музейларда экспозиция ихтисоси бўйича турлича ва алоҳида (индивидуал) лойиҳалар қурилган:

Ҳар хил турдаги экспонатлар учун ҳарорат-намлик ҳолатлари:

Экспонатларни сақлаш шароитларига таъсир этувчи факторлар.

Экспонат турлари:

Мағозлар ва улардан тайёрланган маҳсулотлар;

Суюқдан тайёрланган маҳсулотлар;

Мармар ва чиннидан тайёрланган маҳсулотлар;

Тошкент шаҳридаги Геология музейи экспонати.

Экспонат музея Геологии в Ташкенте.

Exposit of the museum of geology in Tashkent.

Куйида тадқиқот жараёнида Тошкентнинг баъзи музейларидан олинган ҳарорат-намлик ҳолати ҳусусидаги қисқача таснифларни келтираимиз.

Давлат табиат музейи бир қаватли бинода жойлашган бўлиб, Тошкент шаҳрининг энг кўҳна музейларидан ҳисобланади.

Ҳаво алмашилиши БК-1500 русумли тўртта кондиционер ва иккита ҳаво сўрувчи вентиляциялар ёрдамида амалга оширилади.

Ҳароратни, намликни ва ҳавонинг ҳаракатланиш тезлигини ўлчаш учун бешта назорат нуқтаси танланди; ўлчов ишлари даврий равишда эрталаб, кундузи ва кечки вақтда олиб борилди. Бундан ташқари, 1,2,3 нуқталардаги термограф ва гигрографлар кеча-кундуз давомида ёзувларни узлуксиз қайд этишни давом эттирди. Кузатувлар куйидаги ҳулосаларни берди: аввалги 3 кун давомида экспозиция залларидаги максимал ҳарорат $+28^{\circ}\text{C}$, минимал эса $+25^{\circ}\text{C}$ даражага етди, ҳавонинг нисбий намлиги 18 дан 22 фоизгача ўзгариб турди. Бунда ташқи ҳавонинг ҳарорати $+23^{\circ}\text{C}$ дан $+39^{\circ}\text{C}$ гача, ҳавонинг нисбий намлиги эса 25 фоиз бўлди. Қолган уч кунда (8-9 июль) кўрсаткичлар куйидагиларни ташкил этди: ҳарорат $+24^{\circ}\text{C}$ дан $+25^{\circ}\text{C}$ гача ва нисбий намлик 18 дан 20 фоизгача ўзгариб турди. Музей меъморий жойланиши жиҳатидан жануби-шарқий томонга, бино экспозиция залларининг ташқи

Ўзбекистон Давлат санъат музейи залларидан бири.

Один из залов Государственного музея искусств Узбекистана.

One of halls in the State Museum of Fine Arts of Uzbekistan.

OBSERVATIONS OF THE TEMPERATURE REGIME AND HUMIDITY ENVIRONMENT IN THE MUSEUMS OF UZBEKISTAN.

Museums of Uzbekistan help us to get information about different parts of history and about development of the modern science and art.

The main aim of museums is to enrich people of our country with knowledge about cultural wealth of our heritage. Modern museums are not only a collection of treasures of culture and history, but also centres of political education and research.

As we know, exposition halls have the main functional loading. Perception of exposition of a museum depends on the architectural lighting, clear vision and microclimatic environment of an exposition hall.

The main aim of a technological environment in museums is a prevention and minimisation of the deterioration processes of their displays which are under a lot of environmental factors influence the deterioration processes. Environmental influence to the exhibits is temperature, humidity, atmosphere pollution and micro-organisms. Temperature and relative humidity are closely linked and exert ill influence in the excessive as well as in insufficient conditions.

Excessive humidity evokes fatal physical and chemical changes in organic materials. Lower humidity evokes drying up of exhibits making them fragile.

Suggested 60% of humidity with annual fluctuation from 50% to 65% are acceptable under a combined custody. Acceptable temperature for majority of exhibits and for visitors is from $+18$ to $+22$ degrees centigrade.

Fluctuations of the temperature and humidity inside a museum depend on changes of weather, isolation and attendance. Because of the recurrence of these factors fluctuations occur with diurnal and seasonal periodicity.

A necessity to create varied zones with different temperature and humidity environments is determined by the nature and variety of brands kept in museums.

We first carried out some location observations of the exposition halls in Tashkent museums for microclimatic data collection in Summer time.

Four museums were explored, which were built to individual projects and they had different specification of exhibits.

Below, we cite a brief description of some museums of Tashkent and data received after observation of their temperature and humidity in the period of exploitation.

The State Museum of Nature is a one-story building. It is one of the oldest museums in Tashkent.

Exchange of the air is provided by 4 air-conditioners BK-1500 and 2-air hove ventilators.

Five control points were chosen for measuring the temperature, humidity and the rate of the air traffic. The metering was held periodically – in the morning, in the afternoon and in the evening.

Besides, thermograph and hygrograph recorded data twenty-four hours a day on 1,2,3 points. Observation gave us the following results: 3 days max. temperature in exposition halls reached $+28$, min. $+25$ degrees centigrade, the rate of humidity of the air fluctuated from 18 to 28%. At the same time outside temperature was $+23-39$ degrees centigrade with the rate of humidity of 25% on average. The rest of 3 days (8-9, July) results showed temperature $+24-25$ degrees centigrade with the rate of humidity of 18-29%.

Architectural location of the museum is oriented to the Southeast. The building was made of brick. The height of the museum is 4-4,20 m. The hall of the museum is divided into 3 parts. The small halls differ from each other by height. Final results of the experiment are: RN is 55-60%, temperature of the air must be 14-15 degrees centigrade. Experimental data had been changed during the 3 days: max. temperature $+28$ degrees centigrade, RN- 18-22%.

The State museum of literature named after A.Navoi is located in the building which was built in 1950s. Architectural orientation of this museum faces the West.

4-storrie building of the museum was made of brick. The height of the each floor is 3,20m. There is no air-cooling or ventilation exists. The exhibits and pictures are covered by a stained glass, as the temperature increases due to the isolation. Researches were held from 18-24th of July 2001.

10 auxiliary points were chosen for providing measuring of the exposition hall and after that the characteristic places were uncovered where thermograph and hygrograph were installed on 3 points on the each floor in order to gain average rates of the temperature and RN. The average 6-day temperature in the exposition halls was $+25$ degrees centigrade, RN-30%, at the same time the outside temperature

+28°, минимальная +25^oС, относительная влажность воздуха колебалась от 18 до 28%. При этом наружная температура колебалась от +23 до +39^oС, относительная влажность в среднем была 25%. Остальные три дня (8-9 июля) показатели составили: температура +24+25^oС и относительная влажность колебалась от 18 до 29%. Архитектурное месторасположение музея ориентировано на юго-восток. Здание музея выстроено из кирпича, высота 4 – 4,20 м. Зал музея поделен на 3 части, малые залы отличаются друг от друга по высоте. Результаты экспериментов такие: норма относительной влажности составляет 55-60%, температура воздуха должна быть 14 – 15^oС. При замерах данные в этом музее менялись в течение 3-х дней: максимальная температура + 28^oС, относительная влажность – от 18 до 22%.

- Государственный музей литературы им. А.Навои размещается в здании построенном в 50-е годы. Архитектурная ориентация указанного музея обращена на запад. Четырехэтажное здание музея выстроено из кирпича. Высота этажей 3,20 м. Никакой технологии охлаждения или проветривания не предусмотрено. Экспонаты и картины закрыты стеклом, так как под воздействием инсоляции внутренняя температура повышена.

Для проведения соответствующих измерений экспозиционного зала были выбраны 10 вспомогательных точек, после этого выявлены характерные места, где и были установлены в 3-х точках термографы и гигрографы по 3 этажам, чтобы получить средние показатели температуры и влажности воздуха. Средняя шестидневная температура в экспозиционных залах равнялась +25^oС, относительная влажность – 30%, при наружной температуре +28^oС и относительной влажности 39%. Результаты экспериментов такие: если нормативные показатели относительной влажности и температура воздуха должны быть 55-65% и +15+18^oС соответственно, то замеры показателей этого музея таковы: относительная влажность – 30%, а средняя температура +25^oС.

- Музей Геологии Узбекистана находится на пересечении двух больших городских магистралей: ул.Фурката и ул.Навои где представлено богатство недр Республики. Здание двухэтажное – второй этаж представляет единый экспозиционный зал. В цокольном этаже размещены 2 экспозиционных зала, лекционный зал, гардероб и др. обслуживающие помещения. В подвале – склады, мастерские, вентиляционная и холодильная камеры.

Для замеров температуры и влажности воздуха были выложены 4 точки на первом этаже и 6 точек на втором этаже, затем приборы установили в одной точке на первом этаже и одной – в большом экспозиционном зале. Результаты таковы: средняя температура в экспозиционном зале колебалась от + 25°+27°, при наружной температуре от 19-24°, а относительная влажность в зале 18-25% при наружной относительной влажности 10-28%.

Железо-бетонное здание музея спроектировано очень светлым, высота этажей – 3,20 м. Здание музея ориентировано на запад.

- Музей истории темирликов. В связи с 660-летним юбилеем со дня рождения великого государственного деятеля, сохикбирона Амира Темура, по инициативе Президента Республики Узбекистан И.А.Каримова, было принято решение "О строительстве Государственного музея истории Темирликов" в г. Ташкенте. Здание имеет в плане форму круга, что является композиционной особенностью этого объекта. Здание музея выстроено из кирпича, высота этажей – 3,29 м. На первом этаже расположены экспозиционные залы, комнаты персонала и конференц-зал на 200 мест. На втором этаже размещены экспозиционные залы, комнаты персонала и технические помещения.

Так же как и в других музеях были проведены контрольные замеры и установлены приборы: на первом этаже (экспозиционный зал) 1 точка и на втором этаже – 2 точки, с левой и с правой стороны круглого экспозиционного зала. Шестидневные наблюдения показали, что температура и относительная влажность соответствовали нормативным данным: температура воздуха + 20°+23° С, относительная влажность 55-60%, при наружной температуре 25-27° и относительной влажности от 20-35%.

Во время исследования музея 2 кондиционера типа СТА 31-50 автономно работали только для экспозиционных залов, подавая холодный воздух в объеме 50000 кубов в час. Центральный двухсветный зал перекрыт куполом 6-ти метровой высоты. Боковые этажи выполнены из железобетонных конструкций. Здание ориентировано на юго-восток. Сравнивая экспериментальные показатели с нормативными делаем вывод, что при норме 55-65% относительной влажности и +15°+18^oС температуры, экспериментальные показатели оказываются очень близкими к норме – 55-60% и +19+23^oС (результаты замеров).

Таким образом, 24-х дневные наблюдения за температурным и влажностным режимом в условиях летнего сезона в экспозиционных залах музеев Ташкента показали, что из четырёх исследованных нами музеев удовлетворительным признан только экспозиционный режим зала Музея истории темирликов, где параметры воздуха соответствуют нормативным данным.

девори эса жануби-ғарбга қараб лойиҳаланган. Бино ғиштдан қурилган бўлиб, баландлиги 4.20 метрни ташкил этади. Музейи зали уч бўлакдан иборат, кичик заллар бир-биридан баландлиги билан фарқ қилади. Тажириба натижалари қуйидагича: меъёр бўйича нисбий намлик 55–60 фоиз, ҳаво ҳарорати +14^oС дан +15^oС гача бўлиши керак. Бу музейдаги тажирибавий маълумотлар уч кун давомида максимал ҳарорат +28^oС, нисбий намлик 18 дан 22 фоизгача ўзгариб турганини кўрсатади.

Алишер Навоий номидаги Давлат адабиёт музейи ХХ асрнинг 50-йилларида қурилган. Мазкур бино меъморий жойланиши бўйича шимоли-ғарбий томонга қаратиб қурилган ва ғиштли, тўрт қаватдан иборат. Бинонинг учта қаватидаги экспозиция зал деразалари жануби-шарқ томонга қараб лойиҳаланган. Қаватлар баландлиги 3.20 метр. Ҳеч қандай шамоллатиш ёки совитиш воситалари қўлланилмаган. Ойналар экспонат суратлари билан беркитилганлиги сабабли инсоляция таъсирида иссиқлик ҳарорати ошган.

Экспозиция залидаги тегишли ўлчов ишларини ўтказиш учун қўшимча ўнта нукта танланди ва шундан сўнг ҳарорат ва намликнинг ўртача кўрсаткичларини олиш мақсадида нисбатан характерли бўлган учта нуктада ва уч қаватнинг барчасида термографлар ва гигрографлар ўрнатилди. Экспозиция залларидаги олти кунлик ўртача ҳарорат +25^oС, нисбий намлик 30 фоиз бўлиб, буида ташки муҳитнинг ҳарорати +38^oС, нисбий намлик эса 39 фоизни ташкил этди. Тажириба натижалари қуйидагича: меърий кўрсаткичлар бўйича нисбий намлик 55–65 фоиз, ҳаво ҳарорати +15^oС дан+18^oС гача бўлиши керак. Бу музей тажирибалари ҳулосасига кўра, нисбий намлик 30 фоиз, ўртача ҳарорат +25^oСни ташкил этган.

Ўзбекистон Геология музейи Тошкентнинг Фуркат ва Навоий шоҳ (магистрал) кўчалари кесишган қисмида жойлашган ва унда республиканинг барча табиий бойликлари намойиш этилади. Бино икки қаватдан иборат. Иккинчи қаватда экспозиция зали жойлашган. Пойдевор қаватида иккита экспозиция зали, маърузалар зали, гардероб ва бошқа хизмат кўрсатувчи хоналар жойлашган. Ертўлада эса оғборхоналар, устахоналар, вентиляция ва совитиш камералари жойлашган.

Ҳарорат ва ҳаво намлигини аниқлаш учун қуйидаги нукталар танлаб олинди: тўртта нукта биринчи қаватда ва олти нукта иккинчи қаватда. Бу ўлчов ишлари учун нукталар қуйидагича белгиланди: биринчи нукта биринчи қаватда, иккинчи нукта эса катта экспозиция залида. Ҳулосалар қуйидагича: ташки ҳарорат +28^oС дан + 23^oС гача бўлганда, экспозиция залидаги ҳарорат ўзгариши +18^oС дан + 23^oС гача, ташқарида нисбий намлик 18–27 фоиз бўлганда, залда 18–23 фоизгача ўзгариб турди. Музей биноси қаватлари баландлиги 3.20 метр. Бино конструкцияси темир-бетондан. Бино меъморий жойланиши жиҳатидан жануби-шарқ томонга қаратиб лойиҳаланган. Музейнинг биринчи қават экспозиция залидаги деразалар жануби-ғарбга қараб, иккинчи зал деразалари шимоли-шарққа қараб, иккинчи қават зали деразалари шимоли-ғарбга ва шимоли-шарққа қараб лойиҳаланган. Залларда юқоридан ёритиш чироклари мавжуд.

Тажириба ҳулосалари шуни кўрсатадики, меъёр бўйича нисбий намлик 55– 60 фоиз, ҳаво ҳарорати +12^oС дан +20^oС гача. Музейдаги нисбий намлик 18–23 фоиз, ички ҳаво ҳарорати +18^oС дан +23^oС гача

Табиат музейи экспозицияси,
Тошкент ш.

Экспозиция музейи природы,
г. Ташкент.

Exposit of the museum of
nature in Tashkent.

кўрсаткичга эга экани аниқланди. Тажриба пайтида совитиш технологиялари ишламаган.

Темурийлар тарихи Давлат музейи. Буюк давлат арбоби, Соҳибқирон Амир Темури туғилган куннинг 660 йиллик (юбилейи) тантаналари муносабати ва Ўзбекистон Республикаси Президенти И.А.Каримовнинг ташаббуси билан Тошкент шаҳрида “Темурийлар тарихи Давлат музейининг қурилиши тўғрисида”ги қарорга кўра қурилган. Бино доира шаклида бўлиб, айлана бўйича кўриш имконини беради ва бу объектнинг композициясидаги ўзига хос асосий жиҳати ҳисобланади. Биринчи қаватда экспозиция заллари, хизматчилар хоналари ва 200 ўринли анжуманлар зали жойлашган. Иккинчи қаватда асосан экспозиция заллари ва техника хоналари жойлашган.

Шунингдек, бошқа музейлардаги каби назорат ўлчовлари ўтказилди ва асбоблар ўрнатилди: биринчи қаватда (экспозиция залида) бир нуктада ва иккинчи қаватда иккинчи нуктада, доирасимон экспозиция залининг чап ва ўнг томонларида. Олти кунлик кузатувлар ҳарорат ва нисбий намлик меъёрий кийматларга мос келишини кўрсатди, жумладан, ҳавонинг ҳарорати $+20^{\circ}\text{C}$ дан $+23^{\circ}\text{C}$ гача, нисбий намлик 55–60 фоизни, айни вақтда ташқи ҳарорат $+35^{\circ}\text{C}$ дан $+37^{\circ}\text{C}$ гача ва нисбий намлик 20–35 фоизни ташкил этди.

Таъқиқотлар вақтида СТА 31–50 русумли иккита кондиционер алоҳида экспозиция заллари учун ишлаб, соатига 50000 куб ҳажмдаги совитилган ҳавони етказиб турди. Қаватлар баландлиги 3.20 метр. Бино залининг марказида икки қаватга тенг баландликда заллар ўзаро боғланган ҳамда юқориси 6 метр баландликдаги гүмбаз билан беркитилган. Бинонинг меъморий жойланиши жануби-шарқий томонга қаратиб лойиҳаланган.

Тажриба ҳулосалари, меъёрий кўрсаткичлар нисбий намлик 55–65 фоизни, ички ҳаво ҳарорати $+15^{\circ}\text{C}$ дан $+18^{\circ}\text{C}$ гачани ташкил этиши зарурлигини кўрсатди. Музей залидаги нисбий намлик 55–60 фоиз, ички ҳаво ҳарорати $+19^{\circ}\text{C}$ дан $+23^{\circ}\text{C}$ гача эканлиги аниқланди.

Ҳулоса қилиб айтиладиган бўлсак, Тошкент шаҳридаги музейларнинг экспозиция залларида ҳарорат ва намлик ҳолатининг ёз мавсумидаги кузатуви натижаларига кўра, юқорида айтиб ўтилган музейлардан фақат Темурийлар тарихи Давлат музейининг экспозиция залидаги ҳавонинг сифат кўрсаткичларигина меъёрий талабларга жавоб бериши маълум бўлди.

was $+28$ degrees centigrade and RN-39%. The results of experiment are: the average temperature was $+25$ degrees centigrade, and RN-30%, whereas expected rates must be: temperature - $15-18$ degrees centigrade and RN- 55-65%.

-Museum of Geology of Uzbekistan is situated at the crossing of two thoroughfares: Furkat and Navoi Streets. (Architect Tursunov and others.)

There we can see all natural wealth of the Republic. This is a two-store building with a ground floor. (pic.3). The administrative premises are on the first floor. The second floor united the exposition hall, 2 exposition halls, lecture hall, groaning room which are located on the ground floor. The warehouses, works, ventilation and air cooling system are in the basement. Observations were held from the 25th to the 31st of July 2001.

4 points on the first floor and 6 points on the second floor were chosen for metering the temperature and humidity. 1 point on the 1st floor and 2 points in the big exposition hall were installed for the measuring.

We received the following results: average temperature in the exposition hall fluctuated from $25-27$ degrees centigrade, RN was 18-25%, but outside temperature was $19-24$ degrees centigrade, RN was 10-28%.

The museum was planned to be a very light construction. The height of the floors is 3.20m. The building was made of the reinforced concrete. The building of the museum is oriented to the West.

-Museum of the Timurids. In connection with 660 years Anniversary of the great ruler Amir Temur birthday the initiative of President of Uzbekistan Islam Karimov was to construct the State Museum of the Timurids in Tashkent. (Architect Turdiev. A. Kasimov A.I. and others). The construction area was chosen in the neighbourhood of Amir Temur Square and District Officers' House public garden, taking into account the general urban planning. The building has a round shape, which enables to view the area around the museum from any point inside. This is a special feature of this building. The building was made of bricks. The height of the floors is 3.29m. There are exposition halls, staff rooms and conference hall for 200 persons located on the 1st floor. The exposition halls, staff rooms and technical rooms are located on the 2nd floor.

The research was held from the 20th to the 26th of August 2001. We have conducted the same as in other museums measuring. Devices were placed accordingly. 1 point was on the 1st floor and 2 points on the right and left sides of the circle exposition hall. Six days exploration showed that temperature and RN met the required rates. Temperature of the air was $20-23$ degrees centigrade and RN was 55-60% inside the museum. The outside temperature was $25-27$ degrees centigrade and RN was 20-35%.

During the research of the museum 2 air conditioners (STA 31-50) independently. They serve the exposition halls alone. They supplied the air-conditioned air at the 5000 cubes/hour. Area at the centre of the hall links 2 floors. The dome is 6m high. The walls were built from concrete components. The building is oriented to the southeast. Comparing experimental data with the required standards we conclude that the experimental rates of $19-23$ degrees centigrade and RN -55-60% (metering results) are almost corresponding with the standards required, i.e. $t-15-18$ degrees centigrade and RN - 55-65%.

Thus, 24 days observation of the temperature and humidity environment in the exposition halls of 4 explored museums of Tashkent revealed that only the Timurids' museum has parameters of the air corresponding to the standards required.

ТУРК ХОҚОНЛИГИ ДАВРИДА ТОҲАРИСТОН

Ғайбулла БОБОЁРОВ

ТОХАРИСТАН В ПЕРИОД ТЮРКСКОГО ХАКАНСТВА

Во второй половине VI века Тюркское хаканство, покорившее множество стран, было самым крупным государством в Центральной Азии. Его территория простиралась от Корейского полуострова на востоке до Черного моря на западе, от Енисея и Байкала на севере до Индии и Афганистана на юге.

Тохаристан располагался вдоль Амударьи, на юго-западной окраине хаканства, и состоял из 27 вилайтов, куда входили Чаганиан, Хуттал, Кумед, Кубодиён, Бадахшан, Шугнон, Voxон, Ахарун и другие. До возникновения Тюркского хаканства Тохаристан входил в состав государства Эфталитов. В период, когда один из основателей Тюркского хаканства Истами Ябгу (552–576), разбив эфталитов, завоевал часть их территории — Шань, Фергану, Уструшона, Хорезм, Бухару, а также Самарканд, Панджикент, Насаф и Кеш в Согдийской долине, его союзник Кубат — сын сасанидского шаха Хисрава I Анушервана — покорил Кобулистан, Зобулистан и Тохаристан. Но впоследствии союзники охладели друг к другу, и Истами Ябгу в 567 году, двинувшись вдоль Амударьи против сасанидов, одержал решающую победу и Тохаристан отошёл Тюркскому хаканству. Это историческое событие зафиксировано в Орхон-Энасайских каменных письменах.

Тюркское хаканство придавало Тохаристану особое значение, поскольку регион является самым крайним, юго-западным рубежом. Очевидно, поэтому Тохаристаном стали править сами ябгу. А ябгу считался самым высоким званием в хаканстве и присваивался в основном правителям западных краёв, являвшихся потомками Истами Ябгу. Древний китайский путешественник Сюань Цзан, побывавший в Тохаристане в 629–645 годах пишет, что хакимами—правителями всех городов и вилайтов Тохаристана были тюрки. Это подтверждают и Тохаристанские монеты VI–VIII веков.

По свидетельству древнего китайского письменного источника «История династии Тан», Тохаристанские ябгу происходят из племени Ашин, которое основало Тюркское хаканство. Тохаристанские ябгу правили до середины VIII века. Вот некоторые из них: Дэлэ — Тегин (конец VI в.), Тардушад (630 г.), Ишбара Ябгу (645 г.), Ашина Учебо (653 г.), Надунли (705 г.), Кутлуг Тун Тарду (720–730 гг.).

По свидетельству арабских источников во второй половине VIII века Тохаристан перешел к карлукам. Однако, исходя из многих письменных источников — китайских, согдийских, арабских, русских — правителями Тохаристана по-прежнему оставались тюрки. Помимо ябгу они носили титулы: тегин — давнеемье принцип, шад — администратору края, владеющему собственным войском, элтабар — после тегина третьему по значимости администратору, тудун — родственнику хакана, надзирающего хакима по налогам, тархон — администратор после элтабара, эркин — представителям крупных племен. Наличие таких титулов в Тохаристане говорит о том, что после завоевания края хаканство ввело свою управленческую структуру, а сам край занимал видное место в Тюркском хаканстве.

Туркий давлатчилик тарихига тегишли манбалар синчковлик билан ўрганилганда, халкимиз тарихига доир кўплаб маълумотлар олиш мумкин. VI асрнинг иккинчи ярмида вужудга келган Турк хоқонлиги Марказий Осиёдаги кўпгина ўлкаларни бўйсундириб, минтақанинг энг йирик давлатларидан бирига айланди. Хоқонликнинг худуди шарқда Корейс кўрфазидан ғарбда Қора денгизгача, шимолда эса Энасой дарёси ва Байкал кўли ҳавзаларидан жанубда Хиндистон ва Афғонистоннинг шимолӣй вилоятларигача чўзилганди.

Тохаристон ўлкаси Амударёнинг ўрта ва юқори оқимларидаги икки соҳилда жойлашган Чағониён, Хуттал, Кумед, Кубодиён, Бадахшон, Шугнон, Voxон, Ахарун каби вилоятларни ўз ичига олган. Ўлка Турк хоқонлиги ташкил топгунга қадар эфталитлар давлати таркибида эди. Хоқонлик асосчиларидан бири Истами ябгу (552–576) бошчилигидаги қўшинлар VI асрнинг 60-йилларида эфталитларни тор-мор қилиб, Шош, Фарғона, Уструшона, Хоразм ва Сўғд воҳаларини қўлга киритган бир пайтда сосонийлар шоҳи Хисрав I Анушервоннинг ўғли Кубод раҳбарлигидаги Эрон қўшинлари эфталитларга қарашли Кобулистан, Зобулистан (Афғонистоннинг шимолӣ-шарқида жойлашган) ва Тохаристон ўлкаларини забт этадилар. Сосонийлар ҳукмронлиги таркибида бўлган Тохаристоннинг бир муддат унинг қўшниси ва иттифокчиси Турк хоқонлиги билан ораси бузилади. Бунга аввало, Эронга уборган сўғд элчиларига Сосоний шоҳнинг ноқобил муомаласи ва тижорат мақсадида келтирган ипак матоларининг ёқиб юбориш ҳолатлари сабаб бўлади. Бунга жавобан Турк хоқонлиги Эронга қарши уруш бошлайди. 567-йилларда сосонийларга қарши Амударё йўналиши бўйлаб юриш уюштирган Истами ябгу қатга зафар қозонади. Турк хоқонлиги қўшинлари VI асрнинг сўнги чорагида Тохаристонни забт этгач, хоқонликнинг жануби-ғарбий чегараси Амударёгача етди. Бу воқеа Ўрхун — Энасой битиктошларида «Темир қапиғ» (Темир қапиғ — Шаҳрисабздан 90 км жанубда Бойсун тоғида жойлашган ҳозирги Бўзғола гузари. Ўрта асрларда Дари-оханин деб юритилган ушбу гузар туркий битиктошларда Темир қапиғ тарзида тилга олинган) ўлкасини қўлга киритиши тарзида тасвирланади (Култегин битиктоши, шарқий томони, 2-сатр; Билга хоқон битиктоши, шарқий томони, 4-сатр). Тохаристон ўлкаси Турк хоқонлиги таркибига киргач, хоқонлик бу ерга алоҳида аҳамият бериши зарур бўлиб қолади. Чунки Тохаристон ва унга туташ ўлкалар давлатнинг жануби-ғарбдаги энг чекка худудлари эди. Шу сабабдан бўлса керак, Тохаристон ўлкасини ябгулар бошқарган. Маълумки, ябгу унвони Турк хоқонлигида энг юксак унвонлардан бўлиб, у аксарият ҳолларда хоқонликнинг ғарбий ўлкаларини бошқариш учун тайинланган ноибларга, асосан, Истами ябғунинг

авлодларига берилган. Хитой сайёҳи Сюань Цзань 629–645-йиллардаги саёҳати давомида Тоҳаристонда 27 вилоят мавжудлиги ҳамда уларнинг барчаси турклар тасарруфида бўлганлигига гувоҳ бўлган.

Бу даврда Тоҳаристондаги мавжуд вилоятларнинг кўпчилигида бошқарув туркийлар қўлида бўлган. Масалан, Хитой сайёҳи Сюань Цзань маълумотига кўра, 644 йилда Тоҳаристоннинг энг йирик вилоятларидан саналган Сурхондарёдаги Чағониён вилоятининг ҳокими туркий бўлган. Сўд ёзуви фрескадан маълум бўлишича, VII асрнинг иккинчи ярмида бу ерда Тўртс (Туронтош) исмли ҳоким фаолият кўрсатган. Шунингдек, Абу Жаъфар ат-Табарийнинг «Тарих ар-русул ва-л-мулк» (Пайгамбарлар ва ҳукмдорлар тарихи) асарида қайд этилишича, 710 йилда Чағониёнда «шад» унволи туркий ҳукмдор бўлган. Табарий асарининг русча нашрида «аш-Шааз» тарзида берилган бу сўз китобнинг изоҳ қисмида Тоҳаристоннинг туркий ҳукмдорларидан бирининг исми ёки унволи эканлиги айtilади. Х.Гибб эса унинг «шад» унволи туркий ҳукмдор бўлганлигини таъкидлайди.

Тоҳаристоннинг муҳим вилоятларидан бири, Вахш ва Панж дарёси оралиғида жойлашган Хуттал вилоятида ҳам туркий сулола ҳукм сурган. Хитой ва мусулмон манбаларидаги маълумотларга кўра, бу вилоятни «синги» (туркий – «эркин») унволи аш-Шабал (туркий Ишбара; 699–727), «силифа» (туркий – «элтабар») унволи ибн ас-Санжий (аш-Шабалининг ўли; 727–737), Тудун Тархон (737), Алузинш ябғу (750–752) каби шахслар бошқаришган.

Шунингдек, «Тан-шу» йилномасидан маълум бўлишича, Тоҳаристоннинг шимоли-шарқий қисмида, Сурхоб дарёси хавзасида жойлашган Кумед вилояти ҳокимлари ҳам туркийлардан бўлган. Яна шу йилномадан бу вилоятни 640-йилларда Янто (Тардуш) туркларига мансуб ҳоким бошқарганлиги маълум бўлади.

Тоҳаристоннинг Вахш дарёси хавзасидаги Воҳон вилоятида ҳам туркий сулола бўлган. Хитой манбаларида қайд қилинишича, вилоятни 656–660-йилларда Шаболо Силифа (Ишбара Элтабар), 720–730-йилларда Гудулу Дэпилэ Мохэду Мосар (Кутлуг Баходур) исмли ҳокимлар бошқарган.

Шунингдек, ибн Воиз Йаъқубий (IX аср) «Китоб ал-булдон» асарида Балх вилоятининг ҳукмдорларини тархон сифатида зикр қиладики, бундан Балхни Тархон унволи ҳукмдор бошқарганлиги аниқ бўлади.

Юқорида кўриб чиқилган маълумотлардан Турк ҳоконлиги Тоҳаристон ўлкасини қўлга киритгач, бу ерда ўз бошқарув тизимини жорий қилганлиги маълум бўлади. Бу, асосан, ҳоконликнинг марказий ҳокимиятида муомалада бўлган унвоиларнинг Тоҳаристонда ҳам қўлланила бошлаганлиги кўрсатади. Истами ябғу авлодларидан бўлган Тоҳаристон ябғулиги алоҳида бир сулола сифатида VII аср бошларидан VIII аср ўрталаригача ҳукмронлик қилган. Шунингдек, «ябғу» унвонидан ташқари, юқорида кўриб ўтилганидек, ўлканинг бир неча вилоятида «тегин», «шад», «элтабар», «тудун», «эркин», «тархон» каби туркий унвоилар мавжуд бўлган. Маълумки, ушбу унвоилар ҳоконликнинг марказий бошқарув тизимига хос бўлиб, тегин – шахзодаларга, шад – бирор ўлкага маъмур қилиб тайинланган ва ўз қўшинига эга бўлган тегинларга, элтабар – тегиндан кейин турадиган учинчи даражали маъмурга, тудун – ҳоконнинг уруғидан чиққан ва бўйсундирилган вилоятлар ҳокимлари фаолиятини назорат қилиб, ўлпон ва солиқлар йиғинини ташкил этиш мақсадида тайинланган ноибга, тархон – элтабардан кейин турадиган маъмурга, эркин – ҳоконликнинг ғарбий қисмидаги Ўн ўк қабилалар иттифоқига мансуб беш Нушиби уруғи ва бошқа йирик туркий уруғ бошлиқларига нисбатан қўлланилган. Бундай унвоиларнинг Тоҳаристонда ҳам жорий этилганлиги ўлканинг Турк ҳоконлиги микёсида қай даражада ўрин тутганлигини кўрсатади. Ушбу тарихий манбалардаги ҳужжатлар, тарихий давлатчилик тизимида амалдорларга нисбатан шайланган турли туркий унвоилар халқимизнинг ўтмиш меросини ўрганишда алоҳида аҳамият касб этади.

TOKHARISTAN DURING TURKIC KHAKANATE

Turkic khakanate that conquered many countries was the largest in the Central Asia in the second part of the 6th century. Its territory extended from the Korean peninsula in the east to the Black sea in the west, from Enisei and Baikal in the north to India and Afghanistan in the south.

Tokharistan was situated along Amudarya in the south-western remote area of the khakanate and consisted of 27 regions (viloyats), Chaganian, Khutal, Kumed, Kubodiyon, Badakhshan, Shugon, Vokhon, Akharun and others. Tokharistan had been a part of Evtalits' state till Turkic khakanate appeared. When one of the Turkic khakanate's founder, Istami Yagbu (552-576), defeated Evtalits and conquered a part of their territory-Shash, Fergana, Ustrushona, Khorezm, Bukhara and also Samarkand, Panjikent, Nasaf and Kesh in the Sogdian valley, his ally Kubat - a son of Sasanid's shakh Khisrav the 1st Anushervan, conquered Kobulistan, Zobulistan and Tokharistan. But finally, allies lost interest in each other and in 567 year Istami Yagbu took the field along Amudarya against sasanids, won and Tokharistan was transferred to Turkic khakanate. This historic event had been registered in the Orkhan-Enasaik stone letters.

Turkic khakanate attaches a particular importance to Tokharistan, as though this region is the extreme south-western border. Evidently, yagbus began governing Tokharistan themselves because of this reason. Yagbu considered the highest rank in the state and had been conferred to the western regions' rulers, who were the descendants of Istami Yagbu. The ancient Chinese traveler Syuan Tszan, who visited Tokharistan in 629-645 years writes, that Turkies were the rulers (khakim) of all Tokharistan towns and regions (viloyats). This is corroborated by Tokharistan's coin of the 6th-8th centuries.

According to the ancient Chinese source "The history of Tan dynasty", Tokharistan's yagbu came from the Ashin tribe, that had founded Turkic khakanate. Takharistan's yagbus ruled till the 8th century. Here are some of them: Dele - Tegin (end of the 6th century), Tardushad (630), Ishbara Yagbu (645), Ashina Uchobo (653), Nadulini (705), Kutlug Tun Tardu (720-730).

According to the Arabic sources Tokharistan came to Karluks in the second part of the 8th century. But basing on lots of Chinese, Sogdian, Arabic and Russian manuscripts- turkies remained Tokharitan's rulers as usual. In addition to yagbu they used the following titles: tegin- conferred to princes, shad- to the region administrator, who possessed his own army, eltabar- to the third largest administrator after tegin, tudun- to the khakan's relative, supervising khakim and taxes, tarkhon- to the administrator after eltabar, erkin- to the representatives of large tribes. The spreading of these titles in Tokharistan is evidence of the fact, that after region's conquest, khakanate introduced administrative structure and every region took a special place in Turkic khakanate.

АРХИТЕКТУРНАЯ ЭПИГРАФИКА АК-САРАЯ

Хайрулла СУЛТОНОВ

ОКСАРОЙ МЕЪМОРИЙ ЁЗУВЛАРИ

Маълумки, ўрта асрларга келиб, хаттотлик санъати меъморчиликда ҳам кенг қўлланила бошланди ва биноларнинг бадий безагида алоҳида ўрин эгаллади. Китобат хаттотлигидан фаркли ўларок, меъморий обидаларда асосан икки шаклдаги, яъни «куфий» ва «наسخ» ёзувларини учратамиз. Асрлар давомидаги ўзгаришлар ва ривожланиш жараёнида «наسخ» ёзуви асосида «мумтоз олтилик» вужудга келиб, уларни «сулс», «наسخ», «мухаккак», «райхоний», «тавкий» ва «риска» деб аташди. Ушбу шаклдаги ёзувлар «куфий» хати билан биргаликда Марказий Осиё меъморчилигида, жумладан, Шахрисабзнинг XIV–XV аср обидаларида кенг ўрин олган. Битиклар хилма-хил бўлиб, ўзида бадий безак воситасидан ташқари, кўп ҳолларда муҳим тарихий, жўғрофий, топономик ҳамда расмий ва диний маълумотларни мужассамлаган. Баъзи эпиграфик безаклар ёдгорликнинг қурилиш вақтини аниқ белгилашда ягона манба сифатида хизмат қилади.

Шу билан бирга, жимжимадор безак шаклидаги битикларда машхур, бир қатор ноёб биноларни бунёд этган уста меъморларнинг номлари учрайди. Шахрисабзнинг меъморий обидалари ҳам бундан истисно эмас. Амир Темура фармонига биноан, 20 йилдан зиёд вақт ичида қурилган Оксаройнинг бизгача фақат асосий маҳабатли кириш пештоқининг ён устун ва миноралари харобасигина, сақланган ҳолда. Бир пайтлар ниҳоятда юксак ва бадий безак жиҳатидан бетакрор, барчани ҳайратга солган кошонанинг қолган қисмлари хилма-хил меъморий қошн ва битиклар билан қопланган.

Оксаройнинг меъморий битикларини XIX асрда И.Л.Кун, Н.Ф. Ситняковский каби рус шарқшунослари кўчиришган ва уларни М.С.Андреев қисман таржима қилган. XX асрнинг бошларида ушбу ёзувлар В. В. Бартольдга қизиқиш уйғотиб, у хатто М.Е.Массондан хат орқали айрим саналарни аниқлашни илтимос қилган.

Кейинчалик Оксарой битикларини ўрганиш ва таржима қилиш билан М.Саиджонов ва Я.Гуломовлар шуғулланишган. 1942 йилда Оксарой битикларининг бир қисмини М.Массон тадқиқ этиб, ушбу бинонинг безаклари хижрий 797 (1394–1395 м.й.) йилда уста Муҳаммад Юсуф Табризий томонидан бажарилганини аниқлайди. Бу ёзув кириш равоқининг ғарбий устунда икки маротаба келтирилган. Аммо кўп йиллар давомида Оксарой битиклари мукамал тадқиқ қилинмай қолди.

1987 йилдан бошлаб, Оксарой меъморий хаттотлиги намуналари мақола муаллифининг асосий тадқиқот мавзуси бўлиб, бир неча йиллар давомида барчасини таҳлил қилди.

Оксарой пештоқининг икки ёнидаги миноралар безак қошласида «Султон – Оллоҳнинг ердаги сояси» ва «Султон – сояси» мазмундаги битиклар йирик «куфий» хатидаги ҳарфлар билан бажарилган. Ёзувлар бир неча бор такрорланади ва иккинчи ёзув миноранинг пастки қисмида бўлиб, жой етишмаслигидан тугатилмаган. Меъмор-безакчиларнинг бу хатосига М. Массон ўз вақтида эътибор берган. Олиб борилган тадқиқотлар шуни кўрсатдики, ушбу мазмундаги ёзув расмий-меърий хикмат шаклида қабул қилинган бўлиб, меъморий бинолардан ташқари ҳам кенг ишлатилган.

Кейинги ёзув пештоқнинг ғарбий устунининг пойдевори устидан бошланиб, унинг бутун узунлигини гирдеч шаклида қоплаган. Пештоқнинг равоқи бузилгани сабабли ёзувнинг ушбу қисми сақланмаган, унинг давоми шарқий устунда мавжуд ва ғарбий устундаги каби олти маротаба такрорланади. Унинг мазмуни қуйидагича: «Адолат – давлат таянчи ва подшоҳларнинг шiori».

Эпиграфик безак «сулс» хатида ёзилган ва унинг оқ рангидаги ҳарфлари ўсимлик шакллари орасида тиниқ ва яққол кўринади. Шунингдек, олти қиррали ҳанчасавий шакллар безакка ўзгача жозиба ва «енгиллик» бахш этган. Олти бурчакларнинг қирралари оралигида «куфий» хатида битилган ҳарфлар «бокий» сўзини ташкил этади.

В средневековую эпоху на мусульманском Востоке высокого уровня развития достигло искусство каллиграфии. Оно постепенно становится одним из важнейших компонентов декоративного оформления памятников архитектуры.

В отличие от книжной каллиграфии, на архитектурных памятниках мы чаще всего встречаем две основные разновидности арабского письма: “Куфи” и “Насхи”.

В результате эволюционного развития арабского алфавита и совершенствования написания из криволинейного письма “Насхи” возник ряд почерковых стилей, именуемых “классической шестеркой”: “сульс”, “наسخ”, “мухаккак”, “райхоний”, “тоуки” и “риська”. Эти виды почерковых стилей совместно с куфическим встречаются и на памятниках архитектуры Центральной Азии, в частности, на памятниках архитектуры XIV–XV вв. в Шахрисабзе.

Надписи разнообразны и, кроме декоративно-художественных функций, содержат в себе весьма важные исторические, географические, историко-топографические сведения, данные светского и религиозного содержания.

Нередко эпиграфические надписи являются единственным источником для установления точной даты возведения здания.

Известны случаи, когда в многоцветие резных поливных терракот и майолики, искусственно вилетались имена великих мастеров, создавших шедевры мирового зодчества. В этом отношении архитектурные памятники Шахрисабза не являются исключением.

Дворец Ак-Сарай, строившийся по заказу Темура более 20 лет (1379–1404 гг.), дошел до нас в виде двух мощных устоев громадного входного портала с фланкированными по углам трехчетвертными минаретами. Уцелевшие части порталного проема и фасада главной арки богато декорированы изразцовой облицовкой и эпиграфическими текстами.

Изучением этих текстов Ак-Сарая отчасти занимался Н.Л.Кун, затем, в 1900 г. Н.Ф.Ситняковским была разработана схема расположения отдельных эпиграфических пано и с помощью местного населения записаны некоторые надписи, которые были частично были переведены М.С.Андреевым.

Прочтены надписи Ак-Сарая пытался В.В. Бартольд и даже в письме к М.Е.Массону обращался с просьбой уточнить дату, обозначенную в надписи правого пилона дворца и выслать с него снимки.

Эпиграфическим исследованием Ак-Сарая занимался М.Саиджанов, но, к сожалению, они не были опубликованы. К исследованию эпиграфических текстов Ак-Сарая обращался Я.Г.Гулямов.

В 1942г. М.Е.Массоном была прочитана сохранившаяся надпись, по которой документально установлена дата выполнения облицовочных работ 797 г.х. (1394–1395 гг. н.э.) и имя мастера Мухаммада Юсуфа Табрези на жгута западного пилона второй арки, повторяющаяся дважды.

К большому сожалению, на протяжении длительного времени надписи Ак-Сарая так и оставались не изученными.

В 1987 г. к данному вопросу вновь было обращено наше внимание.

На этот раз исследованиями были охвачены почти все читаемые и сохранившиеся надписи, в том числе и ранее прочитанные.

Тексты дворца Ак-Сарай, размещенные на угловых минаретах, выполнены крупными буквами почерком «куфи» в мозаике-синие буквы с белым заполнением на темно-загорелом кирпичном фоне. Текст гласит: «Султан- тень Аллаха на земле» и «Султан - тень». Последняя надпись повторена в нижней части, но не завершена из-за неудачной компоновки, на что обратил внимание М.Е.Массон.

Изучения показали, что данная надпись является канонизированным выражением и встречается не только на памятниках архитектуры.

Следующий текст начинается над цоколем главного фасада западного пилона и широкой эпиграфической лентой поднимается почти на всю его высоту. Здесь надпись утрачена из-за разрушения тимпана большой арки. Продолжение ее хорошо сохранилось на главном фасаде восточного пилона, она опускается вниз и завершается над цоколем. Надпись обрамлена в картуши в виде вытянутого шестигранника и на каждом пилоне повторяется шесть раз. Текст гласит:

«Справедливость - основа государства и девиз правителей». Надпись выполнена почерком «Суль» - белые буквы на подстилающем сине-кобальтовом фоне. Не заслоняя буквенного узора, нанесены спиралеобразные ветви с листьями и бутонами.

AK-SARAY ARCHITECTURAL EPIGRAPHICS

A calligraphic art reached its intensive development in the Muslim East in the Middle Ages. It gradually became one of the most important elements of decorative design of architectural monuments.

Considering the fact that a letter among the Moslems had an ideological load, a great attention was paid to its contents and design.

In contrast to book calligraphy, we quite often come across with two main varieties of Arabic writing on architectural monuments, «Kufi» and Naskhi».

As a result of the evolution development of the Arabic alphabet and improvement of the curvilinear Naskhi script, there appeared a number of writing styles known as «classical six», «Suls», «Naskh», «Mukhakkak», «Raihani», «Touki», «Riska». These copy-book styles together with the «kufi» writings have been reflected on the architectural monuments of Central Asia and on the architectural monuments of the 14-15 century of the Shahrisabs town in particular.

These writing styles are very diverse and together with artistic-decorative functions they contain quite important historic, geographic and topographic data and that of civil and religious matter.

Epigraphic inscriptions on some architectural monuments are sometimes the only sources for identification of their exact dating.

Not infrequently, when among multicolour slip terracotta and majolica, in the form of architectural decor there are the names of great masters concealed who have created the masterpieces of universal importance. The architectural monuments of Shahrisabs are not exclusions in this case.

The palace of Timurids, Ak-Saray, which was being built more than 20 years (1379-1404) has come down to us in the form of two great ruins of the portal pylons with flanked at the corners three-quartered minarets. The remained intact parts of the portal embrasure and the frontward of the main arch are richly decorated with tiles and epigraphic inscriptions.

The inscriptions on the Ak-Saray Palace were partly studied by N.L. Kun. Later on, in 1900, N.F. Sitnyakovskiy discovered the layout of some epigraphic panels and with help of local it became possible to interpret some inscriptions on the portal of Ak-Saray which were partly translated by M.S. Andreyev.

B.B. Bartold also tried to read the Ak-Saray inscriptions and he even appealed to M.E. Masson with the request to specify a date mentioned in the inscription on the right pylon of the palace and send him the photos.

M. Saidjanov was also engaged in epigraphic investigations into Ak-Saray, but unfortunately these studies were not published. Y.G. Gulyamov also used to take part in studies of Ak-Saray's epigraphic texts.

In 1942 M.E. Masson managed to read a preserved inscription, by which it was possible to establish that facework had been made in 797 year of oriental calendar (1394-1395) and that the name of the craftsmen had been Muhammad Yusuf Tabrezi. This name was repeated twice on the tow of the west pylon of the second arch.

Unfortunately, the most of the inscriptions of the Ak-Saray palace were left unstudied for a long time.

In 1987 this problem once again draw our attention.

All readable and preserved inscriptions, including those studied earlier, were covered with investigations that time.

The texts located on the corner minarets of Ak-Saray are performed in mosaic with large Arabic letters of «Kufi» writing style. There are blue letters with white infill on a dark brown brick background. The text reads: «The Sultan is the Allah's shadow on the Earth» and «The Sultan - shadow». The last inscription is repeated in the lower part but is not completed because of an unsuccessful composition, which once draw attention of M.E. Masson.

The investigations have shown that this particular inscription is a sainted term, which could be met not only on architectural monuments.

The next text starts over the sole of the main elevation of the west pylon and in the form of a wide epigraphic band goes up to the whole its height. Here, because of destruction of the tympan of the large arch, the inscription is missing. Its continuation has been well preserved on the main frontward of the east pylon where it goes down and finishes over the sole. The inscription is framed in a cartouche in the form of an extended hexahedron and is repeated six times on each pylon. The text reads:

«Justice is the basis of a state and the motto of rulers». The inscription is made in a «Suls» handwriting - white letters on a blue-cobalt background. Without hiding the pattern of letters, spiral branches with leaves and buds are twining.

Обиданинг ушбу қисмидаги меъморий безакларда «куфий» хатида бажарилиб, олтин сув билан қопланган яна бир эпитафия битикни учратамиз. Унинг мазмуни қуйидагича: «Подшоҳлар сўзи – сўзлар ичра пошодир». Ушбу дунёвий мазмундаги шир давлатни бошқаришга оид қонунчиликка албатта дахлдордир. Яъни, бу сўзлар бошқача қилиб айтганда, «Подшоҳ сўзи – барча учун қонундир», маъносини билдириб, машҳур ва кенг қўлланилган «Подшоҳ амри – вожиб» деган нақлга яқин.

Навбатдаги эпитафия ёзув юқоридаги битикка нисбатан каттароқ ва ёнма-ён ҳолда бажарилиб. Матн мазмуни қуйидагичадир: «Мовий қуббаси ҳар хил ёруғ нурлар таратиб турган бу бинога феруза ранг осмон токи ибни манзар (манзаранинг ўғли), холос».

Мазкур матн бир неча бор такрорланиб ва дунёвий маъно касб этади. Шу ерда яна бир сақланиб қолган ёзув ҳақида эслаб ўтиш жоиз: «Агар бизнинг қудратимизга шубҳа қиладиган бўлсанг, қурган биноларимизга қара!»

Таърифланган матн билан деярли бир қаторда яна бир ёзув жойлашган, унинг мазмуни қуйидагичадир:

1. «Сенинг нур ила тажаллий этган юзинг ҳайратли».
2. «Менга сир эмас сенда барча яхшилик».
3. «Мана ҳар қандай нарсалар ҳам (менга) яқинроқдирсан».
4. «Барча фикр-ўйим сендадир».
5. «Эй, ботиний зот, бутун борлининг билан менга зоҳирсан».
6. «Ва эй, аввал бўлган зот борлининг ҳам тугамас».
7. «Бир тажаллий этдинг, менга бутун борлининг билан зоҳир бўлдинг».

8. «Шундай яширин зотсанки, (сени танимоклик йўлида) ҳиссийатлар сўнишга шунчалар яқин».

9-10. «Сени бутун борлининг билан кўрмадим, деб айтсам, агар ўзининг сувратимда айнан ўхшаш сенинг ҳолатингни кўрдим».

Матн мовий тағамин устидан зарҳалланган аниқ куфий ҳарфлар билан ижро этилган бўлиб, Оллоҳнинг васлига етишга тааллуқли диний иборалар иборат.

Ғарбий гулустун шарқий пештоқнинг катта ва унча чуқур бўлмаган тоқчаси устида қуйидаги мазмундаги ёзув мавжуд: «Турон ва Эрон Султони. Райҳон гулларига қиёс. Унинг гўзаллиги шунчалик равшанлигидан ундан майин сабо эсиб туради. У ғоятда матонатли. Унинг томонида бахт мужассам. У борган жой – баҳодирлар маскани».

Мазкур матн Амир Темурни улуғлашга бағишланган. Илк тарихий манбалардан маълумки, Амир Темур ҳарбий санъат ишида нафақат анъаналар ҳомийси, балки янгиликлар ижодкори ҳам саналарди. Шу билан бирга, Амир Темур ғоят маърифатли ва истеъдодли ҳукмдор эди. Хофиз Абрў сўзларига қараганда, Амир Темур файласуфларга ҳомийлик қилган, тарих, тиб, фалакийет илмини яхши билган. Бир вақтнинг ўзида у давлат тизимига алоҳида эътибор қаратган. Масалан, Ибн Арабшоҳ хабар берадики, Олтин Ўрда қулагандан кейин Амир Темур ўз қўл остидагиларга барча бой ва камбағалларга ёрдам кўрсатишга фармон берган, ердан яхшироқ фойдаланиш мақсадида муайян чегаралар белгилаган.

В этой же полосе надписи, между каждыми вытянутыми картушами, вписаны равносторонние шестигранники. Их плоскость оформлена шестиконечной звездой, а в междугранные звезды вписаны арабские буквы куфическим шрифтом, которые вместе дают слово «вечный».

В вытянутых картушах также располагается другой текст, исполненный почерком «Куфи» на арабском языке и покрытый позолотой. Текст гласит: «Слова царей – закон для всех».

Данный текст светский, одновременно носит в себе и законодательный характер. Его надо понимать и в следующем смысле: «Слова царей – закон для всех».

Данная надпись расшифрована не до конца. Она местами имеет утраты. По сохранившейся части видно, что текст неоднократно повторяется и носит светский характер, но вместе с тем выражает стремление зодчих возвысить мощь и прославить своих правителей. Здесь уместно напомнить еще об одной сохранившейся фразе: «Если ты сомневаешься в нашем величии – взгляни на наши постройки!».

Параллельно описанному тексту, буквально рядом с ним, располагается еще одна надпись. Она так же начинается в основании над цоколем главного фасада западного пилона и параллельно предыдущему поднимается на всю высоту памятника, завершаясь в основании главного фасада восточного пилона над его цоколем. Текст гласит:

1. «Твое явление свет, святое лицо твое – мой страх».
2. «От тебя не скрыть мое удивление». Самый близкий среди существующих».
4. «Ты – всё мое размышление».
5. «О, скрытый от глаз, вижу тебя ярко».
6. «О, первый и вечный в моей памяти».
7. «Ты предстал передо мной так, что я вижу тебя ясно».
8. «Скрылся ты так, что я чуть было не отказался от веры».
9. «Если я скажу, что я тебя не видел во всем твоим блеске».
10. «То что же предстает перед моим воображением подобно твоему облику».

Текст исполнен четким куфическим позолоченным шрифтом по глубокому синему фону. Большинство из изречений взяты из Корана с некоторыми изменениями в эпитетах.

Над большой и неглубокой нишей восточного фасада западного пилона, у самой верхней кромки арочной пяты большого свода проходит широкая полоса фриза с надписью, переходящей на шпильцовую стену. Текст гласит: «...Султан Турана и Ирана. Подобен цветку райхана. Его розы подобны райскому цветку, распространяющему аромат. Его красота явная, от него веет зефиром. Он восхитительно стоек. На его стороне место нахождения счастья. Место его пребывания – столица богатейрей».

Данный текст всецело посвящен восхвалению Темура. Из литературных первоисточников известно, что Темур в деле военного искусства считался не только хранителем традиций, но и новатором. В то же время Темур был очень просвещенным и талантливым правителем. По словам Хафиз-и Абрў Темур покровительствовал философам, прекрасно знал историю, медицину, астрономию. Одновременно особое внимание он уделял устройству государства. Так, Ибн Арабшаха сообщает,

что после разгрома Золотой Орды Темура дал указание своим подчиненным об оказании всем богатым и бедным помощи, установил определенные границы с целью лучшего использования земельных угодий.

Под этой надписью, непосредственно над замком ниши восточного фасада западного пилона располагается другой текст: "Султан - тень Аллаха на земле. Величие его - богатство".

Подчеркивая власть первого лица в государстве, текст исполнен крупными буквами цветущей "Куфи" или "Райхони" с золочением.

Весь текст обрамлен в прямоугольную золоченную раму. Его плоскость облицована расписными майоликовыми плитами с геометрическим и растительным орнаментами.

Над этой надписью, обрамленной в ту же золоченную раму, располагаются две фразы: "Доброта, щедрость". Эти фразы так же являются девизами Темура.

На крайне северной грани восточного фасада западного пилона имеются две одинаковые вертикальные поднимающиеся надписи: "О, благодетель народа! Продолжай царствовать, как Соломон. А в долготлетии будь подобен Ною".

Надпись интересна тем, что она написана в стихотворной форме и выполнена почерком "Суль" на глубоком синем фоне белой наборной мозаикой.

На западной части щипцовой стены Ак-Сарая в прямоугольной рамке располагается повторяющийся текст на арабском языке: «Власть принадлежит Аллаху». Текст коранического содержания, исполнен кувфическим шрифтом.

Исследования эпиграфических текстов западного пилона дворца Ак-Сарай, где они имеют лучшую

Just within this writing band, between every extended cartouche, equilateral hexahedrons are inserted. Their plain is in the form of a six-point star and between edges of the star there are Arabic letters inscribed in a «kufi» style, which all together give the word «eternal».

The extended cartouches also contain one more text written in Arabic of «kufi» writing style and covered with gilding. The text reads as follows:

«The word of tsars is the tsar among words».

This text is temporal and at the same time it bears a legislative character.

It could be understood as «the word of tsars is the law for everyone».

A description of most interest seems the one located on the main frontward of the west pylon, in the lower part of the west pylon the text is destroyed along the height of approximately 4 m. The space between the previous text and the present one is filled with a graceful brick mosaic. The text reads: «This is a wonderfully beautiful building with a blue cupola (vault) like (a cresset radiating multicoloured rays that are reflected on the vaults and portal)».

This writing is not deciphered completely. Some fragments are lost. By the remained part one can see that the text is repeated not once and bears a temporal character, and, at the same time, expresses an aspiration of the architects to glorify power of their rulers. Here it seems appropriately to remind of one more remained inscription: «If you doubt in our grandeur, look at our buildings!».

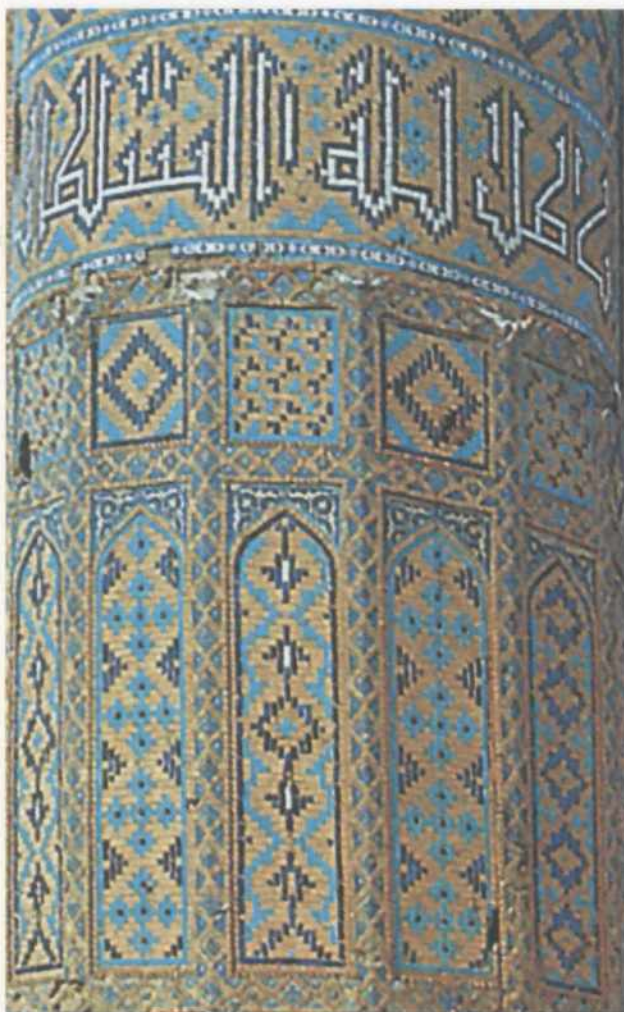
Parallel with the above text, just next to it, there is one more writing. It also originates in over the socle of the main frontward of the west pylon and in parallel to the previous text goes along the whole height of the monument. And finishes at the bottom of the main frontward of east pylon over its socle. The text says: «

1. «Your appearance is light, your sacred face is my terror».
2. «It is impossible to conceal from you my amazement».
3. «... the most intimate among alive».
4. «You are my thought».
5. «Oh! You are concealed from eyes, I see you distinctly».
6. «Oh! You are the first and eternal in my memory».
7. «You have appeared before me so that I can see you clearly»
8. «You disappeared in such a way that I nearly refused from believe».
9. «If I say that I have not seen you in all your brilliance».
10. «That, who appears before my imagination looks like you».

The text is written by clear «kufi» writing with gilt letters on a deep-blue background. Moreover, the majority of these learnings are taken from the Koran with some modifications.

Over the large and shallow niche of the east frontward of the west pylon just at the top ridge of the arch abutment of the large vault there is a broad band of frieze with an inscription. Part of the inscription goes over to a gable wall of Ak-Saray. The text reads: «... Sultan of Turan and Iran . He looks like the flower of raihan. Its roses are like a heaven flower, disseminating aroma. His beauty is evident. He spreads zephyr. He is amazingly steadfast. His place is the place of happiness. The place of his staying is the capital of epic heroes».

This text is completely dedicated to appraisal of Timur with various epithets. From original sources of literature we know that

Шу ёзув остида бошқа бир матн жойлашган: «Подшоҳ – Оллоҳнинг ердаги сояси. Унинг улзулиги – давлатидир».

Бу матн зарҳалли «куфий» ёки «райҳоний» хатларида йирик-йирик гулдор ҳарфлар билан ижро этилган.

Бутун матн тўғри бурчақли зарҳал рамка билан ўралган. Унинг юзаси хандасавий ва ислимий нақшли кошнлар билан қопланган.

Ўша зарҳал рамкага олинган ёзув устида «Яхшилик, саҳават» деган икки сўз жойлашган. Бу икки сўз ҳам Амир Темурнинг шиори ҳисобланади.

Ғарбий гулустун шарқий пештоқнинг энг шимоллий қиррасида иккита бир хил тик кўтарилган ёзув бор: «Эй халқ, валинеъмати! Сулаймон каби тахт юритишда давом этавер. Узок умр кўришда Нух каби бўлғил».

Ёзув шеърӣ шаклда, «сулис» хатида тўқ кўк тағзамин устидан оқ терма кошн билан ижро этилган.

Оқсарой бош пештоқи чўкқили деворининг ғарбий қисмида, тўғри бурчақли рамкада араб тилидаги «Ҳокимият Оллоҳга тегишли» деган матн жойлашган. Бу Курьони Каримдан олинган матн бўлиб, куфий хатида битилган.

Оқсарой ғарбий гулустунининг яхши сақланиб қолган эпиграфик матилари тадқиқи ва шарқий гулустун эпиграфик ёзувлари қолдиклари билан қиёсий таҳлили уларнинг бир-бирига тўла ўхшаш эканлигини кўрсатади.

Кошнли меъморӣ нақш асосан Оқсаройнинг юқори қисмларида жойлашган. Йирик куфий ҳарфлар билан гумбаз ва бурчак минораларига «Оллоҳ», «Мухаммад» сўзлари ёзилган.

Хуллас, муҳташам Оқсарой ва ундаги гўзал ёзувлар нафакат Амир Темурнинг буюқлигини, балки машаққатли меҳнати, ажойиб ижоди ва чексиз истеъдоди билан бу беназир саройни меҳнатқаш халқнинг минглаб вақилларини шарафлайди.

Оқсаройдаги ёзувлар энг ноёб ва ягонадир; улар бутун Шарқда меъморӣ хаттотлик санъатининг етук намунаси саналади.

сохранность, и сравнительный анализ с остатками эпиграфической надписи восточного пилона показали их полную идентичность.

Архитектурный орнамент и все эпиграфические тексты зеркально повторяются. К сожалению, на западном фасаде восточного пилона утраты архитектурного декора составляют 80-90%. Судить о нем можно лишь сопоставив его с декоративным убранством фасада западного пилона.

Портал Ак-Сарая настолько насыщен архитектурным и эпиграфическим декором, что некоторые надписи арабской вязи, искусно вплетенные в орнамент, могли быть и незамеченными.

Кроме того, все плоскости с эпиграфическим орнаментом декорированы изящными растительными и сложными геометрическими орнаментами, от крупной глазурованной кирпичной мозаики до мелкой искусной резной майолики. Только лишь в резной мозаике преобладает более чем восемь цветов: синий, зеленый, желтый, темно-коричневый, белый, золотой. В майоликовых пано с растительным орнаментом преобладают синий, голубой, малиновый, белый, желто-коричневый и золото.

Архитектурный орнамент из кирпичной мозаики в основном располагается в верхних частях Ак-Сарая. На сводах и на уловых минаретах крупным шрифтом Куфи выполнены религиозные надписи «Аллах», «Мухаммад».

В нижней части западного пилона текст разрушен на высоту около 4 м. Пространство между предыдущим и настоящим текстами заполнено изящной кирпичной мозаикой. Текст гласит: «Это изумительное по красоте здание с голубым куполом (сводом) подобно (светочу, испускающему разноцветные лучи, отражающихся на сводах и портале)». Восемнадцать имеют светское содержание. Четыре текста в своем изложении отчасти носят историческое содержание. Один текст имеет описательный характер и повторяется много раз.

Надпись с указанием даты 781 г. х. (1385) важна тем, что мы достаточно четко имеем представление о времени облицовочных работ.

Кроме того, значение надписи с именем мастера документально подтверждает сведения средневековых историков о том, что в строительстве Ак-Сарая и других зданий принимали участие многие мастера, ремесленники из различных стран.

Надписи на Ак-Сарае не имеют себе равных и являются самым выдающимся образцом искусства архитектурной каллиграфии на всем Востоке.

Автор выражает благодарность арабисту М. Рахимжанову, работникам Кашкадарьинской специальной научно-реставрационной организации «Мерос» за оказанную практическую помощь в исследовании надписей Ак-Сарая.

Timur was considered in military art not only a keeper of traditions but he also was an innovator. At the same time Timur was quite enlightened and clever ruler for his times. According to Khafizi Abu, Timur patronised philosophers, his knowledge in history, medicine and astronomy was wonderful. At the same time he paid especial attention to arrangement of his state. Thus, Ibn Arabshakh says that after the Golden Horde had been destroyed, he gave an order to his subordinates to render assistance to all people, the rich and the poor. He established frontlines in order to use lands more properly.

Under that inscription, just over the key-stone of the niche of the east frontward of the west pylon there is one more text: «Sultan is the shadow of Allah on the Earth. Grandeur is his richness».

When underlying power of the first person of the state, the text is written with large gilt letters of blooming «Kufi» and «Raihani».

All the text is inserted in a rectangular gilt frame. Its surface is faced with majolica tiles decorated with geometric and vegetative ornament.

Just inside this gilt frame, over the inscription, there are two phrases: «Kindness, generosity». These phrases are also just the epithets of Timur. In the far north edge of the eastern frontward of the west pylon there are two identical inscriptions that go vertically up: «O! Blessing-giver of the people! Go on reign as Salomon. And in your longevity be as Noah».

The inscription is interesting by the fact that it is written as a poem. It is written with «Suls» handwriting in white gathering mosaics on a deep blue background.

There are two more texts in the western part of the gable wall of the main frontward of Ak-Saray in the upper arch-like decorative niche in a rectangular frame is a repeated text in Arabic:

«Power belongs to Allah». The text of the Koran contents is performed in «kufi».

Investigations into epigraphic texts of the west pylons of the Ak-Saray palace, where the palace is preserved better, and a comparative analysis with the remains of the epigraphic inscriptions of the eastern pylon have shown their complete identity.

The architectural ornaments and all the epigraphic texts are mirror-repeated. Unfortunately, loss of architectural decor in the western frontward of the eastern pylon constitutes approximately 80-90%. This part can be assessed only when compared with decoration of the eastern frontward of the west pylon.

The portal of Ak-Saray is so richly saturated with architectural and epigraphic decor, that some Arabic characters, intricately twisted into the ornament, and could be left unnoticed.

Moreover, all the surfaces with epigraphic ornaments are decorated with refined vegetative and complicated geometric ornaments, from large glazed brick mosaic to small intricate carved majolica. Just carved mosaic has more than eight colours: blue, green, yellow, dark-brown, white, golden colour. In majolica panels with vegetative ornament deep-blue, blue, crimson, white, yellow-brown and gold colours prevail.

The architectural ornament based on brick mosaic is mainly located in upper parts of Ak-Saray. The Religious formulas «Allah», «Muhammad» are performed by large «Kufi» prints on the vaults and corner minarets.

The epigraphic investigations into the main entrance portal of the Ak-Saray palace resulted in the following:

The twelve epigraphic texts, repeated many times, are of religious character. The eighteen texts are of temporal character. The four texts have partly historical contents. One text is of a descriptive character and is repeated several times.

The inscription with the date of 781 according to the oriental calendar (1385) is important because now we have quite exact idea about the time when facing work was done.

At the same time the inscriptions on behalf of Allah and Sultan say not only about grandeur of Timur but to a greater extent they say about thousands of working people whose hard work, brilliant fantasy and boundless talent had created this grandiose palace. The preserved architectural remains with inimitable decor, where epigraphs occupy a specific place, say about greatness of their designs and how these were embodied.

The inscriptions on the Ak-Saray palace have no match for them and are the most prominent sample of the architectural calligraphy art in the Orient as a whole.

The author expresses his thanks to the expert in Arabic, M. Rahijanov, to the workers of the Special Scientific Restoration Organization «Meros» from Kashkadarya for their assistance in the investigation into the inscriptions of Ak-Saray.

The Silk Road Music within Korean Music History

Dr. KWON, OHSUNG

Professor DepL of Rarean Music College
of Music Hanyang Univ. Seoul

КОРЕЯ МАДАНИЯТИ ТАРИХИДА БҮЮК ИПАК ЙЎЛИ МУСИҚАСИ

Корея ўзининг тарихий ривожланиши жараёнида кўшни давлатлар билан доимий маданий алоқада бўлиб келган. Бунга биз айниқса, Гогуреонинг Уч Кириллиги (эр.ав.37–эр.668 йй.) ва Бирлашган Силла (эр.668–935йй.) даври маданиятида яққол гувоҳ бўламиз. Корея ўзининг бевосита кўшниси Хитой, шунингдек, Буюк Ипак йўлида жойлашган Ўрта Осиё давлатлари билан ҳам мусиқа соҳасида яқин муносабатда бўлган.

Қадимги Корейнинг Гогурео ва Суй сулолалари ўртасида муслиқий муносабатлар мавжудлигини исботловчи далиллар Суншуда топилган. Чи-пу-чи, Жиу-пу-чи ва Ших-пу-чи ўзида Као-ли-чи (Гогурео амалий санъати), Анкуо-чи (Бухоро амалий санъати) ва Канг-гуо-чи (Самарқанд амалий санъати)ни акс эттирган. Ушбу маданий гуруҳлар бир-бирига таъсир этиб турганлиги сабабли, улар ўртасида мунтазам ўзаро муслиқий алмашувлар бўлиб турган. VII асрда Самарқанддаги Афросиёб деворларига чизилган расмларда ҳам Гогуреолик икки мансабдор шахс сурати акс эттирилган. Ушбу тасвир ҳам Гогурео ва Самарқанд ўртасида маданий алмашувлар мавжуд бўлган, деган фикрни уйғотади. Генгю (Корея)да Гваереунг деб аталувчи қирол макбарасидаги тошдан ясалган хайкалчанинг юқори бурни, катта кўзлари ва соқоли Сўдийлик созандага ўхшаб кетади.

Ушбу мақолада биз Буюк Ипак йўли мусиқаси Уч Кирилликдан то Бирлашган Силлагача бўлган даврни камраб олувчи қадимги Корея мусиқасига қай тарзда ўтганини ва бу жараёнинг тўртта асосий жиҳатларини ёритиб беришга ҳаракат қиламиз. Буларга Бирлашган Силла будда кўшиқчилигидаги (Беомпае) Чоу Чи-воннинг “Хянгаканинг беш достони”, Гогуреонинг ёнлама флейтаси (хоенгеок) ва беш торли лютняси; Силланинг уч хил кўринишли бамбуқли чолгу асбобларининг модалъ белгилари (вольё, бансеопъё, хвангйонгъё) мисол бўла олади.

1.Бирлашган Силланинг будда кўшиқчилиги – Беомпае.

Будда кўшиқчилиги (беомпае) будда урф-одатларида муҳим мусиқа жанри ҳисобланади.

Беомпае ҳинд ведаларига асосланган брахманизмнинг илк даврларидаёқ пайдо бўлган бўлса-да, бироқ қадимги Корея беомпаеси бевосита Хитой фан-паиси негизда, Веу сулоласидан бўлган Теао Чина (Сино–корейлик Жо Сик:192–232) ташаббуси билан тахминан III асрда яратилган. Агар Хитой фан-паининг негизи ҳинд буддизмига бориб тақалса, у ҳолда Корея беомпаеси Марказий Осиё мусиқа маданияти билан тарихан боғлиқ, деб таъкидлаш мумкин. Буддизм Гогуреода 372 йил (қирол Сосурима ҳукмронлигининг иккинчи йили)да, сўнгра Баекведа 384 йил (қирол Чимрю ҳукмронлигининг биринчи йили)да, Силлада эса 535 йил (қирол Беофеунг ҳукмронлигининг 22-йили)да вуқудга келди. Бироқ Шимол-Жануб сулолалари давридаги Силла беомпае битикларини ўзида жо этган икки тарихий манба–Зен рухонийси Жингам ва Энини кабртошидаги ёзувлар (793–864), (Сино-Кореядаги Вон) ва қонун маърифати йўлида Танг зиёрати Кундалиги (Нитто гухо юнреи тёки) дан бошқа ҳеч қандай библиографик маълумотлар

Korea continuously had cultural exchange with its neighbors throughout history. Especially during the Three Kingdom Period of Goguryeo (37 B.C.-A.D. 668), Baekje (18 B.C.- A.D. 660), Silla (57 B.C-A.D 668) and Unified Silla (A.D. 668-935), Korea was in close musical relationship with China, and was also historically related to the musical culture of the countries within the Silk Road including Central Asia.

In Sui-shu some sources evidence musical exchange between Goguryeo and Sui dynasty. Ch'i-pu-chi, Jiu-pu-chi and Shih-pu-chi include, Kao-li-chi (performing art of Goguryeo). An-kuo-chi, performing art of Bukhara) and Kang-guo-chi (performing art of Samarkand) are also included in the performing groups. It may be thought, that there were musical exchange among the groups, which influenced one another. The mural painting of Afrosiyab in Samarkand around 7th century shows two high officials from Goguryeo. The picture gives a clue to think over the cultural exchange Goguryeo and Samarkand. The figure of the stone, statue standing at Gwaereung(a king's tomb) in Gyeongju, Korea looks like a Sogdiana which has a high nose, big eyes, and beard. Zha-zhi-Tashkent-wu - Some elements of Tashkent dancing can also be found in Kuza. It is similar to Yonhwadaemu(Lotus Dance) in Korea. The Lotus Dance of Kuza may have been brought over to Goryeo court through the Silk Road in C. about 12th century.

In this paper, I will attempt to explore how music from Silk Road was accepted in the ancient history of Korean Music, dating to the Three Kingdoms Period through the Unified Silla period. I will deal with four issues in terms of acceptance of Music from Silkroad; Buddhist chant (Beompae) of Unified Silla; Choe Chwon's «Five reciting poems of hyangak»; transverse flute (hoengjeok) and five-stringed lute of Goguryeo; and modal terms (woljo, banseopjo, hwangjongjo) of Tang [Dang] music in three kinds bamboo instruments of Silla.

1.Beompae buddhist chant of United Silla.

Buddhist chant (beompae) is an important musical genre which is branched out in close relation with Buddhist rites. Though it is said that the root of beompae may be traced back to Brahmanism based upon Indian Vedic thought, the ancient beompae of Korea is known to have

derived directly from the Chinese fan-pai initiated by Tsao Chih (Jo sik in Sino-Korean: 192-232) of the Wei Dynasty in around the third century. If Chinese fan-pai is rooted in the Buddhism of India, then it may be reasonable to assert that Korean beompae might have been historically related to the musical culture of Central Asia. Buddhism was introduced to Goguryeo in 372 (second year in the reign of King Sosurim) and then to Baekje in 384 (first year in the reign of King Chimryu), and to Silla in 535 (twenty-second year in the reign of King Beopheung). Thus, beompae seems to have been introduced to the three Kingdoms along with the introduction of Buddhism, because religious rituals must have been indispensable in the introduction of Buddhism along with the three Buddhist treasures (priest, scripture, and statues). There is, however, no bibliographical data extant today to prove this except for two historical materials containing the record on Silla beompae during the South-North Dynasties period: the monument inscription for Zen monk Jm'gam; and Ennin's (793-864): Won In Sino-Korean) Diary of Pilgrimage to Tang in Search for the Law (Nitto guho junrei gyoki). Beompae as practiced in the Unified Silla, may be summarized as follows, based upon existing research in the field of Korean musicology.

Zen monk Jin'gam, a high Silla monks, Hyeso (774-850) went to Tang in 804 (fifteenth year in the reign of King Heungdeok), and taught beompae at a famous Buddhist temple now known as Ssanggyesa. He introduced beompae of Tang style to Silla society in the early of 9th century. The same period of time, a Japanese high monk, Ennin (793-864), toured Tang from 838 and 847, and recorded in his travelogue that three styles of beompae were practiced at a Silla temple (Jeoksanwon) located in the Shantung peninsula of China. They were 1) Silla style in practice in Silla society, 2) the Tang style then popular in Tang society, and 3) the Japanese style then in practice in Japanese society.

Since Zen monk Jin'gam taught beompae he learned in Tang, it must have been the Tang style's fan-pai of the early 9th century as referred to in Ennin's travelogue and it may be safe for us to assume that beompae either of the Silla or Japanese society which was before the 9th century. One may also assume that the Tang style fan-pai introduced to Silla society in the 9th century must have been what Silla accepted and developed into a more enriched Silla form.

2. Choe Chi-won's «Five reciting poems of hyangak»

The five poems of hyangak (Hyangak japycong osu) in Chinese characters by Choe Chi-won (born in 837) are important documents which depict an aspect of performing arts in Silla society toward the end of the 9th century. The five mask plays, Geumhwan, Woljeon, Dacmyeon, Sokdok and Sanye, are said to be characteristic of hyangak of Silla, but in the field of Korean studies, they were proved to have in fact derived from the performing arts of Central Asia. Geumhwan was assumed to have been related to a play called lung-wan-hsi, a kind of golden ball playing game of Central Asia, while Woljeon was thought to have been a sort of masked dance play handed down in the Khotan region of Yu-t'ien, of Central Asia. Dacmyeon was explained as have been related to Ta-mien-hsi (lit "big mask play) of Tang deriving from the barbarian dance of Kuei-tsu, a kind of shamanistic dance play of Central Asia. Sokdok was

МУЗЫКА ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ В ИСТОРИИ КОРЕИ

На протяжении всей своей истории Корея имела постоянный культурный обмен со своими соседями. Особенно, в период Трех Королевств Гогурьё (37 г. д.н.э. – 668 г. н.э.), Бэекье (18 г.д.н.э. – 660 г.н.э.), Силлы (57 г.д.н.э.-668 г.н.э.) и Объединенной Силлы (668 – 935 г.н.э) Корея имела контакты в музыкальной сфере со своим непосредственным соседом – Китаем, а также имела исторические связи с музыкальной культурой стран Шелкового Пути, включая Среднюю Азию.

В Суи-шу были найдены доказательства музыкального обмена, происходившего между династиями Гогурьё и Суи. Чи-пу-чи, Джиу-пу-чи и Ших-пу-чи включают Као-ли-чи (изобразительное искусство Гогурьё). Ан-куо-чи (изобразительное искусство Бухары) и Канг-гуо-чи (изобразительное искусство Самарканда) также включены в изобразительные группы. При исследовании групп создается впечатление, что между ними происходил музыкальный обмен, в связи с тем, что все они влияли друг на друга. Настенная живопись Афрасиаба в Самарканде VII века изображает двух высокопоставленных персон из Гогурьё. Это изображение наводит на мысль о возможном культурном обмене между Гогурьё и Самаркандом. Фигура каменной статуи, стоящая в Гвасерунге (гробница короля), в Гьенгью, (Корея) похожа на изображение музыканта из Согдианы, у которого высокопоставленный нос, большие глаза и борода. Жа-жи-Ташкент-ву – танец, сохранившийся в окрестностях Ташкента, также существует в Кузе. Он похож на Енхвадае-му (танец Лотоса) в Корее. Танец Лотоса из Кузы, возможно, появился во дворе Гогурьё через Великий Шелковый путь приблизительно в XII веке.

В данной статье мы попытаемся показать как музыка Шелкового Пути: была принята в древней истории корейской музыки, начиная с периода Трех Королевств на протяжении периода Объединенной Силлы. Мы постараемся осветить четыре аспекта относительно влияния музыки с Шелкового пути: Буддийское песнопение (Беомпае) Объединенной Силлы; "Пять рассказанных поэм хьянгака" Чоу Чи-вона; поперечная флейта (хоенгьёок) и пятиструнная лютия Гогурьё; модальные обозначения (волье, бансеопьё, хвангйонгьё) Тангской [Дангской] музыки в трех видах бамбуковых инструментов Силлы.

1. Беомпае – буддийское песнопение Объединенной Силлы.

Буддийское песнопение (беомпае) является важным музыкальным жанром, который стал ответвлением, близким к буддийским обрядам. Считается, что корни беомпае берут начало со времен брахманизма, основываясь на индийской ведической мысли, но известно, что древний корейский беомпае произошел напрямую от китайского фан-пай по инициативе Тсао Чина (Джо Сик на Сино-Корейском: 192-232 г.г.) из династии Вей приблизительно в третьем веке. Если китайский фан-пай берет свои корни в индийском буддизме, то можно утверждать, что корейский беомпае мог быть исторически связан с музыкальной культурой Центральной Азии. Буддизм появился в Гогурьё в 372 году (на втором году правления короля Сосурима) и затем в Бэекье в 384 году (на первом году правления короля Чимрю) и в Силле в 535 году (на двадцать втором году правления короля Беофеунга). Нет никаких библиографических данных, сохранившихся до наших дней, которые бы доказывали это, кроме двух исторических материалов, содержащих записи о беомпае Силлы в период династий Севера-Юга: надпись на надгробие Дзеновского монаха Джиньгама и Эннина (793–864), (Вон на Сино-Корейском) и Дневник Паломничества в Танг в поисках закона (Нитто гухо юнрей гьёки). Беомпае, в таком виде в каком он практиковался в Объединенной Силле, может быть описан, как приведено ниже, основываясь на существующем исследовании в области корейского музыковедения.

Дзёнский монах Джиньгам, великий из монахов Силлы, Хьесо (774-850) отправился в Танг в 804 году (на пятнадцатом году правления короля Хеунгдеока), и преподавал беомпае в знаменитом буддийском храме, ныне известном как Ссангьеса.

Так как Дзёнский монах Джиньгам преподавал тот беомпае, которому он научился в Танге, это скорее всего был Тангский стиль фан-пай начала девятого века, как описывается в путевом дневнике японского монаха Эннина, и поэтому можно предположить, что это – беомпае либо Силльского либо Японского общества, которые существовали до девятого века.

2. "Пять рассказанных поэм хьянгака" Чоу Чи-вона.

Пять поэм хьянгака (Хьянгак яеонг осу), написанные китайскими иероглифами Чоу Чи-воном (родившемся в 857 году), являются важным документом, который указывает на наличие изобразительных искусств в обществе Силлы ближе к концу девятого века. Пять представлений с масками – Геумхван, Вольеон,

хазиргача сақланиб қолмаган. Корея музикашунослигида мавжуд тадқиқотлар беомпае музикасига унинг Бирлашган Силлада қай тарзда ижро этилганига қараб баҳо беришади.

Силланинг буюк рухонийларидан бўлмиш Зеллик Жингам Хесо (774–850) 804 йилда (қирол Хеунгдоок ҳукмронлигининг ўн бешинчи йили) Танга боради ва машҳур Ссангтеса будда ибодатхонасида беомпаедан таълим олади.

Рухоний Жингам таълим берган беомпае кўпроқ IX аср бошларида фан-паннинг Танг услубини эслатишини япон рухонийси Эннин ўз қундалигида ёзиб қолдирган. Шунинг учун ҳам унн IX асргача мавжуд бўлган Силла ёки Япон жамияти боёмпаеси деб фарз қилса бўлади.

2. Чоу Чи-воннинг “Хянганнинг беш достони”.

Чоу Чи-вон (857 йилда туғилган) томонидан хитой иероглифлари воситасида ёзилган Хянганнинг беш достони (Хянган япон гошу) IX аср охирида Силла жамиятида амалий санъат мавжуд бўлганига гувоҳлик берувчи муҳим ҳужжатдир.

Бешта–Геумхван, Вольеон, Даемьон, Соқдок ва Санье никоблари билан намойиш этилувчи бу санъат тури Силла хянганнинг табиятини очиб беради. Бирок Корея маданиятини ўрғаниш жараёнида бу санъат тури Марказий Осиё амалий санъати негизда ташкил топанлиги исботланди.

Геумхван–Марказий Осиёдаги олтин тўп ўйинларининг лунг-ван-хси деб аталувчи турига алоқадор, Вольеон эса мазкур минтақадаги Хутан худудининг Ю-тен маросимига хос никобли рақсларга тегишли, деб тахмин қилинади. Даемьон эса Марказий Осиё халқлари рақс томошаларининг Куеи-тсу рақсидан келиб чиққан Та-мен-хси (“никобли катта томошалар”)га тааллуқли деб тушунилади. Соқдок–Сўгда ижро этилган рақс томошларидан келиб чиққан. У, чунончи, хозирги Тошкент ва Самарқанд худудларида кенг тарқалган никобли томошалар ва Марказий Осиёнинг Куеи-тсу анъаналари Хитойнинг Хси-лианг-чига ҳам тегишлидир. Сане Куеи-тсунинг шер рақси ҳисобланади.

Чоу Чи-воннинг Соқдок (Сўда) достонига қуйидаги сўзларни учратамиз: “Юзларига тўқ кўк никоблар кийган нотаниш кишилар ҳовлида афсонавий қушлар галаси каби рақсга тушмоқда. Нонора садоси ва шувиллаган шамол саси остида бетиним бутун борлиқни чулғаб ўйнамоқдалар”.

Чоу Чи-вон 12 ёшда 869 йилда Гангга (қирол Геонгмун ҳукмронлигининг 9-йили) боради, у ерда давлат фуқаролик имтиҳонидан ўтиб, давлат ишларида хизмат қилади ва 885 йили уйига қайтади (қирол Хеонганг ҳукмронлигининг 5-йили). Хянганнинг беш достонини IX асрнинг 2-ярмида Танг ва Силла жамоаларида жуда машҳур бўлган амалий санъатнинг бир бўлаги, деб қараш мумкин. Чоу Чи-вон Марказий Осиёнинг бешта амалий санъатини “хянганга”, яъни қадрон музика деб атаган.

3. Гогуреонинг ёнлама флейтасива беш торли лютняси.

Корея этник музикаий маданияти тараққиётининг юксак даврида Гогурео Уч Қироллик ўртасида биринчи бўлиб Осиё минтақаси билан доимий маданий алоқада бўлди ва чет элларда ўз обрўсини оширди.

Уч Қироллик даврида Гогурео музика маданияти шаклланилиги турли воситалар, шунингдек, унинг Марказий Осиё билан музика соҳасидаги муносабатларига оид тарихий материаллар билан исботланганига қарамадан, биз ўша даврнинг икки музика асбоби – ёнли флейта ва беш торли лютня ҳақида тўхталиб ўтамиз. Чунки улар Бирлашган Силла музика асбобларига жуда яқин.

Гогурео флейтаси Хитой тарихий манбаларида уч марта тилга олинади. Булар – хоенгчи (хитой тилида хенг-чуи), жеок (ти) ва хоенгжок (хенгги); ёкобуе (япон тарихий ҳужжатларида). Археологик манбалар Манжуриядаги Чибане (Чи-ан) 17 рақамли қабртошдаги расмлар тахминан VII ёки VIII асрларда чизилганлигини кўрсатади.

Янгчеоне (Чанг-чуане)даги 1 рақамли қабртошга музикаий томошалар туширилган расмлар эса Гогуреода ёнлама флейта тахминан V асрларда пайдо бўлганлигини тасдиқлайди, унинг тарихий негизи эса манбаларда ёритилган.

Ёнлама флейта нафақат Гогурео (Као-ли-чи), балки Кангукки (Канг-куо-чи), Чилбути деб аталувчи еттига амалий гуруҳлар ўртасида Куеи-тзу-чи Кан- хуанг даврида (581–600) ва тўққизга амалий гуруҳлар ўртасидаги Губуги (Чин-пу-чи), Тайх даври (605–616)да ҳам ижро этилган.

Гогурео флейтасининг ватани Марказий Осиё ҳисобланади, негаки Слуй-чх (Қошғар), Канг-хуо (Самарқанд), Ан-куо (Бухоро) ва Куеи-тзу (Куча) каби худудлар Хитой ва Марказий Осиёдан ўтувчи Карвон йўли, яъни Буюк Ипак йўлида жойлашган эди.

Гогуреонинг Марказий Осиё музикаий асбобларига тегишли беш торли лютняси Хитой йилномаларида охеон (ву-хсиен) ёки охеон бипа (вухсиен пи-па) деб ёзиб қолдирилган ва “қадри лютня” деб эста олинади.

interpreted as a sort of dance play deriving from Soghd, mask play of the present Tashkent and Samarkand regions belonging to the Kuei-tsu tradition of Central Asia, that is believed to have been related with the Chinese Hsi-liang-chi. Sanye was lion dance from Ruei-tsu.

Sokdok (Soghd) Choe Chi-won's poem (translated in English roughly) as follows:

““Strangers with faces in deep blue wearing masks dance in the courtyard in group like legendary birds.

Sound of playing drum and that of blowing wind dance endlessly jumping all around.»

From the fact that Choe Chi-won went to Tang in 869 (9th year in the reign of King Gyeongmun) at the age of twelve, passed the state civil examination, served in a government post and then returned home in 885 (fifth year in the reign of King Heon'gang), the five poems of hyangak can be seen as part of performing arts widely popular both in Tang and Silla societies in the latter half of the 9th century. An example of a masked dance play incorporated into the hyangak category may be found in the court dance performance of the hyangak and the tangak in Goryeosa or History of Goryeo. One may construe that Choe Chi-won labelled the five performing arts of Central Asia as hyangak (native music), because the masked dance plays had already been accepted into Silla society toward the end of the 9th century.

3. The Transverse Flute and the Five-Stringed Lute of Goguryeo

Goguryeo, neighboring the Asian continent proper, was the first nation among the Three Kingdoms, in realizing the blooming of Korea's ethnic music culture in its continuous cultural exchange with the continent, and thus, exhibiting its prestige abroad. A number of research articles on music history of Goguryeo and Central Asia have already been published in the field of Korean historical musicology.

The music culture of Goguryeo has been recorded as Goryeok (Kaoli-yueh in Chinese) or Goryeogi (Kaoli-chi) in the authentic histories of China, as Komagaku in Japanese historical documents. Though the music culture of Goguryeo in the Three Kingdoms period has been proved in various ways by historical materials on music, its relation with Central Asia will be examined centering around two musical instruments in use of the time, i.e. the transverse flute (hoengjok) and the five-stringed lutefohyeon bipa), since the instruments had a close relationship with the hyangak instruments of Unified Silla(668-935),

The Goguryeo flute, played in a horizontal position like the present bamboo flute, was recorded in three ways in the Chinese authentic histories: hoengchwi (hengch'ui in Chinese), jeok(ti), and hoengjeok(Oieng-ti); and yokobue in the Japanese historical documents. According to these literary documents, the transverse flute is assumed to have been played. Archaeological sources include mural painting of Tomb No. 17 at Chiban (Chi-an), Manchuria, which is assumed to have been built in the 6th or 7th century. A mural painting of a music performance in Tomb No.1 at Jangcheon (Ch'ang-ch'uan), Manchuria, allows us to assume that the transverse flute might have been accepted in Goguryeo around the 5th century. The historical origin of the Goguryeo flute may be summarized from literary sources as follows.

(Kao-li-chi), but in Kanggukki (K'ang-kuo-chi), (Kuei-tzu-chi among seven performing groups called

Chilbugi (Ch'i-pu-chi) in the period of K'ai-huang (581-600), and nine performing groups, Gubugi (Chin-pu-chi) in the period of Ta-yeh (606-616), both of Sui, China, the origin of the Goguryeo flute may have to be sought in Central Asia as in the case of the Chinese transverse flute, because such regions as Sluy-ch'ih (now Kashgar), K'ang-kuo (Samarkand), An-kuo (Bukhara), and Kuei-tzu (Kucha) had been historically related to the Caravan Route between China and Central Asia, in other words, the very Silk Road.

The five-stringed lute of Goguryeo, related to musical instruments of Central Asia, was recorded as ohyeon (wu-hsien) or ohyeon bipa (wu-hsien p'i-p'a) in the Chinese authentic histories, but recorded as hyang-bipa (lit. «native lute») in the Samguk sagi or History of the Three Kingdoms. The name of Ohyeon bipa come from the fact that the lute had five strings, «ohyeon.» Since the lute had a straight neck, however, it was also called jigyeong bipa (lute with straight neck). The five-stringed lute with a straight (ohyeon bipa) differs structurally from sahyeon bipa, i.e. four-stringed lute which was also known as gokkyeong bipa (lit. «lute with a curved neck») or tang bipa («Chinese lute»).

The five-stringed lute was played in Goryeogi (kao-li-chi), and such in performing groups as An-kuo-chi (Bukhara), Sluy-ch'ih-chi (Kashgar), Hsi-liang-chi (Hohsi region on the upstreams of the Yellow River), Kuei-tzu-chi (Kuza, center of the northern route along the Tien-shan Mountains), and Tien-chu-chi (India), among the seven or nine performing groups (Ch'i-pu-chi or Chiu-pu-chi) and the ten performing groups (Shih-pu-chi) of Tang China. Thus the root of the five stringed lute may be sought in Central Asia Chinese historical documents and archaeological evidence tell us that the five-stringed lute of Goguryeo was played in or around the 6th century. The mural painting of Tomb No.1 at Ch'ang-ch'uan, Manchuria, however, made it possible to assume that the five-stringed lute was played in Goguryeo society around the 5th century.

In the view of the fact that the transverse flute and the five-stringed lute were used for the music of Kuei-tzu-chi and of Central Asia by Lu Kuang in 382 (18th year of Chien-yuan), the two instruments must have been introduced to China toward the latter half of the 4th century. The two instruments might have been available in Goguryeo in the 5th century. In addition to the mural painting of Tomb No.1 at Ch'ang-ch'uan, the assumption that the transverse flute and the five-stringed lute had been accepted in Goguryeo society comes from the fact that Goguryeo started active cultural exchange with the Earlier Ch'in State from around the end of the 4th century. Buddhism was introduced to Goguryeo in 372 by the monk Sundo (Shun Tao) of the Earlier Ch'in state.

4 Woljo, Banseopjo, and Hwangjongjo in the Three Bamboo Flutes (Samjuk) of Silla

The music culture of the Unified Silla (668-935) in the North-South dynasties period may be characterized from two perspectives. Internally, the music culture of Unified Silla accepted the music culture of Baekche and Goguryeo, and developed them anew. Externally, Unified Silla accepted the mature music culture of T'ang, China, developing the music culture of Silla to a new dimension. Achieving the unification of the Three Kingdoms, Silla accepted the transverse flute called jeok of Baekje and the flute called hoengjeok in Goguryeo, developing the

Даемьон, Сокдок и Санье – считаются характеристиками хьянга Силлы, но при изучении культуры Кореи было доказано, что они на самом деле произошли от изобразительного искусства Центральной Азии. Предполагалось, что Геумхван имел отношение к представлению, называемому лунг-ван-хси, разновидности игры в золотой мяч в Центральной Азии, в то время как Вольеон относили к танцу с масками, характерному для хотанского региона Ю-твен – Центральной Азии. Объяснялось, что Даемьон относился к Та-мьен-хси (лит. «большое представление с масками») танга, произошедшего от танца Куен-тсу, разновидности шаманского танцевального представления Центральной Азии. Сокдок считался разновидностью танцевального представления, пришедшего из Согда, представления с масками современного Ташкентского и Самаркандского регионов, принадлежавших к традиции Куен-тсу Центральной Азии, которая, как считается, относится к китайскому Хси-лианг-чи. Санье был танцем льва из Куен-тсу.

Сокдок (Согд) поэмы Чоу Чи-вона звучит следующим образом: «Незнакомцы без и с лицами в темно-синих масках танцуют во дворе как группа птиц из легенды.

Под звуки барабана и воющего ветра Танцуют бесконечно, прыгая везде вокруг.»

Учитывая тот факт, что Чоу Чи-вон отправился в Танг в 869 году (на девятом году правления короля Гьёнгуна) в возрасте 12 лет, прошел государственный гражданский экзамен, прослужил на правительственном посту и потом вернулся домой в 885 году (на пятом году правления короля Хьёнганга), пять поэм хьянга могут рассматриваться как часть изобразительных искусств, широко популярных в обществах Танга и Силлы во второй половине девятого века. Можно так же считать, что Чоу Чи-вон назвал пять изобразительных искусств Центральной Азии как хьянга (родная музыка), потому что танцевальные представления с масками уже были приняты в обществе Силлы к концу девятого века.

3. Поперечная флейта и пятиструнная лютня Гогурьёо

Гогурьёо, соседствующая с Азиатским континентом, была первой страной среди Трех Королевств в период расцвета корейской этнической музыкальной культуры, имела постоянный культурный обмен с континентом, и таким образом, поднимала свой престиж за рубежом. Несколько статей о музыкальной истории Гогурьёо и Центральной Азии уже были опубликованы при исследовании Корейского музыковедения.

Несмотря на то, что наличие музыкальной культуры Гогурьёо в период Трех Королевств было доказано различными способами, в том числе – историческими материалами по музыке, ее отношение к Центральной Азии мы будем рассматривать говоря о двух музыкальных инструментах того времени, – поперечной флейте (хоенгёк) и пятиструнной лютне (охьон бипа), так как эти инструменты имели близкое отношение к инструментам хьянга Объединенной Силлы (668-935).

Флейта Гогурьёо, на которой играли, держалась горизонтально, как и на современной бамбуковой флейте, упоминается в подлинной истории Китая трижды: хоентчи (хенг-чун на китайском), джеок(ти) и хоенджеок(хенг-ти); и как ёкобуе в японских исторических документах. Археологические источники указывают нам на фресковую живопись на Надгробии №17 в Чибане (Чи-ан), Манчурии, которое по предположениям, было построено в VI или VII веке. Фресковая живопись, изображающая музыкальное представление – на Надгробии №1 в Янчэуне (Чанг-чуане), Манчурии, позволяет предположить, что поперечная флейта могла появиться в Гогурьёо приблизительно в V веке, а ее историческая принадлежность может быть угадана из следующих источников:

В свете того факта, что на поперечной флейте играли не только в Горьёоги (Као-ли-чи), но и в Кантукки (Канг-куо-чи), (Куей-тзу-чи) между 7 изобразительными группами, называемой Чилбуги (Чи-пу-чи) в период Кан-хуанг (581-600), и 9 изобразительными группами, Губуги (Чин-пу-чи) в период Та-йех (605-616), в Сун, Китае, родиной флейты Гогурьёо может считаться Центральной Азия, как и в случае с китайской поперечной флейтой, потому что такие регионы как Слуй-чих (теперешний Кашгар), Канг-куо (Самарканд), Ан-куо (Бухара) и Куей-тзу (Куча) исторически относились к Караванному Пути между Китаем и Центральной Азией, т.е. к Великому Шелковому Пути.

Пятиструнная лютня Гогурьёо, относящаяся к музыкальным инструментам Центральной Азии, была записана как охьон (ву-хсиен) или охьон бипа (ву-хсиен пи-па) в истории Китая, и упоминалась как хьянг-бипа (лит. «родная лютня») в Самгук саги или Истории Трех Королевств. Название Охьон бипа говорит о том, что у лютни пять струн, «охьон».

На пятиструнной лютне играли в Горьёоги (као-ли-чи), в таких регионах как Ан-куо-чи (Бухара), Слуй-чич-чи (Кашгар), Хси-лианг-чи (регион Хо-ши в верхнем течении Желтой Реки), Куей-тзу-чи (Куза, центр северного пути по Тянь-Шанским горам)

Беш торли лютня Гореоги (Као-ли-чи), Ан-куо-чи (Бухоро), Слуй-чих-чи (Кошғар), Хси-лианг-чи (Сарик дарёнинг юкори окимидаги Хо-ши худуди), Куей-тзу-чи, Тьен-чу-чи (Хиндистон), Чи-пу-чининг егита гурухи ва Танг (Ших-пу-чи)нинг ўнта амалий гурухларида ижро этилган. Демак, беш торли лютнянинг келиб чиқиши Марказий Осиё маданиятига бориб тақалади. Хитой тарихий хужжатлари ва археологик манбалари беш торли лютнянинг Гогуреода тахминан VI асрда пайдо бўлганини таъкидлайди. Бироқ Манжурияда Чанг-чуанедаги I рақамли қаброшдаги расмлар Гогуреода бу мусика асбоби сал аввалроқ, V асрда мавжуд бўлганини кўрсатади.

4. Силланинг уч бамбукли флейтаси (Вольё, Бансеопъё ва Хвангёнгъё)

Бирлашган Силланинг (668–935) Шимол-Жануб сулоласи даври мусикий маданияти икки жиҳатдан тавсифланиши мумкин. Бирлашган Силла мусикий маданияти ўзига худуднинг Баекъё ва Гогурео мусика аънаналарини қамраб олди ва ташқаридан у Танга мусикаси таъсирида ривожланди. Уч Кирилликнинг қўшлишидан сўнг, Силлада Баекъёнинг “жеок” ёнлама флейтаси ва Гогуреонинг “хоенжеок” флейталари пайдо бўлди, сўнгра улар яна учта бамбукли флейтача ҳисобига (самъюк) кўпайди.

Демак, Бирлашган Силла мусика маданияти Корея халқ мусикасининг кейинги ривожига катта туртки бўлган.

Танг мусикасининг уч модал тизими хвангёнгъё (хуанг-чунг-тъяо), бансеопъё (пан-ше-тъяо) и вольё (юех-тъяо) дунёвий мусика асарларида қўлланилган 28 модал андозаларидан келиб чиқади. Танг мусикасининг мазкур уч услуги кейинчалик Бирлашган Силла даврида (780-935) ўзгартирилиб қўлланилган.

Уч бамбукли флейтанинг Силлада VIII асрдан кейин амалда қўлланилиши 28 модал тизимнинг Марказий Осиёда тахминан VIII асрлардаёқ шаклланиган, деб хулоса чиқаришга асос бўлади.

Корея мусикаси тарихида Уч Кириллик ва Бирлашган Силла даври чет эл мусикасини фаол ўзлаштиришида энг сермахеул давр эди. Гогуреонинг ёнлама флейта ва беш торли лютняси Уч Кириллик маданиятини янги босқичга кўтаришда муҳим роль ўйнади. Силла беомпаеси, Хянгаканинг беш дostonи ва Танг мусикасининг уч услуги Бирлашган Силла санъатида хорижий мусика аънаналарини қабул қилиш ва уларни ижодий ривожлантиришида ўзига хос ўрин тутди.

Гогурео ва Силла мусика маданиятига асосан Хитой аънаналари катта таъсир ўтказган бўлса-да, ёнлама флейта, беш торли лютня, никобли ракс томошалари, Танг модал услуги ва Силладаги «чачи» ракси Буюк Инак йўли воситасида Марказий Осиё мусика маданияти билан узвий боғланган.

flutes into the three bamboo flutes (samjuk) of Silla hyangak. The Silla accepted twelve-stringed zither (gayageum) of Kaya State, six-stringed zither (geonnm'go) and five stringed lute of Goguryo Kingdom, which were called the three string instruments (samhyon) of Silla hyangak. From the fact that the three string instruments and the three bamboo flutes were regarded as the representative instruments of Unified Silla hyangak in the North-south Dynasties period, it is certain that the music culture of Unified Silla was able to pursue further development in terms of native Korean music known as hyangak.

Cultural exchange with Tang was quite active in the North-South Dynasties period, and musical exchange between Unified Silla and Tang was no exception. Buddhist chant (beompae) of Zen monk Jin'gam and the Tang style beompae referred to by the Japanese monk Ennin may be cited as examples of musical exchange at the lime. Another example is the musical features of the three modal systems of Tang music, hwangjongjo (huang-chung-t'iao), banseopjo (pan-she-t'iao), and woljo (yueh-t'iao), as referred to in the Samguk sagi, may be summarized as follows.

The three modal system of Tang music, huang-chung-t'iao, pan-she-t'iao, and yueh-t'iao were derived from the 28 modal terms used in the secular music (su-yueh) of Tang. Musical features of the three modal systems are as follow.

Banseopjo (pan-she-t'iao-pancanma) is also known as t'aejuyunjujo or L'aejuu, another modal term used in the form of Chinese ya-yueh, which means u mode (yu-t'iao). It is identical with hwangjonggyujisangjo or hwangjongshang in Lhe Chinese ya-yueh form, i.e. sang mode (shang-t'iao) in hwangjong (huang-chung) key. Hwangjongjo (huang-chung-l'iao), also called hwangjonggyunjujo or hwangjongu in the Chinese ya-yueh form turned out to be u mode (yu-t'iao) in hwangjong key. Such modal terms in Chinese ya-yueh as t'aejuu (pansopcho), hwangjongsang (wolcho), and hwangjongu (hwangjongjo) are to be interpreted not as wijosik (wei-t'iao-shih) but as chijosik (chih-f iao-shih). Banseopjo (pan-she-t'iao) turned out to be related to bandam (pan-tan) from among seven modal systems of So Chi-p'a (Sui Chih-p'a), and the Chinese term pan-tan (bansop in Sino-Korean) was a Chinese transliteration of its original Sanskrit word, pancama. Woljo (yueh-l'iao), also called ilwoljo (i-

yueh-t'iao), was derived from the iwoljo (i-yueh-t'iao) used in P'iao-kuo, now Burma(Miyanma), under the influence of Indian music at that time. In light of the fact that the names of 28 modal systems of Tang secular music, including these three modes of Tang music, were changed and were widely known from a style made in 754 (13th year of T'ien-pao), it may be pointed out that the modes of Tang music for the three bamboo flutes might have been accepted in the latter period of Unified Silla(780-965). In view of the fact that the three modal systems of Tang music for the three bamboo flutes turned out to have been a part of the 28 modal systems of Tang secular music (su-yueh) which had been accepted in Silla society following the 8th century, it seems safe for us to assume that, from the standpoint of an overall context of Asian music history, a part of Central Asian music was fixed in Tang around the 8th century, and was re-accepted as music culture for the three bamboo flutes in the latter period of Silla(668-935). In other words, the three modal systems of Tang music for the three bamboo flutes constitute a clear proof that Silla society accepted Tang music as something new in its music culture. One may assume that the three modal systems were an outcome of cultural exchange undertaken through the Silkroad between Tang and Central Asia, and that outcome was re-accepted by Silla society in around the 9th century.

Concluding Remarks: Ancient History of Korean Music and the Silk Road by the historical development of Korean music, the Three Kingdoms and the Unified Silla periods were ages when the active acceptance of foreign music was pursued most vigorously. The transverse flute (hoengjeok) and the five-stringed lute (ohyeon bipa) of Goguryeo played an important role in driving the music culture of the Three Kingdoms period into a new direction. The Silla beompae, five poems of hyangak, and the three modal systems of Tang music are the examples of the acceptance of foreign culture and their development into outstanding performing arts of Unified Silla.

Although a part of music culture achieved in Goguryeo and Silla societies was accepted from neighboring China, we have seen that the transverse flute and the five-stringed lute of Goguryeo, beompae, masked dance plays, modal systems of Tang music, and chachi dance (flower dance) in Silla were closely related to the music culture of Central Asia which China had accepted via the Silkroad.

и Тьен-чу-чи (Индия), среди семи из девяти групп (Чи-пу-чи или Чу-пу-чи) и десяти изобразительных групп (Ших-пу-чи) Танг Китая. Таким образом, происхождение пятиструнной лютии можно искать в Центральной Азии. Китайские исторические документы и археологические источники говорят, что на пятиструнной лютии играли в Гогурьёо примерно в VI веке. Однако, фресковая живопись на Надгробии №1 в Чанг-чуане, Манчжурия, позволяет предположить, что на пяти-струнной лютии играли в регионе Гогурьёо приблизительно в V веке.

Исходя из того факта, что поперечная флейта и пятиструнная лютия использовались в музыке Куей-тзу-чи и Ку Лангом в Центральной Азии в 382 году (18 года Чьен-юан), оба инструмента должны были появиться в Китае к концу IV века. Возможно, что эти два инструмента стали употребляться в Гогурьёо только в V веке. Кроме наличия фресковой живописи Надгробия №1 в Чанг-чуане предположение о том, что поперечная флейта и пятиструнная лютия были приняты в регионе Гогурьёо, исходит из того факта, что Гогурьёо начал активный культурный обмен с Ранним Государством Чин приблизительно с конца IV века. Буддизм в Гогурьёо принес в 372 году монах Суиндо (Шун Тао) Раннего Государства Чин.

4. Вольё, Бансеопьё и Хвангёнгьё в Трёх Бамбуковых Флейтах (Самьёк) Силлы.

Музыкальная культура Объединенной Силлы (668-935) в период династий Севера-Юга может характеризоваться в двух аспектах: внутри региона, музыкальная культура Объединенной Силлы принимала музыкальную культуру Бакче и Гогурьёо, и заново их развивала; с другой стороны, обшаясь с регионами, Объединенная Силла принимала развитую музыкальную культуру Танга, Китая, что подняло музыкальную культуру Силлы до нового уровня. После объединения Трёх Королевств в Силле появилась поперечная флейта "джеок" в Бакче и флейта "хоенджеок" в Гогурьёо, затем эти флейты увеличились до трех бамбуковых флейт (самьёк) Силлы хьянтак. Нет сомнений, что музыкальная культура Объединенной Силлы была способна содействовать дальнейшему развитию народной Корейской музыки, известной как хьянтак.

Культурный обмен с Тангом был довольно активным в период династий. Буддистское песнопение (беомпае) Дзенского монаха Джингама и беомпае стиля Танг японского монаха Энина могут служить убедительным доказательством музыкального обмена того времени. Другой пример музыкальных особенностей трех модальных систем музыки Танга- хвангёнгьё (хуанг-чунг-тъяо), бансеопьё (пан-ше-тъяо) и вольё (юех-тъяо), как описывается в Самгук саги, может быть вкратце описан ниже:

Три модальные системы музыки Танга, хуанг-чунг-тъяо, пан-ше-тъяо и юех-тъяо – произошли из 28 модальных обозначений, используемых в светской музыке (су-юех) Танга.

В свете того факта, что названия 28 модальных систем светской музыки Танга, включая эти три модели музыки Танга, были изменены и были общеизвестны из стиля, выработанного в 754 году (13 год Тьен-пао), можно отметить, что лады музыки Танга для трех бамбуковых флейт могли приниматься в поздний период Объединенной Силлы(780-935).

Учитывая тот факт, что три модальные системы музыки Танга для трех бамбуковых флейт, являются частью 28-модальной системы светской музыки Танга (су-юех), которая была принята в обществе Силлы после VIII века, нам кажется правильным предположить, что часть музыки Центрально-Азиатского региона появилась в Танге примерно в VIII веке, и была адаптирована для трех бамбуковых флейт в более поздний период Силлы (668-935). Другими словами, три модальные системы музыки Танга для трех бамбуковых флейт представляют собой ясное доказательство того, что общество Силлы приняло музыку Танга как что-то новое в своей музыкальной культуре. Можно предположить, что три модальные системы были результатом культурного обмена, происходящего на Шелковом Пути между Тангом и Центральной Азией, и этот результат был заново принят обществом Силлы приблизительно в IX веке.

В истории развития корейской музыки периоды Трёх Королевств и Объединенной Силлы были временем активного принятия иностранной музыки. Поперечная флейта (хоенджеок) и пятиструнная лютия (охьеон бипа) Гогурьёо сыграли важную роль в подъеме музыкальной культуры периода Трёх Королевств на новый уровень. Беомпае Силлы, пять поэм хьянгака и три модальные системы музыки Танга являются примерами принятия иностранной музыкальной культуры и их развития в замечательное искусство Объединенной Силлы.

Несмотря на то, что часть музыкальной культуры в обществах Гогурьёо и Силлы пришла из соседнего Китая, мы можем сказать, что поперечная флейта и пятиструнная лютия Гогурьёо, беомпае, танцевальные представления с масками, модальные системы музыки Танга и танец чачи (танец лотоса) в Силле были тесно связаны с музыкальной культурой Центральной Азии, которая пришла в Китай через Шелковый Путь.

ФОЛЬКЛОР И МУЗЫКА

Узбекское музыкальное искусство в последнее десятилетие XX века получило свое новое развитие. Сегодня в нашей республике проводятся самые престижные международные музыкальные фестивали и конференции. Лучшие музыканты, певцы и ансамбли представляют национальное искусство нашего народа в Узбекистане, и зарубежом. Музыка занимает особое место в духовной жизни человечества. А узбекское музыкальное искусство очень разнообразно.

На основе национальных традиции в XX веке в Узбекистане созданы блестящие образцы композиторского творчества. М. Ашрафий, Т. Садыков, Т. Жалилов, Юнус Ражабий, М. Бурханов, Д. Зокиров, И. Акбаров, М. Левиев, С. Юдаков и многие другие композиторы создали произведения, которые до сих пор дороги и любимы нашему народу и заняли достойное место в мировой музыкальной культуре.

Современный музыкальный фольклор отвечает всем требованиям сегодняшнего дня. Новые образцы фольклорного и композиторского творчества имеют высокий эстетический уровень, отражают новые точки зрения и высокие человеческие качества узбекского народа.

Вместе с тем при создании некоторых современных песен используется популярное народное музыкальное наследие, песни создаются на профессиональном уровне, но не пользуются популярностью у публики. Дело в том, что эти произведения не отражают национального духа и традиций народного музыкального наследия. Иногда образцы музыкального фольклора или их ритмы просто копируются в новых произведениях. Значит, для создания произведений, которые бы обогатили музыкальный фонд, композитор должен хорошо знать музыкальное и духовное наследие, проявить высокий вкус и профессионализм.

При создании новых произведений композитор должен основываться на двух аспектах. Во первых, учитывать традиционный жанр, а во вторых, создавать новые ритмы на основе национальной музыки в духе сегодняшнего дня. Яркими примерами такого подхода являются "Муножот" И. Икромов, "Куйгай" Ю. Ражабий, "Диёримсан" К. Жабборова, "Узбек вальси" Ф. Садыкова и "Бахор вальси" М. Мирзаева.

Узбекские композиторы создают новые произведения, основываясь на жанре и специфике музыкального фольклора. Изучая богатое наследие народной музыки и макома и используя его в своём творчестве они обогащают свои произведения и популяризируют их. Если взглянуть на историю творчества многих композиторов, можно увидеть, что они глубоко осознали жанр, стиль, художественно-эстетическую систему музыкального фольклора и творчески развивали их, исходя из потребностей и изменений в духовной жизни народа, влияли на форму и содержание музыкального искусства.

Композиторы разных поколений в своём творчестве использовали узбекский музыкальный фольклор, например, В. Успенский в своей музыкальной драме "Фарход и Ширин", и в дальнейшем при создании опер использовал фольклорные произведения "Мискин", "Найларам", "Усмония", "Ажам", "Самой духот". А. Козловский тоже неоднократно обращался к "Тановару" и эта мелодия стала образом его творчества. Романысы М. Бурханова "Ода Алишеру Навои", "Намедонам чи ном дарад", "Ишкита", романысы "Лирик поэма", "Эй, сабо", "Курмадим" Д. Зокирова, 3,9 и 11 симфонии М. Тожиева имеют не только собственный музыкальный язык, но и являются образцом индивидуальное творчества авторов в создании музыкальной формы и структуры образа, содержания интонации.

Как и мои наставники и соратники, я в своем композиторском творчестве много раз обращался к образцам музыкального фольклора, традициям и стилю искусства маком а. В своей поэме "Байрам" для оркестра я использовал стиль и форму, свойственную бухарским солистам, в произведении "Бухороча занг" для оркестра использованы традиции зангбози; в "Концерте" для народного инструментального оркестра можно узнать "Катта ашула" (большую песню) Ферганской долины и т.д.

Ярко и конкретно отображать эмоциональность и устремление народа – главная задача композитора при работе с музыкальным фольклором. Композитор должен творчески использовать произведения музыкального фольклора, его форму и стиль, изучать их, потому что национальное культурное и духовное наследие и национальные ценности всегда дополняли друг-друга.

Мустафо БАФОЕВ

Ўзбек музыка санъати XX асрининг охириги ўн йиллигида ўзининг янги ривожланиш даврини бошлади. Ҳозирги кунда бутун шарк ва ғарб дунёсига маълум йирик халқаро музыка фестиваллари ва анжуманлари республикамизда мунтазам ўтказилмоқда. Етук созанда, хонанда ва музыка-ижрочилик жамоалари халқимизнинг миллий санъатини нафақат мамлакатимизда, балки хориж давлатларида ҳам намойиш қилмоқда.

Ўзбек музыка санъати кўп қирралиги билан ажралиб туради. Музыка санъати одамзот маънавий оламининг энг ноёб дурдоналаридан саналади.

Ўзбекистонда XX асрда вужудга келган бастакорлик ижодиётининг ёрқин намуналари миллий анъаналар асосида яратилган бўлиб, миллий маданиятимиз хазинасида нодирлиги билан муҳим ўрин эгаллайди. Яқин ўтмишда ана шундай бетакрор гўзал асарларни М.Ашрафий, Т.Содиқов, Т.Жалилов, Юнус Ражабий, М.Бурханов, Д.Зокиров, И.Акбаров, М.Левиев, С.Юдаков каби бастакорлар яратди. Уларнинг турли жанрдаги музыка асарлари халқимиз юрагидан ва музыка санъатимиз меросидан муносиб жой олди. Ушбу асарлар ўз жозибаси билан дунё музыка маданиятига, умумбашарий қадриятларга муносиб ҳисса бўлиб қўшилди.

Замонавий музыка фольклори асарларининг табиати, янгича мазмуни бугунги давр ва ҳаёт талаби билан ҳар томонлама узвий боғланган. Бунинг биз ҳар йили республикамизда ўтказилаётган «Ўзбекистон – Ватаним маним» кўшиқ танлови байрамида кузатишимиз мумкин.

Фольклор ва бастакорлик ижодиётидаги кашфиётлар, ўзгаришлар, унинг янги образлари ва қаҳрамонлари халқимизнинг юксак эстетик диди, янгича қарашлари ва инсоний фазилатлари билан ифодаланган. Бадиий эстетик тафаккур ялғит ва мураккаб жараён сифатида замонавий музыка маданиятининг мураккаб бирлигини такозо этади. Замонавий кўшиқчиликда бастакорлар, бир томондан, миллий музыка меросимизни асос қилиб олган, халқчилиги билан кенг омма орасида обрў қозонган, иккинчи томондан, халқ музикаси руҳида ва профессионал маълумот нуқтаи назаридан юқори савияда яратилган, аммо оммавий тус олиб кетмаётган асарлар мавжуд. Бунга ушбу асарларда миллий руҳ ва халқ музыка мероси анъаналари тўлалигича аксини тополмагани асосий сабаб бўлмоқда. Баъзида эса музыка фольклори намуналари ёки оҳанглари тўғридан-тўғри «янги» асарга кўчирилди ёки таклидга йўл қўйилди. Демак, бастакор музыка мероси, диди ва маънавий эҳтиёжларни ҳисобга олсагина, миллий музыка анъаналари доирасида истеъдоди имкониятини намойиш этсагина, музикамиз хазинасини бойита оладиган кўшиқ ва куйлар ярата олади. Бошқача айтганда, бастакор янги асарлар яратишда икки хил манбага таянади. Биринчиси, анъанавий жанр, шакл хусусиятларини янги таклидга қўлаш, иккинчиси, давр руҳидан иборат янги оҳанглари миллий куйда янградиш усулларини кашф этиб, миллий ифода омилларига сингдириб юбориш. Бунга И.Икромовнинг «Муножот», Юнус Ражабийнинг «Куйгай», К.Жабборовнинг «Диёримсан», Ф.Содиқовнинг «Ўзбек вальси» ва М.Мирзаевнинг «Бахор вальси» мисол бўлади.

Ўзбекистон бастакорлари музыка фольклорининг жанр, шакл хусусиятлари ва услубларига таянган ҳолда янги асарлар яратди. Ўзбекона, миллий руҳда ижод қилиш мақсадида улар ҳамон музыка фольклори намуналарига мурожаат этиб келадилар. Санъаткорларимиз халқ музикаси, макомлари, айниқса, ўзбек хонандалик ва созандалик санъатининг бой меросини ўрганиб, бу хазинадан самарали фойдаланиб, ўз асарларини халқ орасида оммалаштиридилар ва уларнинг бадиий мукамал бўлишига, мухлислар томонидан

кадрланишига эришдилар. Агар бастакорлик ижодиёти тарихига назар ташланса, бир томондан, бастакорлар мусиқа фольклорининг жанр, усул ва бадиий-эстетик тизимларини чуқур ўзлаштиргани, уларни замонавий эстетик эҳтиёжларига мослаштиришга ҳаракат қилганлиги, иккинчи томондан, халқ маънавий оламида содир бўлаётган ўзгаришлар мусиқа санъатининг шакл ва мазмунига таъсир этганлиги кўринади. Турли авлод бастакорлари ижодиётида ўзбек мусиқа фольклори манбасидан фойдаланганлиги, ўз асарларининг халқчиллигини таъминлашда улардан баҳраманд бўлганлигини, халқ кўшиқлари, куйлари, мақомчилик санъати услублари кўплаб асарлар учун замин бўлганлигини кўраимиз. В.Успенский «Фарход ва Ширин» мусиқали драмасида, кейинчалик операсида «Мискин», «Найларам», «Усмония», «Ажам», «Самой дугох» каби куйлардан кенг фойдаланган. А.Козловский кўп маротаба «Тановар» куйига мурожаат қилган (овоз ва симфоник оркестр учун «Тановар», «Тановар» симфоник поэмаси, «Тановар» балети) ва ушбу куй бастакор ижодининг мазмуни бўлиб қолган. «Тановар» куйи М.Бурхонов, Г.Мушель, М.Ашрафий, С.Бобосев, А.Набиев каби санъаткорларнинг турли жанрдаги асарларидан кенг ўрин олган. Бинобарин, халқчиллик ҳар бир шахс ижодида ўзига хос ҳолда намоён бўлади. Масалан, М.Бурхоновнинг «Алишер Навоийга қасида», «Намедонам чи ном дорад» ва «Ишқида» романслари, Д.Зокировнинг «Лирик поэма», «Эй сабо» ва «Кўрмадим» романслари, М.Тожиёвнинг 3, 9, 11-симфонияларида мусиқа тилига хос жозиба билан бирга ўша асарларнинг интонацион мазмунида, шакллар тузилишида, мусиқали образлар яратилишида муаллифларнинг индивидуал ёндашувлари ифодаси кўзга ташланади.

Мен ҳам устоз ва сафдошларим сингари ўз бастакорлик фаолиятимда мусиқа фольклори намуналари, мақом санъати анъаналари, услубларидан ижодий фойдаланиб келдим. Жумладан, ўзбек халқ чолғулари оркестри учун «Байрам» поэмасида Бухоро созандаларининг ижрочилик анъаналарига хос усул ва шакллари; «Бухороча занг» номли оркестр учун асарда зангбози анъаналари; халқ чолғулари оркестри учун «Концертда» Фарғона водийсида кенг тарқалган катта ашула ижрочилик услублари; «Алломишни ўқигандан сўнг» номли мусиқали тасвирларда Сурхондарё дostonчилик санъатига хос оҳанг ва ижрочилик услублари; «Бухорои Шариф» телеопера дostonида «Шашмақом», Бухоро халқ кўшиқлари ва «Мавригилари» усулларидан янгича талқин этилган ҳолда фойдаланганман. Халқнинг туйғу, интилишларини тўла ва ёрқин акс эттиришга ҳаракат қилиш бастакорлик ижодиётида мусиқа фольклорига муносабатини белгиловчи асосий мезондир. Бастакорлик ижодиётида мусиқа фольклори асарлари, шакл ва услубларидан ижодий фойдаланиш, улардан ўрганиш, етук бастакорларимиз бошлаб берган йўлни ҳозирги кунда ҳам давом эттириш лозим, чунки миллий маданий-маънавий меросимиз билан миллий кадрятларимиз азалдан доимо бир-бирини тўлдириб келган.

FOLKLORE AND MUSIC

In the last decade of XX-th century Uzbek musical art took a new development. At present the most prestige, international, musical festivals and conferences are held in the Republic. The best musicians, singers and musical bands perform the national art of our people in Uzbekistan and abroad. Music has a special place in spiritual life of humanity. Uzbek musical art is very various.

The great models of composer's art were created on the basis of national traditions in Uzbekistan of XX th century. Such composers as Ashrafiy M., Sadikov T., Jalilov T., Rajabiy Yunus, Burkhanov m., Zokirov D., Akbarov I., Leviev M., Yudakov S. and many others created musical compositions which still remain dear and favorite for our people and as well they have worthy place in the musical culture around the world.

Uzbek musical art including the art of composers has its old history and contact with folklore. The Art exchange between works of musical folklore and composer's art and interference creates a new artistic method, therefore the folklore works were the basis of many musical works for uzbek composers. The musical folklore has such genres as terma, kushik, yalla, ashula. Modern musical folklore meet present requirements. New models of folklore and composer art have a high aesthetic level and reflect new points of view and high human features of Uzbek people.

Composing some modern songs they use popular public musical heritage, songs are composed professionally, but they are not popular. The fact is that these works don't reflect national spirit and traditions of public musical heritage. Sometimes the musical folklore models or their rhythms are just repeated in new works. Therefore in order to compose works which would enrich musical fund, a composer should know musical and spiritual heritage well, and to show a high style and professionalism.

Making up new works a composer should keep two aspects. First of all to pay attention to traditional genre secondly to compose new rhythms keeping national music of present time. The vivid examples of such approach are "Munojot" made by Ikramova I., "Kuygay" made by Rajabiy Yu., "Diyorimsan" Jabborova K., "Uzbek waltz" made by Sadikova F. and "Bakhor waltz" Mirzaeva M.

Uzbek composers create new works according to genre and specificity of musical folklore. Studying rich heritage of public music and makoma they use it in their art for enriching and making popular their works. If you look into the art history of many composers you will find out that they understood deeply a genre, style, artistic aesthetic system of musical folklore and as well they developed them considering requirements and changes in spiritual life influencing on forms and contents of musical art.

The composers of various generations used Uzbek musical folklore in their art, for example, Uspensky V. in his musical drama "Farkhod and Shirin" and later creating operas he used folklore works such as "Miskin", "Nailaram", "Usmoniya", "Ajam", "Samoi dugokh". Kozlovsky A. also used more then once "Tanovara" and that melody became the image of his art. Burkhanov's romances "Ode to Alisher Navoi", "Namedonam chi nom darad", "Ishkida", romances "Lyric poem", "Ey, sabo", "Kurmadiim" made by Zokirova D., symphonies 3, 9 and 11 of Tojiev don't have only own musical language, but they are the samples of authors' art in creating a form, image structure and inflexion content.

Like my tutors and companions, in my composer art I referred to musical folklore many times as well to traditions and an art style makoma. In my poem "Bayram" I chose for orchestra the style and forms of bukhara soloists have, in the performance "Bukhra zang" there were traditions of zangbozi in the orchestra. You can find out "Katta ashula" of Fergana valley in "Concert" for public instrumental orchestra.

The main objective of composers working with musical folklore is to show emotionality and people aspiration vividly and exactly. The composer should constructively use musical folklore works that is its form and style and to study them, because national cultural spiritual heritage and national valuable always added each other.

БУХОРО АМИРЛИГИДА ЭЛЧИЛИК МУНОСАБАТЛАРИ

Миркомил СОДИҚОВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

Как известно, к середине XVIII века в Бухарском эмирате утвердилась власть династии мангытов (1747-1920).

Существует множество источников, повествующих о восшествии на престол этой династии, об управлении ими государством на протяжении двухсот лет, о проводимой ими внутренней и внешней политике. В письменных источниках, какими являются научные, литературные произведения и эпистолярное наследие известных людей, ярко отразилась история дипломатических отношений Бухары с другими государствами.

Одним из таких произведений является «Тухватул хоний» Мухаммада Вафо ибн Мухаммада Захира Карминаги, известного под псевдонимом Кази Вафо. В рукописи отражены события первоначального периода истории мангытов от Мухаммада Рахимхана (1747-1759) до Дониёл аталыка (1759-1785). В данном источнике имеется также «Приложение», написанное по указанию вышеупомянутых правителей Олимбек ибн Ниязкулибеком из Карши. Особого внимания заслуживают главы, посвященные истории дипломатических отношений мангытов с Афганистаном, Ираном, Ташкентом, Кокандом и Кашгаром (нынешней Шинчжон-Уйгурской провинцией Китая) и установление с ними посольских отношений. Рассказывается также о военных походах Бухарских эмиров совместно с правителями Ходжента и Ташкента, о политических связях с казахскими султанами Дашти Кипчака (нынешний Казахстан и южная часть России). Дается подробное описание государственной структуры и аппарата управления эмиратом, приводятся данные о различных налогах и обязательствах, возлагаемых на подданных.

О последующих периодах истории правления династии мангытов повествует другой исторический источник – рукописная книга «Гулшан ул-мулк», написанная представителем династии мангытов Мухаммадом Ёкуб ибн Дониёл аталыком, которая хранится ныне в фондах Института востоковедения АН РУз.

Произведение, написанное на фарси, охватывает исторический период начиная с пророка Мухаммада (с.а.в.) и рассказывает об основных событиях периода Шайбанидов (1500-1599), Аштарханидов (1599-1785) и Мангытов (1785-1868).

XVIII аср ўрталарида Бухоро амирлигида мангитлар сулоласи ўзининг муллоқ ҳукмронлигини ўрнатган эди (1747–1920). Ушбу сулоланинг ҳокимият тепасига келиши, салкам икки асрлик ҳукмронлик даври ҳамда Бухоро амирлигининг ички ҳаёти ва ташқи сиёсатида доир тарихий маълумотлар, ёзма манбалар ниҳоятда кўп. Улар орасида муайян тарихий воқеа-ҳодисаларга бағишланган асарлар, сайёҳ ёки кузатувчиларнинг эсдаликлари, олиму шоирлар ҳақидаги тазкиралар, шунингдек, турли мамлакатларнинг арбоблари ўртасидаги ёзишма-мақтублар ва бошқа адабий-илмий асарлар мавжуд. Энг муҳими, уларда мангитлар сулоласининг қўшни давлатлар билан олиб борган элчилик муносабатларига оид маълумотлар ёзиб қолдирилган.

Шундай қимматли манбалардан бири—«Тухфат ул-хоний» асари бўлиб, унда мангитлар сулоласи ҳукмронлигининг дастлабки давридаги (1747–1759) Бухоро амирлигида ижтимоий-сиёсий, иқтисодий аҳвол ва элчилик муносабатлари ҳам ўз ифодасини топган.

«Тухфат ул-хоний» муаллифи Мухаммад Вафо ибн Мухаммад Зоҳир Карминаги бўлиб, Қози Вафо номи билан ҳам машҳурдир.

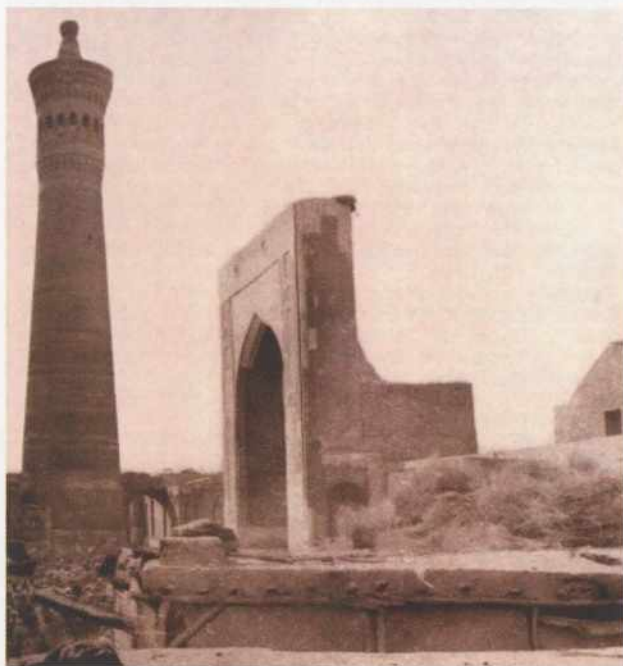
Мазкур асарда, асосан, 1747 йилдан 1759 йилгача Марказий Осиёда Мухаммад Раҳимхон Мангитдан токи Дониёлбий Оталиқнинг (1759—1785) тахтга келиш давригача содир бўлган тарихий воқеалар баён этилади. Шунингдек, унда ушбу икки ҳукмдор фармойишига биноан, қаршилиқ домулло Олимбек ибн Ниёзкулибек эшон томонидан ёзилган «Илова» берилган. «Тухфат ул-хоний»да келтирилган Бухоро амирлигининг қўшни давлатлар, жумладан, Афғонистон, Эрон, Тошкент, Қўқон ва Қошғар билан муносабатларига тегишли маълумотлар эътиборга лойиқ.

Харбий юришларда Бухоро амирлари кўпроқ Хўжанд ва Тошкент ҳукмдорларини жалб қилишган. Масалан, Қўқон хони Эрдонабий (1751–1762)нинг Мухаммад Раҳимхон билан иттифоқ тузиб, 1754–1755 йилларда Фозилбийга қарши Ўратепага юриш қилгани маълум.

Мухаммад Раҳимхоннинг Тошкент беқлиги ва Қошғар ҳукумати билан бўлган муносабатларига келсак, улар ўз олдларига мамлакат ҳудудида ўтроқ ҳолда яшовчи аҳоли ерларини қалмоқ босқинидан биргаликда ҳимоя этишни мақсад қилиб қўйганлар.

XVIII асрнинг 20–50-йилларида Марказий Осиёда содир бўлган сиёсий воқеаларда афғонларнинг ҳам иштироки ҳақидаги маълумотлар фақатгина «Тухфат ул-хоний»да учрайди: «Аҳмад шохнинг тахтга ўтириш маросимида қатнашиш учун Тоғай Мурадбий буркут (уруғидан) бошқа ўзбек амирлари ва афғон гуруҳлари билан биргаликда Қандаҳор ва Кобулга томон йўл олдилар ва (улар) бу ерга етиб келдилар, афғон шохнинг муруввати ва эҳсонига сазовор бўлдилар...».

Бу даврда айрим ўзбек беқлари ҳам Афғонистон билан элчилик муносабатларини ўрнатишга ҳаракат қилганлар. Жумладан, Хисор юзларининг йўлбошчиси Мухаммад Аминбий Мухаммад Раҳимхон билан курашда Аҳмад шохни ўз томонига ёллаш учун 1753

йили Афғонистонга Чўлибек ва Муҳаммад Дўст бошлик элчиларни юборган.

Асардан ўрин олган Бухоронинг Дашти Қипчоқдаги (ҳозирги Қозоғистон ва Россиянинг жанубий ҳудуди) қозоқ султонлари билан бўлган сиёсий муносабатларига доир саҳифалар ҳам муҳим аҳамиятга эга.

Бухоро амирлигининг кейинги даврлардаги бошқа давлатлар билан муносабатлари тўғрисида маълумот берувчи қимматли манбалардан яна бири— «Гулшан ул-мулк» кўлёма асаридир. Бу тарихий асар манғитлар сулоласининг вакили Муҳаммад Ёқуб ибн Дониёлбий Оталик томонидан битилган бўлиб, ҳозирги кунда бу кўлёма ЎзР ФА Шарқшунослик институтида учта рўйхатда қайд этилган. Асар форсий тилда ёзилган бўлиб, у Муҳаммад Пайғамбардан (с.а.в.) бошлаб шайбонийлар (1500–1599), аштархонийлар (1599–1785) ва манғитлар (1785–1868) даврига тегишли воқеаларга бағишланган. Хусусан, Амир Шохмурод (1785–1800), Амир Хайдар (1801–1826) ва Амир Насруллоҳ (1826–1860) давлатни бошқарган даврдаги сиёсий жараёнлар, кўшни мамлакатлар билан олиб борган дипломатик муносабатларига бағишланган қисми алоҳида аҳамиятга молик.

Асарда Амир Шохмуроднинг Хуросон музофоти Марв билан бўлган можаролари ҳамда бу вилоят учун Эрон ва Афғонистон ўртасидаги сиёсий алоқалар ўз аксини топган:

«1213 (милодий 1797) йил ҳижрийда Ахтаҳон Эроний (Эрон шоҳи Муҳаммад Оғаҳон) Ироқ мулкидан бир лак отлик билан Хуросонга келди. Машҳад муқаддасни қамал қилди. Машҳад подшоҳи Нодиршоҳ ёрдам сўраб, жаноб амир (Шохмурод) маъсумга элчи юборди. Амир ўз одамлари билан машварат ўтказди ва у ер (Машҳад)га юз отлик саркардаларга бошлик қилиб Муҳаммад Раҳимбек юзни жўнатди. Амирнинг ўзи эса Машҳад ва Марвда жойлашди. Ахтаҳон (бу ерда Муҳаммад Оғаҳон) Машҳадни ташлаб қочишга мажбур бўлди ва яъни, мулки Хуросон (ҳозирги Эрон шимоли ва Туркменистон жануби-шарқи) амир (Шохмурод) қўлида қолди».

Амирнинг Кўкон хонлиги билан бўлган сиёсий муносабатлари тўғрисида қуйидаги маълумотлар берилди: «Жиззахни олгандан сўнг Худоёрбий ўғли Бекмуродбийни у ердан олиб, Бобобек парвоначи ўғли Каттабекка ҳамроҳ қилиб Бухорога жўнатди. Ўзи (Амир Шохмурод) Ўратепага юриш қилиб, у ерни фатҳ қилди. Ўратепани Норбўтабий Кўконий илтимосига кўра, Бобобек парвоначига берди».

Олимхон, Умархон ва Муҳаммад Алихон даврида (1801—1842) Кўкон хонлиги Бухоро амирлигидаги муҳолиф кучларни (Шаҳрисабздаги Кенагас, Миёнқолдаги Хитой-Қипчоқ ва бошқалар) қўлаб турган.

«Гулшан ал-мулк»да Бухоро ва Хива ўртасидаги муносабатларга доир қуйидаги маълумотлар келтирилган: «1290 йил (ҳижрий)да Ниёзбек парвоначини Хоразмга жўнатди. Бу вақт Элтузархон (Хива хони) Аму дарёсидан у томонга ўтди. Парвоначи билан жанг бўлди; унинг (Элтузархоннинг) кўплаб лашкарлари ўзи билан бирга дарёга фарқ бўлди...».

Бухоро билан Хоразм орасида сиёсий муносабатлар асосан, Марв ва Чоржўй вилоятларини ўз тасарруфларида сақлаб қолиш учун бўлган ўзаро можаролар туфайли кучайди.

Хива хонлиги ҳам Кўкон каби Бухоро амирлигидаги душман кучлар (Хитой-Қипчоқ,

FROM THE HISTORY OF DIPLOMATIC RELATIONS OF BUKHARA EMIRATE

As it is known, Mangit dynasty (1747-1920) ratified its power in the Bukhara Emirat by the middle of the 18th century.

There lots of sources, narrating about the accession to the throne of this dynasty, about it's government during two hundred years, about it's home and foreign policy exist. In the written sources, such as science, literary compositions and epistolary heritage of well-known people, the history of Bukhara's diplomatic relations with other states was broadly described.

One of the compositions is "Tukhvatul khoni" by Mukhammad Vafu ibn Mukhammad Zakhir Karminagi, known under the name of Kazi Vafu. The events of the prime period of the Mangit's history from Mukhammad Rakhimkhan (1747-1759) till Doniyol atalik (1759-1785), are reflected in the manuscript. This source also has a "Supplement", written by Olimbek ibn Niyazkulimbek from Karshi, ordered by the above-mentioned rulers. The particular attention is deserved by the chapters, devoted to the history of Mangit's diplomatic relations with Afghanistan, Iran, Tashkent, Kokand and Kashgar (today's Shinchjon-Uigurskaya China province) and establishment of the ambassadorial relationships between them. It also narrated about military campaigns of Bukhara emirs with the rulers of Khodjekenk and Tashkent, about political communications with Kazakh sultans of Dashti Kipchak (today's Kazakhstan and the south part of Russia). It gave the detailed description of the emirate's state structure and personnel management and the facts about various taxes and obligations, layed up on the citizens.

Another historical source is a manuscript book "Gulshan ul-mulk", that was written by the representative of the Mangit's dynasty- Mukhammad Yokub ibn Doniyol atalik, that is now kept in the funds of Oriental Studies Institute. It narrates about the following historic periods of the Mangit's dynasty government.

Composition that was written in pharsi covers the historic period, beginning from Mukhammad the prophet and the main events of sheibanid's period (1500-1599), ashtarkhanid's period (1599-1785), and mangit's period (1785-1868).

Bukhara's political relationships, at times of Amir Shoumurad (1785-1800), with Khurasan, Iran, Afghanistan, Kokand and Khiva khanates, are described in details.

Another book is "Phatkhnomai Sultoni" (which is also called "the history of emir Nasrullo") by Mukhammad Mir Olim Bukhari, serving at Guzara Bekstvo, gives a vast information about the periods of Amir Shoumar, Amir Khaidar and Amir Nasrullo governments. A great attention in the book is featured to the intergovernmental relationships between Bukhara, Iran and Afghanistan. A great attention is featured to the diplomatic meetings at different levels, ambassadors' receptions, tackle of embassies to the other states, that assists in amicable resolution of the conflicts.

One more manuscript "Tukhphai Shoikhi", by Mirzo Mukhammad Abul al-Azima Somi Bustini, dated from the period of Central Asia invasion by Russia. The author served as a munshi at the court of Bukhara emirs: Amir Muzaffar (1860-1885) and Amir Abdulkhad (1885-1910).

This composition was considered as an official one, the whole mangit's history from Abul Faizkhon (1711-1747) till 1906 year was described there thoroughly.

Starting from the period of Amir Muzaffar's government, the author himself was the witness of the events. Bukhara foreign policy relations with Afghanistan, Iran, Kokand, Khiva, Turkmenian and Kazakh sultans and Russia, are given in details in this book.

Throwing light upon the Amir Nasrullo's period of government, the author describes his successful military campaigns, as a result of which, territories, beginning from Uratepe till the banks of Jaikhun (today's Amudarya), then to the Kunduz and Badakhshan, joined Bukhara (north Afghanistan territories).

Nasrullo's campaign against of Kokand's khan- Mukhammad Alimkhan (1822-1842) and also campaign during this period of Khiva khan- Allakuli against Chordjui, is mentioned there.

According to the evidence of Somi, Amir Nasrullo evolved trade and diplomatic communications with Russia, receiving their ambassadors and sending his own.

Describing the period of Amir Muzaffar's government (1860-1885), the author narrates the political events of the period, when Bukhara was conquered by Russia (1864-1868).

In general, it's necessary to mention, that during the period of Mangit's dynasty government (1747-1868), the diplomacy of Bukhara government, its political and economic communications with other states, as a sovereign state, played an important political role in the territory of Turkestan.

This policy was the most successfully held by the Bukhara Emirate in the 18th- the beginning of the 19th c.c., before the invasion of Turkestan by the Russian Empire.

Подробно описываются политические отношения Бухары при Амуре Шомурате (1785-1800) с Хурасаном, Ираном, Афганистаном, Кокандским и Хивинским ханствами.

О периода правления Амира Шомурата, Амира Хайдара и Амира Насрулло даёт обширную информацию другая книга – «Фатхномаи Султоний» (её также называют «История эмира Насрулло») автора Мухаммада Мир Олим Бухари, служившего в Гузарском бекстве. В книге большое место отводится межгосударственным отношениям Бухары с Ираном и Афганистаном, и дипломатическим отношениям – встречам на разных уровнях, приёмом послов, снаряжению своих посольств в другие государства, что способствовало разрешению многих конфликтов мирным путем.

Еще одна рукопись – «Тухфан Шохий» автора Мирза Мухаммада Абул ал-Азима Соми Бустиони рассказывает о периоде завоевания Средней Азии Россией. Автор служил мушкетером (секретарём) при дворе Бухарских эмиров Амире Музаффаре (1860-1885) и Амире Абдулахде (1885-1910).

Это произведение считалось «официальным», в нем описывалась вся история мангытов, начиная с периода Абул Файзхона (1711-1747) до 1906 года.

Начиная с периода правления Амира Музаффара автор сам был очевидцем событий. В книге подробно представлены внешнеполитические отношения Бухары с Афганистаном, Ираном, Кокандом, Хивой, туркменскими и казахскими султанами и Россией.

Освещая период правления Амира Насрулло, автор описывает его успешные военные походы, в результате которых к Бухаре были присоединены территории от Уратепе до берегов Джайхуна (ныне Амударья), а затем – до Кундуза и Бадахшана (северные территории Афганистана).

Упоминается поход Насруллохана против Кокандского хана Мухаммада Алихана (1822-1842), а также завоевание Хивинского хана Аллакули Чорджу.

По свидетельству Соми, Амир Насрулло укреплял торговые и дипломатические связи с Россией, принимая их послов и посылая своих.

Описывая время правления Амира Музаффара (1860-1885), автор рассказывает о политических событиях периода завоевания Бухары Россией (1864-1868 годах).

В целом следует отметить, что в период правления династии мангытов (1747-1868) дипломатия Бухарского эмирата, его политические и экономические связи с другими государствами в качестве суверенного государства имели важное политическое значение для Туркестана.

Наиболее успешно эта политика проводилась Бухарским эмиратом в XVIII и начале XIX веков, до захвата Туркестана Российской империей.

Корақалпоқ ва Қўқон хонлиги)ни ҳимояга олиб, ўз сиёсий мақсадларига эришишга ҳаракат қилди.

Бундай муносабатлар Амир Насруллохон (1826—1860) даврида ёзиб қолдирилган қимматли манба «Фатхномаи Султоний»да (бу асар «Тарихи амир Насруллох» деб ҳам номланади) ўз аксини топган. Асар муаллифи Мухаммад Мир Олим Бухорий бўлиб, Ғузур беклигида дабир лавозимида хизмат қилган. «Фатхномаи Султоний» шарқшунос олимлар томонидан кам ўрганилган бўлиб, асар Амир Шохмурод, Амир Хайдар ва Амир Насруллох бошқаруви даврининг биринчи ўн йиллигини ўз ичига олади. Унда Амир Шохмуроднинг хорижий давлатлар, айниқса, Афғонистон ва Эрон билан олиб борган дипломатик муносабатлари ҳақидаги саҳифалари муҳим аҳамият касб этади.

Ўрта Осиёни чор Русияси босиб олгандан сўнг ёзилган яна бир манба— Мирза Мухаммад Абу ул-Азим Сомий Бўстонийнинг «Тухфайи Шохий» асаридир. Асар муаллифи Бухоро амирлари Амир Музаффар (1860—1885) ва Амир Абдулахад (1885—1910) девонларида мунший лавозимида хизмат қилган. «Тухфайи Шохий» кўлёма асари расмий ҳисобланиб, унда муаллиф аштархонийларнинг сўнги вакили Абул Файзхон давридан (1711—1747) то 1906 йилгача бўлган манғит ҳукмдорлари тарихини баён этади.

Амир Музаффардан бошланган воқеалар Сомийнинг кузатуви ва бевосита иштироки асосида ёзилган. Асарда Бухоронинг Афғонистон, Эрон, Қўқон, Хива, туркманлар, қозоқ султонлари ва Россия билан бўлган муносабатлари кенг ёритилган. Сомий ўз асарида Амир Насруллох даврини (1826—1860) алоҳида ёритиб ўтади ва шундай ёзади: «Амир Насруллох кучли ҳукмдор; у Ўратепадан тортиб, Жайхун дарёсигача (ҳозирги Амударё) ва у ердан Қундуз ва Бадахшонни (ҳозирги Афғонистон шимоли) ўз давлатига бўйсундирди».

Муаллиф Насруллохоннинг Қўқон хони Мухаммад Алихон (1822—1842) устига юриш қилишини ва бу вақтда Хоразм хони Оллоқулининг (1825—1842) Чоржўйга ҳужуми тўғрисидаги маълумотларни ҳам келтириб ўтади.

Сомийнинг гувоҳлик беришича, Амир Насруллох Россия билан дипломатик ва савдо муносабатларини яхшилашга ҳаракат қилган: «Насруллох бошқарган даврда Россиядан Бухорога дўстлик мақсадида элчилар келди. Элчилар Насруллох томонидан жуда яхши кутиб олинган эди.

Насруллох Россияга Муллажон Мирохур бошлик жавоб элчиларини жўнатди. Элчилар ўзлари билан кўплаб совға-саломлар, шу жумладан, иккита фил ҳам олиб бордилар».

Муаллиф Амир Музаффар бошқаруви (1860—1885) даврига тўхталиб, Россиянинг Ўрта Осиё сарҳадларига бостириб келиши ва Бухоро—Россия ўртасидаги 1864—1868 йилгача бўлган сиёсий жараёнлари кенг ёритади.

Хулоса қилиб айтганда, манғитлар сулоласи даври Бухоро давлати дипломатияси, унинг хорижий мамлакатлар билан олиб борган сиёсий ва иқтисодий муносабатлари Россия империяси Туркистон сарҳадларига бостириб келмасдан олдин (1747—1868) муҳим сиёсий вазифа ҳисобланган. Бу вазифани ўз даврида Бухоро амирлиги мустақил давлат сифатида маълум даражада муваффақиятли адо этган эди.

КЎХИСТОНИЙ «ЖОМЕЪ УР-РУМУЗ»

Расулжон НОСИРОВ
Носиржон ТУРДИБОЕВ

Марказий Осиёнинг маданий-маънавий тарихида кўплаб қомусий билимга эга алломалар қаторида «Шарафли муфтий» мартабасига муяссар бўлган Мавлоно Шамсиддин Муҳаммад ал-Кўхистоний ҳам ўзига хос ўрин эгаллаган. Фақиҳ XV асрнинг иккинчи ярмида Нишопур ва Хирот оралигида жойлашган Кўхистон ноҳиясида таваллуд топиб, Султон Хусайн Мирзо ва Мирзо Улуғбек замонасида Хуросон шаҳрида «Шайхулислом» мартабасига эришган. Лекин Султон Мирзо Улуғбекнинг фожиали ўлими, шиаларнинг давлат тепасига келиши оқибатида Шамсиддин ал-Кўхистоний тазйик ва таъқиблардан чексиз озор чекиб, кичкина бир масжидда яшаб, кун кечиршига мажбур бўлади.

XVI асрнинг бошида Султон Абу ал-Мағозий Убайдуллоҳ ал-Шибкий Хуросонни шиалар ҳукмронлигидан озод қилганидан сўнг, Кўхистонийни Бухоро шаҳрига қози этиб тайинлайди. Шамсиддин Муҳаммад ал-Кўхистоний хижрий 950 (1543) йилда Бухорода вафот этади.

Ал-Кўхистоний қаламига мансуб «Шарх ул-Кофия» (Кофиянинг шарҳи), «Шарх фикҳи ал-Кадоний» (Кайдоний фикҳининг шарҳи), Абу Али ал-Комийнинг адабиёт ва тил хусусида ёзган «Ал-амолий» асарига битган «Шарх қасидат ул-амолий», Яхъё ибн Шариф ан-Нававийнинг (1277) оятлар, ҳадис ва шеърлар тўғрисидаги асарига бағишланган «Шарх оят, аходис ва абёт» каби китоблари мавжуд.

Лекин Шамсиддин ал-Кўхистонийнинг 1535 йилда ёзилган «Жомеъ ур-румуз» номили асари алоҳида эътиборга моликдир. Бу асарнинг Ўзбекистон Фанлар академияси Шарқшунослик институти қўлғизмалар хазинасида 53 та қўлғизмаси ва 12 та тошбосма наشري мавжуд.

«Жомеъ ур-румуз»нинг биз мурожаат этаётган тошбосма нусхаси 1890 (хижрий 1357) йилда Россия Маориф вазирлиги рухсати билан Қозон шаҳрида маърифатпарвар Қозизода Шариф Маҳдум ибн Қози Абдурахмон ал-Бухорий томонидан нашрга тайёрланган. Унинг чоп этилишига савдогар Муҳаммадjon ал-Каримий ва унинг акаси Шарифjon ҳомийлик қилган.

Асар икки қисмдан иборат бўлиб, биринчи қисмда 62 та, иккинчи қисмда 74 та ҳанафия мазҳабига доир шаръий масалалар шарҳлаб берилган. Асарда 30 дан зиёд диний-ҳуқуқий масалалар бўйича машҳур мужтаҳидларнинг асарларидан кенг фойдаланилган ва уларнинг шариятга оид ҳукмлари қиёсий ўрганилган.

Кўхистоний аҳли сунна ва-л-жамоат имомларидан Абу Ханифа (Имоми Аъзам), Имом Молик, Имом Шофёрий, Имом Аҳмад ибн Ханбал тўғрисида фикр

юритади; уларнинг яхши одат ва фазилатлари борасида эътиборли маълумотлар келтиради. Ханафия мазҳабига мансуб бўлган бу фақиҳ ўз асарида тарафкашлик, ғаразғўйлик, бирон қимсани бадном қилиш, тарихий ҳақиқатни атайлаб сохталаштиришга ҳеч қандай ўрин қолдирмаган. Бу Кўхистонийнинг юксак фазилат соҳиби эканлигини кўрсатади.

«Ханафия мазҳаби энг мўътадил ва ишончли мазҳабдир; тўрт мазҳаб имомларидан биринчиси – буюк фақиҳ Абу Ханифадир», дейди Кўхистоний. Абу Ханифанинг исми Нўъмон, отасининг исми Собит, бобосининг исми эса Завтий бўлиб, баъзиларнинг айтишича, унинг бобоси кобуллик, баъзиларнинг фикрича, у термизликдир. Лекин айримлар унинг бобосини анбарлик (Ал-Анбар Ироқдаги Фрот дарёси қирғоғида жойлашган, аммо ҳозир вайронага айланган шаҳар) эканлиги ҳақида маълумот беради. Ал-Катиб ал-Бағдодийнинг (1002-1072) уқтиришича, унинг отаси эронлик аслзода, Куфада ҳидоят йўлидан юрган кишилардан бўлган. Собит ҳар доим Оллоҳдан ўз наслини улуғланишини ва саодат қалитлари берилишини тилаб дуо қилган. Собитни «имомлар имоми» Жаъфар ас-Содик (700-765) уйлантириб қўйган, кейинроқ Абу Ханифа тарбиясини ўз зиммасига олган.

Абу Ханифа Жаъфар ас-Содикнинг насихатлари билан ориф, олим, фақиҳ, ўта тавозели, мўмин киши бўлиб етишади. Кўхистоний унинг манокбилари (фазилат, хислатлари) тўғрисида бир қанча нақллари келтиради. «Унинг изидан борувчи машойхларнинг сони тўрт минг кишига етади. У бир кечада Куръонни хатм қилиб чиқарди. Абу Ханифа Каъбатуллоҳни элик марта зиёрат қилган», дейди муаллиф.

Ханафия мазҳаби Ҳиндистон, Хитой, Мовароуннаҳр, Эрон ҳудудларида кенг тарқалган; аббосийлар, салжукийлар, хоразмшоҳлар, усмонийлар даври ҳукмдорлари Абу Ханифа таълимоти асосида фатво чиқарганлар. Шунингдек, Кўхистоний аҳли суннанинг қолган уч мазҳаби ва уларнинг имомлари бўлмиш Имом Молик, Имом Шофёрий ва Имом Аҳмад ибн Ханбал ҳаёти ҳамда фаолиятига оид маълумотларни ҳам келтиради.

Ироқ амири Язид ибн Хубайра Имоми Аъзамни Куфага қози қилиб тайинламоқчи бўлади. Лекин Имоми Аъзам бу таклифни рад этади. Бундан ғазабланган амир уни юз дарра уриш билан жазолашга буюради. Уммавийлар халифалиги қулагандан кейин Абу Ханифа зиндондан озод қилинади. Имоми Аъзам Бағдодда яшашни ихтиёр этади. Қози мансабини эп кўрмаган имомни ҳукмдор Абу Жаъфар ал-Мансур хибсга олади. Ҳар кун уни ўн даррадан урадилар

КУХИСТОНИЙ «ЖАМЕЪ УР-РУМУЗ»

Мавлоно Шамсиддин Мухаммад ал-Кухистоний, удостоенный при жизни звания "Прославленный муфтий", является одним из ученых-энциклопедистов мусульманского востока. Он родился в селении Кухистан между Нишапуром и Хиратом. При Султানে Хусайне Мирзо и Мирзо Улугбеке он занимал должность "Шайх ул-ислама" в Хурасане. Но после свержения и трагической гибели Султана Мирзо и Улугбека и прихода к власти шиитов Шамсиддин ал-Кухистоний был отстранен от всех должностей и скрываясь от гонений был вынужден ютиться в мечети.

В начале XVI века после освобождения Хурасана от шиитов Кухистоний был назначен Султаном Абу ал-Мағозий верховным судьей города Бухары. Шамсиддин Мухаммад ал-Кухистоний умер в Бухаре в 1543 году.

Известны ряд книг Ал-Кухистоний по литературоведению и языкознанию, религиозным наукам. Но наиболее интересной представляется его трактат "Жамеъ ур-румуз", заверенный в 1535 году. В Институте востоковедения АН Узбекистана хранятся 53 экземпляра рукописных и 12 экземпляров печатных вариантов этой книги, изданной в Казани в 1890 году. Издание было подготовлено просветителем Казийзаде Шариф Махмуд ибн Казий Абдурахман ал-Бухарий. Финансировали издание братья Мухаммаджон и Шарифджон ал-Каримий.

Произведение состоит из двух частей, в которых прокомментировано 136 положений исламской юриспруденции. Анализируя религиозно-правовые вопросы, автор обращается к трудам четырех выдающихся мужтэхидов суннитской ветви ислама – Имам Абу Ханафи (Имам Аъзам), Имам Малик, Имам Шофееий, Имам Ахмад ибн Ханбаль. Кухистоний не только сравнительно исследует их вердикты применительно к шариату, но и описывает высокие личностные достоинства этих деятелей. Будучи последователем ханафийского направления ислама, автор, тем не менее, не допускает субъективности и не изменяет исторической правде, что свидетельствует о высоких нравственных качествах самого Кухистоний.

Он пишет, что ханафизм – самое стабильное и верное направление в исламе, и первым имамом среди имамов является величайший праведник Абу Ханафи. Земное имя Абу Ханафи Нуъмон, отца – Собит, деда – Завтий, которого одни считают выходцем из Кабула, другие – из Термеза. Иные полагают, что его дед был из Анбара – города, некогда стоявшего на берегу реки Фирот в Ираке. По мнению Ал-Котиб ал-Бағдодий (1002-1072) отец Абу Ханафи был аристократом, вставшим на путь аскетизма в Куфе. Собит постоянно молил Аллаха прославить его потомство. "Имам имамов" Жаъфар ас-Садык (700-765), который женил его, впоследствии взял под свое покровительство и воспитание его сына.

Благодаря наставничеству Жаъфара ас-Садыка, Абу Ханафи вырос всесторонне образованным, праведным человеком, впоследствии имевшим много последователей. Кухистоний приводит множество преданий о становлении его учения, высочайших личностных достоинствах и деяниях Абу Ханафи. "Число его последователей – машойихов – достигало четырех тысяч. За ночь он прочитывал весь Коран. Абу Ханафи посетил Каабу пятьдесят раз", – пишет он.

Ханафийское направление ислама широко распространилось в Индии, Китае, Мовароуннахре, Иране, а при правлении аббасидов, сельджуков и харезмшахов исходя из положений учения Абу Ханафи издавались царские указы.

Умер Абу Ханафи (Имам Аъзам) в 767 году в Багдаде и проводить его в последний путь пришло пятьдесят тысяч человек. Имеются несколько версий его трагической смерти.

Кухистоний приводит также сведения о жизни и деятельности основателей трех других направлений в исламе – Имаме Малике, Имаме Шофееий, Имаме Ахмад ибн Ханбале.

В своей книге Кухистоний рассказывает также об учениках Имама Аъзама и их трудах. Самым известным среди его учеников был Мухаммад бин Хасан бин Фуркад аш-Шайбоний – автор труда "Жамеъ ус-сағир" (Малый сборник), состоящего из 1532 положений исламской юриспруденции – фикха. Эта книга стала настолько популярной, что к примеру, правитель Шама-Иса ибн Абу Бакр одалил пятьюстами динарами тех, кто знал наизусть эту книгу. К этой книге были написаны комментарии ал-Паздавий и Имама Казихана.

Так в книге "Жамеъ ур-румуз" можно найти редкие сведения о прославленных выходцах из Центральной Азии Абу Абдуллахе Мухаммад бин Исмоил ал-Бухарий, Бурханиддине ал-Маргиноний. Например, автор утверждает, что Бурханиддин Маргиноний ал-Фаргоний является одним из потомков Абу Бакра ас-Сиддик – халифа и преемника Пророка. Науке фикха Маргиноний обучился у своего отца Шайху ул-ислама ал-Асийбойи.

Исследование труда Кухистоний "Жамеъ ур-румуз" несомненно, расширит наши познания о духовном наследии прошлого.

хамда бозорларда, аҳоли гавжум жойларда унинг номини тахкирлайдиган миш-мишлар таркатадилар. Унинг елкасидан кон тиркираб оққунга қадар калтаклайдилар ва имомга овқат беришни ман этадилар. Абу Ханифа йиғлаб, Оллохдан ўлим юборишни илтижо қилади. Орадан беш-олти кун ўтар-ўтмас у вафот этади. Унинг жанозасига эллик минг киши тўпланади.

«Яна айтадиларки, – деб уқтиради Кўхистоний, – Жаъфарнинг ҳузуриди Имоми Аъзам оғзига мажбуран бир қадах захар қуядилар. Шундан кейин у сажда қилган ҳолда оламдан кўз юмади». Бошқа манбаларда таъкидланишича, Абу Жаъфар ал-Мансур уни мажбуран қози қилиб тайинлайди ва у қозиликни икки кундан кейин тарқ этиб, истеъғофа чиқади.

Имоми Аъзамнинг таниқли шогирдларидан бири Мухаммад ибн Хасан ибн Фуркад аш-Шайбонийдир. Шамсиддин ал-Кўхистонийнинг таъкидлашича, у сермахсул уламолардан бўлган. У тасниф қилган юзга яқин диний китоблардан «Мабусут» (Мамнуният), «Зийедот» (Тўлдириш), «Жомеъ ус-сағир» (Кичик тўплам), «Жомеъ ул-кабир» (Катта тўплам), «Ас-сийрат ус-сағир» (Кичик хулқ-атвори), «Ас-сийрат ул-кабир» (Катта хулқ-атвори) каби асарлари машҳурдир. Лекин муаллифнинг гувоҳлик беришича, Мухаммад ибн Хасан асарларининг сони бештадан ошмайди, деган фикрлар ҳам илгари сурилган. Ат-Таховий эса унинг «Ас-сийрат ус-сағир» ва «Ас-сийрат ул-кабир» асарларини Мухаммад ибн Хасанники эмас, дейди. Лекин мазкур асарларни ким ёзишидан қатъи назар, «Жомеъ ус-сағир» асари машҳур бўлган. У 1532 та фикхий

KOUKHISTONIY «JAME UR-RUMUZ»

Mavlono Shamsiddin Moukhammad al-Koukhistoni, who was named during his life as "Famous mufti", is one of scientific encyclopedists, who entered the history of culture in Central Asia. He was born in Koukhistan settlement between Nishapur and Khirat. During the reign of Sultan Khousain Mirzo and Mirzo Ulugbek he held the post of «Sheikh ul-Islam» in Khouurasan. But after the dethronement and tragic death of Sultan Mirzo Ulugbek and Shiite's coming to power, Shamsiddin al-Koukhistoni was discharged from the public life and as a result of persecution he had to live in a mosque.

At the beginning of the XVI-th century after Khouurasan was liberated from Shiites by Sultan Abu al-Magoziy Ubaidulla ash-Shibkiy Khoukhistoni was nominated kaziy of Bukhara. Shamsiddin Moukhammad al-Koukhistoni died in Bukhara in 1543.

There is a number of known books written by Al-Khoukhistoni on the study of literature, linguistics and religious science. The most interesting of his works is «Jame ur-rumuz» written in 1535. In the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of Uzbekistan - 53 of writing copies and 12 printed copies of this book are kept and published in Kazan city in 1890. The publishing was prepared by the enlightener Kaziyzade Sharif Makhdum ibn Kaziy Abdurakhman al-Bukhariy. Brothers Moukhammadjon Sharifdjan al-Karimiy financed the publishing.

The work consists of two parts, in which 136 regulations of Islam jurisprudence were commented. Analyzing religious and legal issues, the author refers to the works of four outstanding moujtakhids of Sunnite branch of Islam - Imam Abu Khanafi (Imam Agzam), Imam Malik, Imam Shefeiy, Imam ibn Khanbal. Koukhistoni does not only represent researches, their judgments concerning shariat (Book of Islamic Laws), but also describes their high personal values. Being the follower of Khanafiy trend of Islam, the author, however, does not allow subjectivity and does not betray the historical facts that witnesses high moral qualities of Koukhistoni.

He writes that Khanafiy's direction is the most stable and faithful direction in Islam, and the first imam out of imams was the greatest righteous man Abu Khanafi. Abu Khanafi was named Numon, his father, Sabit, grandfather, Zavtiy, some people thought that he was native of Kabul, some assumed that he was originated from Termez. Others supposed that his grandfather was from Anbara - the city that once existed on the bank of the river Firot in Iraq. According to Al-Kotib al-Bagdadiy (1002-1072) Abu Khanafi's father was an aristocrat, who became ascetic in Koufa. Sobit always asked Allah to glorify his descendants. "Imam of imams" Jafar as-Sadyk (700-765), who married him off, then took under his protection and brought up his son.

Thanks to the tutorship of Jafar as-Sadyk, Abu Khanafi grew up as educated, wise, righteous man, who had many followers. Khoukhistoni listed many legends on his doctrine, his highest values and deeds. «Number of his followers - mashoyikhs - reached four thousand. He completed reading of the whole Koran within one night. Abu Khanafi visited Kabul fifty times», - he wrote.

Khanafiy's direction of Islam was widely spread over the India, China, Movarounakhr, Iran, and during the reign of Abbasids, Seldjuks and Khorezmshakh. On the basis of teaching of Abu Khanafi state edicts were published.

Abu Khanafi (Imam Agzam) died in 767 in Baghdad. There are different versions of his tragic death, and fifty thousand people came to attend his funeral.

Khoukhistaniy also keeps the information on life and activity of the founders of three other directions in Islam - Imam Malik, Imam Shofeiy, Imam Akhmad ibn Khanbal.

In his book Khoukhistoniy also tells about pupils of Imam Agzam and their works. Moukhammad ibn Khasan ibn Fourkhad ash-Shaiboni was the most known out of his pupils and his work «Jame ur-rumuz» (small collection), where 1532 doctrines of Islam jurisprudence - fikha - were collected. This book became so popular that it was impossible to solve any legal problems without involving it at the time. For instance, the ruler Shama-Isa ibn Bakr gave five hundred dinars to those who could recite this book by heart. Comments to this book were written by Al-Pazdaviy and Imam Kazikhkan.

So, from the book «Jame ur-rumuz» we can pick up information on glorified natives of the Central Asia Abu Abdullah Moukhammad ibn Ismoil al-Boukhariy, Bourkhaniddin al-Marginoniy. For instance, the author confirms that Bourkhaniddin Marginoniy al-Fargoniy is one of the descendants of Abu-Bakr ase-Sidik - a caliph and successor of the Great Prophet. Naku fikha Marginoniy learned from his father Shaikh ul-Islom al-Asiyjobiy.

As a whole, there is a lot of interesting information contained in the book of Koukhistoniy "Jame ur-rumuz", that cannot be found in any other historical sources. Their study, of course, will widen our knowledge on the spiritual heritage of the past.

масалаларни қамраб олган. Бу китоб ҳоҷиятини англаламай туриб, ўз замонасининг ҳуқуқий муаммоларини ҳал этиш мумкин бўлмаган. «Бу китоб ўша даврда тезда машҳур бўлиб кетади. Ҳатто Шом ҳокими Исо ибн Абу Бакр ушбу китобни ёд олган кишига беш юз динар миқдорига савғо беришни одат қилади». Унга «фаҳр ул-ислом» ал-Паздавий ва имом Қозихон каби эътиборли уламолар шарҳ битадилар.

Умуман, Кўҳистоний «Жомеъ ур-румуз»да исломда қарор топган маъбаҳлар ва уларнинг соҳиблари, Абу Ханифанинг ҳаёт йўли, устозлари ва шогирдларидан ташқари, тарихда машҳур бўлган баъзи тобейнлар ҳақида ҳам қимматли маълумотлар келтиради.

Шунингдек, «Жомеъ ур-румуз»дан Марказий Осиёда етишиб чиққан Абу Абдуллоҳ Муҳаммад ибн Исмоил ал-Бухорий, Бурхониддин ал-Марғиноний каби улғў алломалар тўғрисида ҳам эътиборли маълумотлар ўрин олган.

Масалан, муаллиф Шайхулислом Бурхониддин Марғиноний ал-Фарғоний Абу Бакр ас-Сиддик наслидан эканлигини таъкидлайди. Сўнгра: «Илм ва маърифатда ажойиб ханафий фақиҳ эди. У ўз отаси ва Шайхулислом ал-Асийжобийдан фикҳ илмини ўрганди», деган сатрларни ёзади.

«Маъноларни тўпловчи шарафли муфтий» Шамсиддин Муҳаммад ал-Кўҳистонийнинг «Жомеъ ур-румуз» асарида бошқа кўпгина тарихий китобларда деярли учрамайдиган маълумотлар бор. Уларни бошқа манбаларга қиёслаб ўрганиш мавжуд тарихий ҳақиқатни тиклаш ва ўтмишни ҳолисона баҳолаш учун муҳим аҳамият касб этади.

МАХМУД ХАКИМ ЯЙФОНИЙ

«ХУЛЛАС УТ-ТАВОРИХ»

МАХМУД ХАКИМ ЯЙФОНИЙ “ХУЛЛАС УТ-ТАВОРИХ”

Махмуд Хаким Яйфоний как ученый и поэт-просветитель сформировался под влиянием кокандской литературной среды второй половины XIX века. Он родился в 1850 году в кишлаке Пасты Курик Ферганского вилаята в семье Шодимухаммад ибн мулло Бадалбая. Получив начальное образование в родном селении, продолжил учебу в “Медресе Хан” в Коканде, где изучил творчество таких великих поэтов Востока, как Фирдавсий, Саадий, Хафиз, Джамий, Навоий, Фузулий, Бедиль, а также своих современников—Мукимий, Фурката, Завкий, Мухсини. В юности Махмуд Хаким увлекся медициной и под руководством Бокийхана проштудировал труды ар-Рози, Ибн Сино, Мухаммада Юсуфа и других, вскоре стал известным врачевателем. Однако основным его занятием были наука и творчество. Он написал ряд книг по медицине и фармакологии на узбекском и арабском языках, создал учебники по морфологии узбекского и арабского языков и исследование по землепользованию, а также выпустил ряд поэтических сборников под псевдонимом Хакимий. Талантливый врач и поэт, ученый—просветитель умер в 1930 году в родном селении. Наиболее значительным его произведением является история кокандских ханов, арабских халифов и тюркских султанов, изложенная в книге “Хуллас ут-Таворих” (“Избранная История”).

Первая часть книги под названием “История Ферганских султанов” была напечатана в 3 и 4 номерах журнала «Кенгаш», основанного Хамза Хамкимзаде Ниязий. Полностью труд был завершён и напечатан в 1925 году, а подлинный рукописный экземпляр с личной печатью автора хранится ныне в кокандском литературном музее [инвентарный номер—70 (1440)]

Автор описывает генеалогическое древо кокандского хана Худаярхана, утверждая в начале книги, что родословная ферганских правителей восходит к Бабуру Мирзо.

В произведении широко освещен период правления Алимхана. Автор отмечает, что правитель был требователен к ишанам и суфиям, то есть к духовенству, в руках которого была не только религия, но и просвещение, мораль, общественное мнение.

Касаясь периода правления Амира Умархана, автор старается отразить самые важные события в очень краткой форме. Как и другие историки, он восхваляет Амира

Абдуллатиф ТУРДИАЛИЕВ

Махмуд Хаким Яйфоний XIX асрнинг иккинчи ярмида Кўкон адабий-илмий мухитидан етишиб чиккан истеъдодли олим, мохир табиб ва маърифатпарвар шоирдир.

Махмуд Хаким 1850 йилда hozirgi Фарғона вилоятининг Ўзбекистон туманидаги Пасты Кўрик кишлоғида Шодимухаммад ибни мулло Бадалбой oilасида дунёга келган. У кишлоғида бошланғич таълим олгач, Кўкондаги «Мадрасаи Хон»да ўқиган. Мадрасада Фирдавсий, Саъдий, Хофиз, Жомий, Навоий, Фузулий, Бедил каби шарқнинг машхур шоирлари ҳамда замондошлари – Мукимий, Фуркат, Завкий ва Мухсиниларнинг ижоди билан яқиндан танишади. Ёшлигидан табобатга кизиққани учун кўконлик Бокийхон ҳакимдан табобат сирларини ўрганadi. Шарқнинг бобокалон табиблари – Махмуд Хаким Закариё ар-Розий, Абу Али ибн Сино, Мухаммад Акбар Арзоний, Хаким Нажибободий, Мухаммад Юсуф ва бошқаларнинг асарларини мустақил мутолаа қилади, замондошларининг тажрибаларини ижодий ўзлаштириб, донишманд табиб бўлиб танилади ва умрининг охиригача илмий-ижодий иш билан шуғулланади.

Махмуд Хаким ижодий меросининг салмоқли қисмини тибга оид асарлар ташкил этади. У тиббиётнинг назарий ва амалий масалаларига бағишлаб ўзбекча «Тарик ул-илож» («Даволаш усули»), арабча «Қонун ул-илож» («Даволаш қонуни»), «Мужарработи Махмудий» («Махмуд тажрибалари»), «Маъдан ул-адвия» («Дори-дармонлар манбаи»), «Мунаввар ул-абсор» («Кўзлар равшанлиги»), «Ташриҳ ул-инсон» («Одам анатомияси») каби асарлар ёзган. Бундан ташқари, у Кўкон хонлари, араб халифалари, турк султонлари ва Эрон шоҳлари ҳақида ҳикоя қилувчи ўзбекча «Хуллас ут-таворих» («Тарихлар сараси»), ер ўлчаш ва таноб илмига оид «Ғаният ул-мисохат» рисоласини битган. Олим ўзбек ва араб тиллари морфологиясига доир «Тасриф ул-атфол», «Изоҳ ус-сарф» дарсликларини ҳам тасниф этган.

Махмуд Хаким Яйфоний «Хакимий» тахаллуси билан ёзган шеърларини жамлаб, «Девони Хакимий» тузган. Улуғ олим Абу Али ибн Сино ҳақида «Қиссаи Абу Али ибн Синои туркий» номли насрий асарини ва «Мажмуъ ул-ҳикоеъти ноёби туркий» деб аталувчи ўзбекча ҳикоялар тўпламини ҳам ёзган.

Ўз умрини илм-маърифат, ижод ва халқ саломатлигига бағишлаган ҳозик табиб, олим, маърифатпарвар шоир Маҳмуд Ҳаким Яйфоний 1930 йили 80 ёшида ўз қишлоғида вафот этган.

Маҳмуд Ҳаким ўзининг муаррихлик салоҳиятини «Хуллас ут-таворих» асарида намоён қилган. Бу асарнинг дастлабки кичикроқ ҳажмдаги нусхаси Қўқонда Шумаков босмаҳонасида нашр этилган. Асарнинг бош қисми «Тарихи салотини Фарғона» («Фарғона султонлари тарихи») сарлавҳаси остида Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий асос солган «Кенгаш» журналининг 3 ва 4-сонларида босилган.

Асарнинг ноёб қўлёзма нусхаларидан бири Қўқон Адабиёт музейи хазинасида 70(1440) инвентарь рақами остида сақланмоқда. Бу нусха муаллифнинг дастхати билан кўчирилган. Нусха юпка Қўқон қоғозига қора сиёҳ билан настаълиқ хатида, сарлавҳалар эса қизил сиёҳда битилган. Нусханинг биринчи саҳифаси юқори ва қуйи тарафларида муаллифнинг шахсий муҳри («Маҳмуд ибни мулло Шодимуҳаммад») босилган. Саҳифалар рақамланган. Мазкур ноёб нусханинг 89а варағида асар 1925 йилда ёзиб тугалланганлигига ишора бор. «Хуллас ут-таворих»нинг дастхат нусхаси тошбосма нусхасига қараганда икки барабар қатта, у 181 бетдан иборат. Мазкур нусха Маҳмуд Ҳакимнинг «Девони Ҳакимий», «Тарик ул-илож», «Мужарработи Маҳмудий» асарлари билан битта мукова ичига олинган.

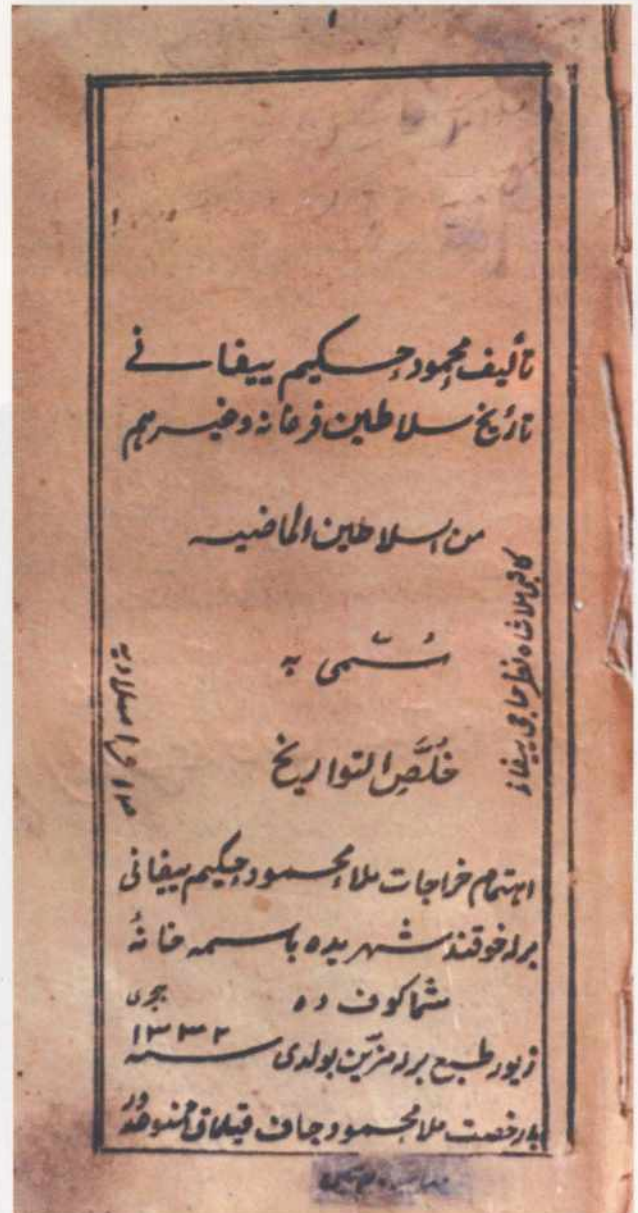
Маҳмуд Ҳакимнинг «Хуллас ут-таворих» китобининг яратилишига Фирдавсийнинг «Шоҳнома», Шарафиддин Али Яздийнинг «Зафарнома», Муҳаммад Ҳакимхон тўранинг «Мунтахаб ут-таворих», Ниёзмухаммад Ашурмуҳаммад ўғли Хўқандийнинг «Тарихи Шохрухий» асарлари ҳамда ўзи гувоҳ бўлган воқеа-ҳодисалар асос бўлган. Муаллиф ўз асарида аввалги тарихчилар келтирган кўплаб форсча шеър-таърихларнинг ўзбекча таржимасини берган.

Асарнинг бошланишида муаллиф олдин ўтган муаррихлар сингари Фарғона музофоти ҳукмронларининг насаб жиҳатидан Бобур Мирзога бориб тақалишини таъкидлайди ва Қўқон хони Худоёрхоннинг шажарасини баён қилади. Маҳмуд Ҳаким хонлик тарихини афсонавий «Олтин Бешик» воқеасидан бошлаб ёзган. Олтин Бешикдан Қўқоннинг дастлабки ҳукмдори бўлмиш Шохруххон давригача орадан 210 йил ўтади. Бу даврдаги энг муҳим воқеа сифатида мазкур хон қароргоҳининг Тарғовадан Тефақўрғонга кўчирилиб, у ерда қаср барпо қилинганлиги тилга олинади. «Алқисса, бир неча кун осойиш айлаб, ҳамма арқони давлат ва аъёни салтанат жамъ бўлиб, маслаҳат қилдиларки, бу давлати олий бешаҳр ва беёрда ва беарқ бўлмас деб, мавзеъи Тефақўрғонки, алҳол Чимилдик Азиз дерлар, бул жойга шаҳар тартиб айлаб, муддати икки йилда бино бўлди. Бас, қасри олийни Тарғовадан Тефақўрғонга нақл қилдилар». Кейинчалик, Абдулқаримхон даврида бу жой торлик қилгани учун ўрда ва арқ қайтадан қурилган. Муаллифнинг ёзишича, «Эски ўрда» номини олган бу саройнинг жойлашган ери асар ёзилаётган пайтда бозор ва «Мадрасаи олий» ўртасида бўлган. Абдулқаримхон шаҳар атрофини баланд қалъа билан ўраб, Исфара, Марғилон, Катағон, Тошкандиён ва Ҳайдарбек дарвозаларини қурдирган. «Хуллас ут-таворих»да келтирилишича, Норбўтаҳон замонида шаҳарда «Мадрасаи Мир», «Мадрасаи Пирмуҳаммад Ясаул», «Мадрасаи Ирисқулибек», «Мадрасаи Хонхўжа», «Мадрасаи Бузургхўжа» бинолари барпо этилган.

Асарда Олимхоннинг ҳукмронлик даври кенг ёритилади. Маҳмуд Ҳаким Олимхоннинг эшон ва

MAKHMUD KHAKIM YAFONIY «KHULLAS UT-TAVORIKH»

Makhmud Khakim Yafoniy had been formed as a scientist and poet and enlightener under the influence of Kokand literature atmosphere in the second half of the 19th century. He was born in 1850 in Pasti Kurik village of Ferghana region, in the family of Shodimukhammad ibn mullo Badalbai. Having received the elementary education, he continued his studies in Madrassah Khan in Kokand, where he studied works of the greatest Eastern poets like Firdawsi, Saadi, Khafiza, Djami, Navoi, Fuzuli, Bedil, and also his contemporaries - Mukimiy, Furkat, Zavki, Mukhsini. In his youth he took a great interest in medicine, and under the direction of Bokiykhan he learnt works of Ar-Rosi, ibn Sino, Mukhammad Yusuf and others. Later he became a famous doctor. But his main activities were concerned with science and creative work. He wrote a number of books on medicine

Умархана, как самого добродетельного правителя. Махмуд Хаким утверждает, что при Амуре Умархане многие налоги были приведены в соответствие с шариатом—исламским законодательством.

Мухаммад Алихан правил кокандским ханством 21 год. Он был казнен Бухарским эмиром Насрулло после завоевания им кокандского ханства. Причиной поражения Мухаммада Алихана стало предательство его военоначальников.

В книге также описаны периоды правления Шералихана, Маллахана, Шахмурадхана, Султан Саидхана. Более подробно автор останавливается на последних годах правления Худаярхана. В главах о восстании Булатхана и захвате российским войском Туркестана описано множество интересных событий, поскольку сам автор являлся участником этой войны. Он рассказывает как русские солдаты безжалостно сжигали города и селения, как залпы пушек и гром артиллерии потрясали окрестности и ужас воцарялся среди людей.

Интересное мнение высказывает автор относительно движения названного советской историографией "басмачеством". Вот что он пишет: "В те же годы в вилаятах стало процветать воровство, по ночам крали имущество людей. Чтобы ликвидировать это явление, из кишлака Бачкир был прислан человек по имени Эргашбай и назначен курбаши ..." (стр. 73а-б). Автор также открыто описывает завоевание Коканда красноармейцами с целью уничтожения "басмачей". По свидетельству автора, только в городе Коканде в те годы было уничтожено более 200 мечетей. Несмотря на то, что в 1923 году и наступило относительное спокойствие, народ пребывал в несчастье и нищете.

Книга Махмуда Хакима "Хуллас уг-Таворих", хранящаяся в кокандском музее, является ценным источником по изучению подлинной истории Коканда, особенно конца XIX – начала XX столетий.

сўфийларни имтиҳон қилганлиги тафсилотларини баён қилар экан, замонасидаги баъзи эшон ва сўфийларга бўлган танқидий муносабатини ҳам яширмайди. Жумладан, у бундай деб ёзади: «Олимхон бинни Норбўтахон... агар шайхларики, фири комилни хизматини айлаб камолот ҳосил қилган ва одоби тамом бирла сайри сулук қилган бўлса, андоғ эшон ва шайхларга сарупо бериб, шафқати султониийдан сарафроз айлаб, иззат ва ҳурмат билан анга рухсат берур эрди. Ва баъзи эшон ва сўфийларки, ўзлари ҳам гумроҳ ва халқни ҳам гумроҳ қиладургон бўлса, шул замонани баъзи эшонларидек, муддаолари иззат ва обрў ва дунё ҳосил қилмоқ бўлса, андоғ гумроҳ ва бекоида ва мубтадиё эшон, сўфийларни сиёсати султоний ва таъзиби қаҳрамоний бирла анга азоб ва одоб берур эрди».

Муаррих Амир Умархон хонлик даврининг энг муҳим воқеаларинигина қайд этиб, ихчам ҳолатда беришга ҳаракат қилади. Бошқа тарихчилар сингари Махмуд Хаким ҳам Амир Умархонни «жаннатмакон» сифати билан улуғлайди. Унинг ёзишича, Умархон даврида хирож, таноб, тарака каби солиқлар шариатта мувофиқлаштирилган.

Мухаммад Алихоннинг 21 йил давом этган ҳукмронлик даври воқеалари асарда саккиз варақни эгаллайди. Маълумки, 1842 йилнинг Наврўзида Бухоро амири Насруллох жуда катта кўшин билан Қўқонни ишғол қилди. Махмуд Хаким ўша давр фожиасини асарда қуйидагича ифодалаган: «Амомони мангитларнинг кўплигидан Мухаммад Алихонга ваҳм ва хавф ва ҳарос пайдо бўлиб, қочиб шаҳардан чикди. Бас, амири Бухорои афюнхўр ҳаёлотийки ва ул золими тарёххўр... Мухаммад Алихоннинг онаси Моҳларойим ва неча мастура ва жамила авратлари бегуноҳ ўлдирди. Кейин аломони мангитларга буюриб шаҳарни чунон торож ва горат қилдики, масжид ва мадрасаларда бўрё ҳам қолмади...». Мухаммад Алихоннинг қатл этилиши воқеаси

куйдагича баён қилинади: «Аммо Муҳаммад Алихонни бир хароми, модар ба хато Маҳмудхўжа номлик кўрнамек Ёрмозорнинг ҳокими эди, ул бадбахт валади зино Муҳаммад Алихонни Кўртефадан ушлаб, амири Бухорога келтириб берди. Бас, Шаҳрисабзни ҳокими шафоати бирла Муҳаммад Алихонга омон бериб, ўшал Шаҳрисабзни ҳокимига бағишлаб, анга топшургон эрди. Кейин Муҳаммад Шариф оталикни далолати бирла махфий ўлдирди. Ва қанча бегуноҳларни ҳам ул ит Муҳаммад Шариф ишорати бирла ўлдирди».

Асарда ёзилишича, Муҳаммад Алихоннинг бир қанча саркардалари хонга сотқинлик қилиб, яширинча мактуб ёзиб, Бухоро амири Насруллоҳхонни Кўқонни забт этишга чорлаган эдилар. Бу хонлар оқибат қандай ҳолга тушганликларини Маҳмуд Ҳаким шундай изоҳлайди: «Ва Муҳаммад Алихонга муҳолиф бўлуб, амири Бухорога хат юборган кўрнамек саркардаларга нажосат ҳам тегмади. Ҳаммалари кунжи гумонликда йўқ бўлдилар».

Муаррих Кўқон хонлигида ҳукмронлик қилган Шералихон, Маллахон, Шохмуродхон, Султон Саидхонлар тўғрисида ҳам маълумот берган. Худоёрхон ҳукмдорлик қилган давр воқеаларига эса асарда нисбатан кўпроқ тўхталиб ўтилади. Асарнинг Худоёрхон ҳукмронлик даврининг охири йилларида рўй берган воқеа-ҳодисалар, Пўлатхон кўзғолони, Туркистоннинг чор Россияси қўшинлари томонидан босиб олинishi акс эттирилган саҳифалари кизиқарли ва фактларга бойдир.

Диққатга сазовор жойи шундаки, чоризм аскарларига қарши урушда муаллифнинг шахсан ўзи ҳам иштирок этгани қайд этилган.

Асарнинг «Фулодхон» бобида Маҳмуд Ҳаким босқинчи рус аскарларининг Балиқчи ва Андижондаги хунрезликларини бундай ёзади: «...Ва аскарлари Русия Балиқчинини куйдуруб, андин неча кишлокларни ҳам куйдуруб ва горат айлаб, ул ердин Орзуқулибек номли одам далолати бирла Андижонга келиб, Култефа тарафидин Андижонга чунон ўт кўюб юбордики, тамоми дўкон ва сарой, бозор ва масжид ва мадраса ва неча маҳалла ва ҳовли ва қанча одам ва мол ва ҳайвон ва матоълар тамом куюб хокистар бўлиб қолди... Ва фиғону дод-вой ва нолаю дилсўзлар боми фалакул-ахзарга феч урди. Ложарам лашқари Русия Андижонни чунон шиканжа ва тасхирга олдики, занбурак ва милтиқларни овоз ва шуълаи оташларидан зовиянишинлари Андижон кунжи гумномликда йўқ бўлдилар. Ҳар ким ўз ахволи бирла овора бўлуб, соҳили нажотни истар эрди».

Асарнинг яна бир муҳим жиҳати шундаки, унда шўро тарихчилари кейинчалик «босмачилик» деб атаган ҳаракат ва қизил қўшин аскарлари бу ҳаракатни тугатиш баҳонасида Кўқонни қандай вайрон қилганликлари ҳақида ҳам очик ёзилган: «Охирулам аскарлари Русия яқбора ҳужум айлаб, бозор ва сарой ва дўконлар ва неча жойларга ўт кўюб ва одамларни тирборонга олдиларки, кўп одамлар ўлуб ва ҳамма бозор ва сарой ва дўкон ва кўп жойлар тамом девор бирла куюб хокистар бўлди...». Муаррихнинг гувоҳлик беришича, ўша йиллари Кўқон шаҳрида икки юздан зиёд масжиддан ному нишон қолмаган. Маҳмуд Ҳаким, гарчи 1341 хижрий (1923 милодий) йилга келиб юрт бир оз тинчганлигини қайд этса-да, аҳли ислом таназзул ва идбор(бахтсизлик)га юз тутганлигидан ўксинади.

Хулоса қилиб айтганда, Маҳмуд Ҳаким Яйфонининг «Хуллас ут-таворих» асарининг дастхат нусхаси Кўқон тарихини ёритишда муҳим манба бўлиб, уни жиддий илмий тадқиқ қилиш эса тарихий ҳақиқатни тиклашда яхши самаралар бериши аниқ.

and pharmacology in Uzbek and Arabic languages, issued textbooks on Uzbek and Arabic morphology and conducted research on land tenure. Also he issued a number of poetical collection under the name of Khakimiy. In 1930 a talented doctor, poet and enlightener died in his native village. The most important work is the History of Kokand, Arabic Caliphs and Turk Sultans, which are composed in his book «Khullas ut-Tavorikh» (Selected fragments from history).

First part of the book «The History of Ferghana Sultans» was published in the 3rd and 4th numbers of «Kengash» (Council) magazine. «Kengash» was founded by Khamza Khakim zade Niyazi. The work was fully completed and published in 1925 and the original manuscript, preserving personal stamp of the author, is now kept in the Kokand literature museum under the inventory number 70 (1440).

The author describes the family tree of Khudayar Khan, asserting that the family tree of Ferghana governors goes back to Babur Mirzo. He also illustrates the time of Alimkhan's governance. The author marks that the governor was exigent to clergy, (ishan and sufi), because in their hands there was religion but also education, moral and public opinion.

As for the period of Amir Umarkhan, the author shortly tries to repel the most important events. Like other historians, he does praise Amir Umarkhan, representing him as the most virtuous governor. Makhmud Khakim asserts that during Amir Khan many taxes were shaped in accordance with Islamic Law - Shariat.

Mukhammad Ali Khan governed in Kokand Khanate for 21 years. The Emir of Bukhara Nasrullo put him to death, immediately after having conquered the khanate. The reason of Muhammad Alikhan's defeat was the treachery of his military leaders.

There are also descriptions of governance of Sheralikhan, Mallakhan, Shakhmuradkhan Sultan Saidkhan in the book. The author pays a special attention to the time of Khudayarkhan's governance and describes it in detail. A special chapter is devoted to Bulatkhan's revolt and to Turkistan invasion by the Russian army. The author himself was participating in this war and, therefore, there were many events to get to know. He describes how Russian soldiers were cruelly burning cities and villages. Cannon salvo and artillery thunder shook the vicinity and the horror reigned among people.

The author utters an interesting opinion towards the movement «Bashmachevstvo» (road robbery). The name was maintained by soviet historiography. So he says the following: «That years theft was flourished, during the nights they were stealing the property of people. In order to liquidate this phenomenon, Ergashbay was sent from village (kishlak) Bachkir and was appointed as kurbashi (military head)» (p. 73 a-b). The author also discloses enslavement of Kokand by the red army men in the purpose of crushing robbers (basmachs). The author testified that 200 mosques were destroyed in those years in Kokand. And although in 1923 there was a relative tranquillity, people remained to live in disaster and slavery. The book of Makhmud Khakim «Khullas ut-Tavorikh», stored in Kokand museum, is a valuable source for the study of original history of Kokand, especially at the end of the 19th - beginning of the 20th century.

ТЕМУРИЙ ШАҲЗОДА БОЙСУНГУР МИРЗО

ПРИНЦ ТИМУРИД БОЙСУНГУР МИРЗО

М. МАМАЖОНОВА

Большое влияние на развитие культуры при тимуридах оказали отдельные представители этой династии. При изучении истории эпохи тимуридов особое внимание уделяется личности великого ученого Мирзо Улугбека. Между тем у его отца – Шохруха Мирзо – был еще один сын – султан Бойсунгур Мирзо, который, как свидетельствуют источники, значительно способствовал развитию наук, литературы, просвещения и культуры. Однако личность его изучена пока недостаточно.

Бойсунгур Мирзо родился в 1397 году и в 1414-1416 годы был наместником областей Мазандаран, Астрабад и Журжан. Известно, что в эти годы он собирал при своем дворце просвещенных людей, ученых и поэтов, устраивая различные мероприятия. Он не только покровительствовал им, но и сам писал стихи. Благодаря его стараниям в этот период каллиграфами было подготовлено около сорока экземпляров знаменитого произведения Фирдавыса "Шахнаме" и переписано с "Предисловием" к нему Бойсунгура Мирзо.

Бойсунгур Мирзо прославился своим необыкновенным умом, образованностью и любовью к литературе. Абдураззак Самаркандий в своей книге "Маталан саъдайн ва мажмаи бахрайин" пишет: "Мирзо Бойсунгур так направлял творчество людей искусства и художественного ремесла, что они становились уникальными и единственными в своей области".

Пользуясь терминологией этого историка, Бойсунгура Мирзо можно назвать жемчужиной в короне империи, принцем с поэтической душой, отважным и непобедимым воином. Его отец Шохрух Мирзо бесконечно благодарил Аллаха, даровавшего ему такого благородного, смелого и одаренного сына. Вот почему он доверил юному принцу правление землями Туса, Машхада, Абиварда, Жармагона, Хабушона, Нисо и Джурджона.

О бесстрашии и богатырской силе принца Абдураззак Самаркандий писал следующие: "Если Бойсунгур Мирзо возносил меч над противником, то рубил его до пояса; если пронзал копьем грудь, то насквозь; его стрелы приводжали пехотинца к земле, а кавалериста к седлу; под ударом его камне-режущего кинжала воин вместе с кольчужой распадался на две части, подобно разрезанному огурцу".

Говоря о его пристрастии к литературе, историк Давлатшоҳ Самаркандий писал, что Мирзо Улугбек, Бойсунгур Мирзо и Ибрагим Султан часами обсуждали и построчно сравнивали "Хамса" Амира Хусрава Дехлавий (1253-1325) и Низамиддина Ганджавий (1141-1209). Они постоянно переписывались по вопросам литературы. Если Мирзо Улугбек был большим поклонником Низами Ганджавий, то Бойсунгур Мирзо восхищался поэзией Хусрава Дехлавий. По этому поводу между братьями постоянно велись жаркие споры. Как истинный знаток изящного искусства и литературы, Бойсунгур Мирзо был, несомненно, знаменит среди своих современников.

Когда в знак доверия сыну, Шохрух Мирзо назначил Бойсунгура Мирзо визирем, тот вскоре снижал уважение народа как мудрый правитель. Помимо административного управления страной, он решал финансовые проблемы, положив конец самоуправству некоторых крупных чиновников, уделял особое внимание литературе, изобразительному искусству, книжному делу и другим сферам культуры. Следует отметить тот факт, что когда Шохрух Мирзо отправлял в Китай послов от имени государства тимуридов, то Бойсунгур Мирзо включил в их состав личных представителей – Султана Ахмада и Гиясиддина Наккоша. Задачей Гиясиддина Наккоша было изучить культурную жизнь Китая, в частности, исторические и культурные памятники столицы Китая Хонбалика (Пекина) и написать дневник. Сегодня этот "Дневник" является ценным и наиболее полным источником о Китае тех времен.

К сожалению, 20 декабря 1433 года великий воин и ценитель прекрасного, принц Бойсунгур Мирзо в цветущем возрасте 38 лет покинул мир. Убитый горем Шохрух Мирзо тут же приехал в Боги Сафид и проводил сына в последний путь со всеми почестями. Принц был похоронен в медресе Гавхаршодбегим города Хирата.

Эпоха тимуридов знаменует на Востоке период ренессанса и личность Бойсунгура Мирзо занимает в нем особое место. Книжное искусство, начало расцвета которого было положено при его правлении, став традиционным, сыграло решающую роль в развитии науки и культуры в Хирате во времена Аlishера Навои. В истории мирового искусства принц считается основателем знаменитой Хиратской школы изобразительного искусства.

Ўлкамиз тарихини, халқимизнинг сийёсий, ижтимоий-иқтисодий ва маданий ҳаётини ўрганишда ёзма мерос муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Маълумки, темурийлар даври маданий ривожига сулоланинг қатор намоёндалари юксак хизмат кўрсатганлар. Чунончи, темурийлар даври ўрганилаётганда асосан машҳур олим Мирзо Улугбек шахсиятига кенг ўрин берилади. Ваҳоланки, тарихий манбаларда Шохрух Мирзонинг яна бир ўғли – Султон Бойсунгур Мирзо тарих, адабиёт, маърифат ва маданий ривожига алоҳида эътибор берганлиги баён этилган. Лекин Бойсунгур Мирзо ҳаёти ва фаолияти фанда етарлича ўрганилган эмас.

Бойсунгур Мирзо 1397 йилда таваллуд топиб, 1414–1416 йилларда Мозандарон, Астробод ва Журжон вилоятларига ҳукмдорлик қилган. Айнан шу даврда шахзода саройга олим, фузало ва шоирларни йиғиб, анжуманлар ўтказиб турган ҳамда ўзи ҳам газаллар битган. Унинг сабъ-ҳаракати билан ҳаттотлар томонидан Фирдавсийнинг машҳур «Шоҳнома» асарининг қиркка яқин нусхаси қийсий ўрганилган. Сўнгра Бойсунгур Мирзо ёзган «Муқаддима» илова қилиниб, мукаммал матн сифатида кўчирилган.

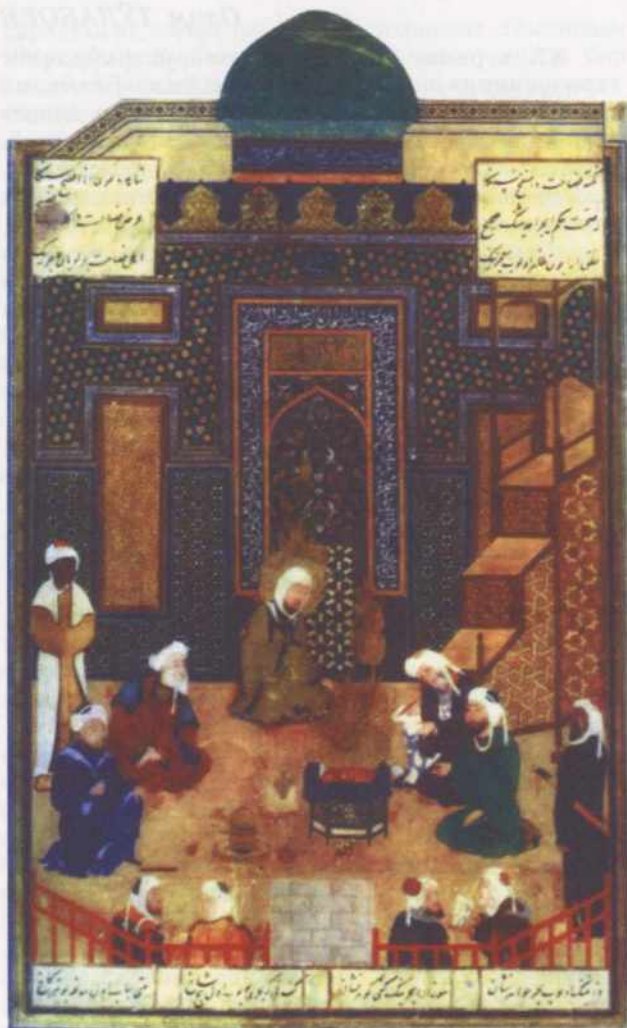
Бойсунгур Мирзо ўз ақл-заковати, маърифатпарварлиги, айниқса, адабиётга бўлган қизиқиши билан қатта шухрат қозонган. Унинг маданият ва санъат ҳомийси сифатида кўрсатган жонбозлиги ҳақида Абдураззоқ Самаркандий ўзининг «Матлан саъдайн ва мажмаи бахрайин» асарида шундай ёзади: «Мирзо Бойсунгур хунармандлар ва санъат аҳлларини шундай тарбият қилдики, уларнинг ҳар бири замон яқтоси ва даврон яғонаси бўлиб етишдилар. У Мавлоно Ҳаттотий Бағлодийнинг шогирди мавлоно Шамсуддин ал-Хиравийни яхши тарбият билан шу даражага етказдики, у ўзининг хатларидан аксарини «Қиблат ул-қутуб» – «Қотиблар қибласи» Ёқут ал-Мустасимий номи билан ёзди ва жаҳон зийраклари уларни Ёқутнинг хати деб қабул қилдилар, шунингдек, Мавлоно Жаъфар Табризий ҳам турли хил хат услублари, айниқса, настаълиқ хатини ёзишда иккинчи хожа Мир Али эди».

Ушбу тарихчининг иборалари билан айтганда, Бойсунгур Мирзо салтанат тожининг қимматбаҳо дури, нозиктаъб шахзодаси, баҳодир ва мард жангчиси ҳам эди. Шохрух Мирзонинг ўзи ҳам Бойсунгур Мирзодек мард, шижоатли ва қобилиятли фарзанд ато этганлиги учун Оллоҳга шукроналар айтади. Шунинг учун ҳам Тус, Машҳад, Абивард, Жармагон, Хабушон, Нисо ва Журжонга тегишли барча ерларни идора этишни унга топширади.

Шаҳзоданинг баҳодирлиги хусусида Абдураззоқ Самаркандий қуйидагича ёзади: «Мирзо Бойсунгур ҳар бир сарафрознинг бошига тиг урса, белгича ёриб туширар, ҳар бир гарданкашнинг сийнасига найза етказса, орқасидан тешиб чиқар, гоҳо дилни яраловчи ўқ захми билан пиёдани ергаю отлички эгарга ёпиштирар, гоҳо эса тошни тешувчи ханжар дами билан зирхпўшу сипардорни худди бодрингдек икки палла қилиб кесар эди».

Тарихчи Давлатшоҳ Самаркандийнинг баён этишича, Мирзо Улугбек, Бойсунгур Мирзо ва Иброҳим Султонлар Амир Хусрав Дехлавий (1253–1325) ва Низомий Ганджавийнинг (1141–1209) «Хамса»-сини мисрама-мисра солиштириб, уларнинг маҳоратларини исботлаш учун соатлаб суҳбатлашган, баҳслашганлар. Улар ўртасида адабиёт масалалари бўйича доимий ёзишмалар олиб борилган. Мирзо Улугбек форс шоири Низомий Ганджавий шеърларига ихлоси кучли бўлса, Бойсунгур Мирзо хинд шоири Хусрав Дехлавий назмига муҳаббат қўйган. Мана шу борада ака-ука ўртасида кизгин баҳслар бўлиб турган. Нафис санъат ва адабиёт билимдони сифатида Бойсунгур Мирзо ўз замондошлари орасида муайян шон-шухратга эга эди.

Шохрух Мирзо ўғлига ишонч билдириб, уни вазиралик лавозимига тайинлаган вақтларидоқ, Бойсунгур Мирзо доно давлат арбоби сифатида обрў қозонди. У маъмурий ҳукмдор

бўлибгина қолмай, балки молиявий масалаларда ҳам тартиб ўрнатиб, бир қатор йирик амалдорларнинг ўзбошимчаликларига чек қўйди. Адабиёт, тасвирий санъат, китобат ва маданият соҳаларига алоҳида эътибор қаратди. Шунинг алоҳида таъкидлаш лозимки, Шохрух Мирзо теурийлар давлати номидан Хитойга юборган элчилар сафига Бойсунгур Мирзо ўз номидан Султон Аҳмад ва Фиёсиддин Наққошларни ҳам қўшади. Фиёсиддин Наққошнинг вазифаси Хитой ижодий ҳаёти, хусусан, пойтахт Хонбалиқ (Пекин)нинг диққатга сазовор маданий, тарихий ёдгорликларини яқиндан ўрганиш ва қундалиқ ёзишдан иборат бўлган. «Қундалиқ» ушбу мамлакат ҳақида тузилган муфассал манбадир.

Афсуски, гўзаллик шайдоси бўлган шахзода 1433 йил 20 декабрь куни навқирон 38 ёшида ҳаётдан кўз юмди. Бундан каттиқ қайғуга ботган Шохрух Мирзо зудлик билан Боғи Сафидга етиб келади ва фарзандини юксак эҳтиром билан дафн этади. Шахзаданинг жасди Гавхаршод ого мадрасасига қўйилади. Дафн маросимининг эртаси куни шох фарзандининг руҳига бағишлаб Куръон тиловат қилади. Мамлакатнинг кўзга кўринган моҳир шоирлари унга атаб марсиялар битадилар.

Хуллас, шарқда ўзига хос Уйғониш даври ҳисобланган теурийлар даври маданияти тарихида Бойсунгур Мирзо шахси алоҳида ўрин эгаллайди. Унинг фаолияти асосида ташкил топган китобат санъати анъанавий тус олиб, Алишер Навоий замонасида Хиротдаги фан ва маданиятнинг ривожиди муҳим аҳамият касб этди.

PRINCE TIMURID BAISUNGUR MIRZO

The great representatives of this dynasty influenced the cultural development in the time of Timurids. A great attention is given to the personality of Mirzo Ulugbek, a great scientist. Meanwhile Shokhrukh Mirzo had another son – sultan Baisungur Mirzo, who assisted in the development of science, literature, education and culture as it is said in the sources. However his personality had never been a subject of learning.

Boisungur Mirzo was born in 1397. In 1414-1416 he was a deputy of Mazandaran, Astabad and Juran areas. It's known that in those years he gathered well-educated people, scientists and poets at his court to hold different activities. He protected them and also wrote his own verses. Thanks to his efforts, more than forty copies of a well known composition by Firdavsi- "Shakhnama" together with Boisungur's Mirzo "Preface" were prepared and rewritten by penmen of that time.

Boisungur Mirzo became famous for his quick mind, education and keenness on literature. Abdurazzak Samarkandskiy writes in his book "Mata'li sa'din va majmai bakhrain": "Mirzo Boisungur directed creative work of art and craft people in the manner that they became unique in their sphere".

Using the terminology of this historian Boisungur Mirzo can be called a pearl in the empire's crown, prince with the poetic soul, brave and unconquerable warrior. His father Shokhrukh Mirzo constantly thanked Allah for such a noble, brave and gifted son. That's why he entrusted him to govern the lands of Tus, Mashkhad, Abivard, Jarmagon, Khabushon, Niso and Jurjon.

Abdurazzak Samarkandskiy wrote the following about the prince's courage and athletic strength: "If Mirzo Boisungur raised the sword under the enemy then cut him to the waist; if ran through his chest with the lance then throughout; his arrows rooted the infantryman to the ground and the cavalrman to the saddle; under the thrust of his stone-cutting dagger a warrior with a chain amour came apart, as a slitted cucumber".

Speaking about his predilection for literature historian Davlatkhash Samarkandskiy wrote, that Mirzo Ulugbek, Baisungur Mirzo and Ibragim Sultan spent hours discussing and comparing "Pyateristas" by Amir Khisrav Dekhlaviy (1253-1325) and Nizamiddin Ganjaviy (1141-1209) line by line. They constantly corresponded with each other on literature. If Mirzo Ulugbek was a great admirer of Nizami Ganjaviy, then Baisungur Mirzo admired Khisrav Dekhlaviy's poetry. On the occasion of this heated arguments were constantly held between two brothers. As a true expert on a fine art and literature Baisungur Mirzo was undoubtedly famous among his contemporaries.

When Shokhrukh Mirzo appointed Boisungur Mirzo a visier in confidence to his son, the last conciliated as a wise ruler. Besides administrative government, he regulated financial problems, having put an end to the arbitrariness of some officials, payed a particular attention to the fine art, book production and some other spheres of culture. It's necessary to mention that when Shokhrukh Mirzo sent ambassadors to China on behalf of Timurids' state, Boisungur Mirzo included Sultan Akhmad and Giyasiddin Nakkosh in the delegation on behalf of himself. Giyasiddin Nakkosh's task was to study the cultural life of China, historical and cultural monuments of China's capital Khonbaliq (Peking) in particular, and write a diary. Today this "Diary" is one of the most full sources about China of those times. Unfortunately, on the 20th of December 1433 the prince being 38 years old, in the full bloom of youth, the expert of the beauty left this world. Broken-hearted Shokhrukh Mirzo immediately came to Bogi Safid and saw his son off to his last journey with all honours. The prince was buried in Gavkharshodbegim madrasah.

Timurid's epoch is considered to be a peculiar Renaissance period in the east and Boisungur's Mirzo personality occupies a special place there.

Book production, which began during his reign, became popular and played an important role in the development of science and culture in Gerat in Alisher Navoi's times. In the world art history the prince is considered a founder of a famous fine art school in Great.

БЕХБУДИЙ ВА КАМИЙ

Олим ТЎЛАБОЕВ

Бехбудий Махмудхўжа (1875–1919) – драматург, публицист, дин ва жамоат арбоби, жадидчилик ҳаракати етакчиларидан бири.

Махмудхўжа Бехбудий (1875–1919) – драматург, публицист, общественный и религиозный деятель.

Makhmudkhujayev Bekhbudiy (1875-1919) - drama writer, publicist, public and religious activist.

БЕХБУДИЙ И КАМИЙ

Махмуд Бехбудий – страстный пропагандист идей просветительства в Туркестане – погиб в начале XX века от рук противников прогресса. В Самарканде он открыл школы, библиотеки, основал газеты и журналы. Среди его единомышленников был и ташкентский поэт Камий.

Их сотрудничество началось после одной из статей Бехбудий в учрежденной им же газете «Самарканд», где он сетовал на то, что на огромной территории Туркестана, раскинувшейся с запада на восток от Каспия до Кашгара и с севера на юг от Казахстана до Афганистана с населением в десять миллионов человек, не нашлось и десяти, пишущих во благо нации. «Возмём хотя бы Ташкент, – писал Бехбудий. – Город, где проживают десятки тысяч мусульман, целый ряд образованных редакторов, поэтов и писателей, издается много газет и журналов, не в состоянии прислать нам хотя бы одну корреспонденцию».

На этот призыв Камий отозвался письмом, где искренне поблагодарил создателей газеты, извинился за молчание и пообещал поддержать ее статьями на интересующие их темы и стихами. Письмо его было опубликовано в одном из номеров «Самарканда» 3 сентября 1913 года. После публикации письма Камия вышли еще четыре номера, после чего газета «Самарканд» была закрыта. Однако, присланные Камием стихи увидели свет в журнале «Ойна» (Зеркало). Стихотворение «О священном писании» предворяла редакционная статья «Испорченный Коран», в которой разъяснялось, чему посвящено стихотворение, какого издателя критикует поэт и почему он призывает мусульман к бдительности. В статье речь шла о некоем издателе И.Н. Харитонове из Казани, преднамеренно напечатавшем Коран с искажениями. Книга была распространена тиражом тысяча экземпляров без указания издателя, и читатели были вынуждены использовать книгу с ошибками.

В восьмом номере журнала «Ойна» было напечатано ещё одно стихотворение поэта – образец национального просветительства. Написанное в форме мухаммас – классического жанра – оно было ответом на стихотворение сотрудника журнала Ходжи Муина, напечатанное в третьем номере. Отсюда можно заключить, что Каримбек Камий систематически читал издаваемый в Самарканде Махмудом Бехбудий журнал «Ойна». Об этом говорят и его четверостишия, напечатанные в 13-м номере журнала.

В номера журнала за 19 февраля 1914 года была напечатана газель Камия, посвященная крымскому просветителю, редактору газеты «Таржимон» (Переводчик), издаваемой в Бахчисарае, Исмаилбеку Гаспарали, которого и Бехбудий и Камий считали своим наставником.

Камий прекрасно понимал какую роль играет газета в деле просвещения и духовного становления нации, поэтому отозвавшись на письмо Бехбудий, он стал одним из новых авторов «Ойна». В свою очередь издание Бехбудий способствовало раскрытию новых граней творчества ташкентского поэта Камия.

Бехбудий и Камий вошли в историю как просветители, боровшиеся за духовное возрождение нации на заре XX века.

XX асрнинг бошида «Мозий–истиқболнинг тарозусидир», деган Махмудхўжа Бехбудий маърифатпарварлик гоъларини тарғиб этиш йўлида фидойилик қилди. Самарқандда кўплаб мактаб, кутубхоналар очиб, газета ва журналлар ташкил этди. Бехбудийнинг Туркистондаги кўп сонли маслақдошлари қаторида тошкентлик шоир Камий ҳам бор эди.

«Самарқанд» номли янги газета ташкил этган Бехбудий «Не учун илтифот этмайдурлар?» номли мақоласида, миллий газета ва журналларга, миллат хизматиға бепарво қараган туркистонлик қалам ахлидан шикоят қилади. Холбуки, «Ғарблагги баҳри Хазардан бошлаб, шарқдаги Фулжа ва Қошғаргача, шимолда Қозоғистондан бошлаб, жанубдаги Афғонистон»гача бўлган халқнинг манфаатини кўзлаб, «Туркистоннинг ўрта шеvasинда» не машаққатлар билан биргина газета таъсис этилган эди. Таассуфки, «ўн миллион халқға, миллат учун ёзгувчи ўн муҳаррир» топилмайди. Бехбудийнинг ана шу зайлда афсусланиб, арзи ҳол этганича бор эди, албатта.

Муаллиф гинахонликни Тошкентдан бошлайди. «Масалан, – деб ёзди Бехбудий, – ўн беш минг мусулмон нуфузлик ва бир даста муҳаррир, шоир ва мусаннифи бор ва бир неча жариди чиқарган Тошкент шаҳридан бир сатр бўлсун, бир нарса келгани йўқ». Айнан мана шу даъватлар тошкентлик шоир Камийни Бехбудийдан узр сўраб, «Эътизор» – узрнома ёзишга ва Самарқанд адабий муҳити билан жиддий боғланишига сабаб бўлган. Ўша узрнома куйидаги мазмунда эди: «Ғазилатли маърифатпарвар афандим! Бир неча ой бўлдимки, муҳтарам «Самарқанд» газетаси тарафингиздан баъзи аҳбобларимизга юбориб турилмоқда. Олиб, камоли эҳтиром ила мутолаа ўлуноур. Лекин бир тарафдан юмушнинг кўплиги, бошқа тарафдан хасталик сихатта тўсиқ бўлуб, газетангизни табриги менга муяссар бўлмади. Маъзур тутмоғингизни умид этаман. Альузру ўинда кироминнаси макбул (Карамли зотлар узрни қабул қилгучидирлар). «Самарқанд» газетасини табрик қиламан ва Аллоҳдан давоми ва саботини ниёз этаман. Не учун табрик ва давоми умид этилмасин, холбуки, ҳар кун оламга нур сочган ва аҳволи оламу вуқуётин (воқеаларидан) билдирган газетадур. Нуқсонимизни кўриб танбеҳ ва камолимизни кўриб табрик этгувчи газетадур. Тараққийтимизга хизмат эдан, миллатимизни нури илму маърифат ила танвир (мунаввар) ва зулмат, таассубу жаҳолатдан тахлис (халос) эдан-да газетадур. Иншооллоҳи таоло мундин сўнгра мақолалар ёзиб туришни ўзимга лозим топаман.

Шоир Камий Тошкандий».

Айрим сўзлари ҳозирги адабий тилга бироз мослаб берилётган ушбу мактуб «Самарқанд» газетасининг 1913 йил 3 сентябрь (№41) сонида эълон қилинади. Магн тағида шундай ёзув бор: «ИДОРА: Мурсалотингиз маъалмамнуният дарж ўлунуб (йобргангиз мамнуният билан чоп этилиб), илтифотларина ташаққур қилиноур».

Камий мактубидан кейин тўрт сон чиқиб, «Самарқанд» газетаси тўхтатилиди. Аммо шоирнинг ваъдага мувофиқ юбориб турган шеърлари «Ойна» журналида чоп этилган. Унда босилган Камий шеърларининг мундарижаси шоир ва «Ойна»чилар орасида яқин адабий ҳамкорлик ўрнатилганлигидан далолат беради. Масалан, 1913 йил 7 декабрь сонида чоп этилган шоирнинг «Таҳрифи каломуллоҳ хақинда»

сарлавҳали шеърдан олдин тахририят томонидан «Мухарраф Куръон» (Бузилган Куръон) номли бир мақола берилдики, бу Камий шеърини тушуниш, унинг ёзилиш сабабларини аниқлаш учун алоҳида аҳамият касб этади. Мақолада айтилишича, қозонлик И.Н.Харитонов деган бир насроний ношир Куръони Каримни атай бузиб чоп эттиради. Китобда мағбаасини кўрсатмасдан минглаб нусхада тарқатади, оқибатда мусулмонларнинг Китобни хато билан ўқишларига сабаб бўлади. Камий эса шеърда ноширға танбех беради, мусулмонларни хушёрликка чақиради.

Журналнинг 8-сонида эса шоирнинг миллий маърифий руҳдаги бир муҳаммаси босилган. Муҳаммас таспида: «Учунчи адаб «Ойна»даги шеърға тахмис. Мухтарам тошқандли шоир Камий афандинингдур», деган ёзув бор. Мазкур 3-сондаги шеър журналнинг асосий ходимларидан бири Хожи Муин қаламига мансуб ғазал эди. Бундан англашиладики, Каримбек Камий Самарқандда Маҳмудхўжа Бехбудий раҳбарлигида нашр этилган «Ойна» журналин мунтазам ўқиб, кузатиб борган. Ундаги ғазалларға тахмислар болаган, унинг руҳига мослаб шеърлар ёзиб юборган. Шулардан бири журналнинг 13-сонида босилган қуйидаги тўртликдир:

Хар кишида илму санъат бордур,
Бахту давлат ул кишига ёрдур.
Бўлса гар илму хунардан холи ул,
Икки дунёда, билингим, хордур.

Маърифат-маънавият масалалари «Ойна»нинг бош мавзуси эди, албатта. Миллий маърифатпарварлар эса, журналнинг етакчи асосий муаллиф ва муаллимлари эди. Туркистонлик зиёлилар учун қримлик Исмоилбек Гаспарали шундай мўътабар муаллимлардан бири эди. Бехбудийнинг ўзи уни «устози муаззам» дея атайди. «Ойна»да чоп этилган Гаспаралига доир асосий мақола ва шеърлар унинг вафоти (1914 йил 11 сентябрь)дан кейин ёзилган.

Лекин Камийнинг «Мўътабар «Таржимон» ва Исмоилбек Гаспринский жаноблари ҳақида» сарлавҳали ғазали адибнинг ҳаётлик чоғида ёзилиб, вафотидан етти ой аввал (1914 йил 19 февраль) эълон қилинган эди. Ғазалда «Таржимон» номи радиф сифатида такрорланиб келади. Саккиз байтнинг деярли ҳаммаси «Таржимон» газетасининг таърифу тавсифига бағишланган. Шеърни ўқиб шоирнинг Боғчасаройда чиқадиган «Таржимон» руҳиятига маънан нақадар яқин эканлигини, унинг мавзу ва мундарижаси билан батафсил таниш бўлганлигини тасаввур қилиш қийин эмас.

Умуман олганда, Камий миллатнинг маънавий-маърифий юксалишида газета катта аҳамиятга эга эканлигини чуқур англаган эди. Акс ҳолда шоир ёзган «Эътизор»ида: «Таракқиётимизга хизмат эдан, миллатимизни нури илму маърифат ила танвир (мунаввар) ва зулмат, таассубу жаҳолатдан тахлис (халос) эдан-да газетадур», демаган бўлар эди. Хуллас, Бехбудийнинг «Не учун илтифот этмайдурлар?» мақоласи ўша пайтда Камий ижодида янги саҳифалар очди, шунингдек, «Ойна» журналин ҳам янги бир муаллифга эга бўлган эди.

Бехбудий ва Камийдек маърифатпарварлар XX аср тонгида юрт истиқболи учун, миллатнинг маънавий юксалиши учун жон куйдирганлиги ҳақиқатдир. Бу воқелик бугун биз учун тарихга айланди. Аммо бу ойдин ва ибратли ўтмиш, Бехбудий таъбирича, «истикболнинг тарозусидир».

«Ойна» журналнинг титуль варағи.

Титульный лист журнала «Зеркало».

Cover page of «Mirror» Magazine.

BEKHBUDIY AND KAMIY

Makhmud Bekhbudiy was passionately promoting educational ideas in Turkestan. He was killed at the beginning of the XX-th century by his enemies. He opened schools and libraries in Samarkand, and was a founder of newspapers and magazines. Among his associates, there was a poet from Tashkent - Kamiy. The origin of their collaboration started after Bekhbudiy's article, published in a Samarkand newspaper, which was founded by Kamiy himself. In this article he complained, that in a vast territory of Turkestan, stretched from west to east, from Caspian Sea to Kashgar, from north to south, from Kazakhstan to Afghanistan, with population of ten million people, there had been found scores of people, writing for the wealth of the nation. 'Let's consider at least Tashkent' - wrote Bekhbudiy. 'It is a city which is not able to send us at least one piece of correspondence. It's a city with ten thousand of Muslims, a number of educated editors, poets and writers, where many newspapers and magazines are published'.

Kamiy appealed in a sincere way: he thanked for the organization of the newspaper, apologized for keeping silence on his behalf and promised to support him with interesting and attractive articles and poems. His letter was published in one of the Samarkand newspaper's issues, dated on September 3, 1913. After the publication of the letter, all four requested volumes had been published, and after it, the Samarkand newspaper was closed. But Kamiy's poems were published in Oyina (Mirror) magazine. The poem «Holy Scripture» was accompanied by the article, named as «Spoilt Koran». This article explained the essence and dedication of the poetry, what publication was being criticised by a poet and why he was calling all Moslems to be vigilant. The articles were about a certain publisher I. N. Kharitonov from Kazan city, who purposely published Koran with errors. The book had been distributed in one thousand copies without a publisher's name and the readers had to read the book with errors.

In the 8-th edition of Oyina there had been published one more poem of the poet - a sample of a national education. Written in a classical genre of Mukhammas, it was some kind of feedback to the poem of Khodji Muin, published in the third volume. Here, we can conclude, that Kamiy periodically read the published magazine Oyina by Moukhammad Bekhbudiy in Samarkand. His quatrains, published in the 13-th volume clearly disclosed that. Kamiy's gazelle in a newspaper, dated on February 19, 1914 and devoted to Gasparali, a Crimean educator and a publisher of Tarjimon (Translator) newspaper, published in Bakhchisaray. Gasparali was considered to be Bekhbudiy's and Kamiy's tutor.

Kamiy clearly understood the role of newspapers in the education and intellectual revival of the nation. That's why, replying to Bekhbudiy's letter, he promoted to the opening of new Kamiy's distinctions.

Bekhbudiy and Kamiy entered the history as educators, who were fighting for intellectual rebirth of the nation in the earlier XX-th century.

УЙГУРЛАР ҲАМДА БИР ҚИЛАЗАР

Гулнора ҚОСИМОВА

ИЗ ИСТОРИИ УЙГУРОВ

В числе многих народов Центральной Азии уйгуры сформировались в результате длительного этногенеза в Восточном Туркестане.

О том, что они коренные жители этого края свидетельствуют археологические и антропологические данные. Ореление «уйгур» можно встретить в исторических источниках ещё III века до нашей эры. Историческая традиция этимологии слова «уйгур» связывает с именем Александра Македонского, который столкнувшись с этим воинственным народом назвал его «Худ хур» — «Могущий отстоять себя», в последующем оно превратилось в «уйгур». Эта легенда приводится в книге Махмуда Кошгари (XI век) «Диван тюркских языков».

Древние китайские письменные источники свидетельствуют о том, что «уйгуры жили за три века до нашей эры. Начиная с VI века они признаны официально».

На протяжении длительного исторического периода уйгуры представляли собой различные общественно-политические территориальные объединения. В 713–741 годах их объединил хахан Кутлуг буйла Билка. В этот период народ состоял из девяти племен — ёглакор, утуркор, турламур, бусокор, овачиг, косор, куурсув, букдор, оёвуз. В течении 741–780 годов уйгурские ханы значительно расширили границы своего государства.

В период 850–1250 годов они населяли территорию от Алтая до Манжурии и от пустыни Гоби до Тянь-шаньских гор.

В VIII–IX веках особое развитие получили уйгурский язык и письменность.

В древних источниках содержатся также сведения по этнографии и хозяйственной деятельности уйгуров. Например, историк XI века Гардизий пишет о развитии сельского хозяйства в местах проживания уйгуров. Имеется немало сведений о народно-прикладном искусстве и культуре этого народа.

Все политические и этнические процессы средневековой Центральной Азии касались и уйгуров. Под влиянием различных факторов со второй половины XVIII века начинается процесс расселения уйгуров на других территориях. Во второй половине XIX века этот процесс принял массовой характер. Уйгуры в основном переезжали из Кашгара в Среднюю Азию, а именно — в Семиречье и Ферганскую долину.

По свидетельству Ч.Ч. Валиханова, уже в середине XIX века в Кокандском ханстве проживало около 300 тысяч уйгуров.

С годами переселившиеся в Ферганскую долину уйгуры стали ассимилироваться с местным населением, перенимая их язык, культуру, заключая смешанные браки.

Но, несмотря на всё это, уйгурам удалось сохранить свой язык, культуру, традиции и искусство.

Уйгурлар Марказий Осиёдаги бошқа кўп­лаб халқлар каби узок давом этган этно­ге­нез жараёни натижасида Шарқий Туркистон худудида шаклланди.

Археологик ва антропологик маълумотлар уйгурларни Шарқий Туркистоннинг қадимий тубжой (автохтон) халқи эканлигини кўрсатади. «Уйгур» атамаси тарихий манбаларда эрамиздан аввалги III асрда учрайди. Махмуд Кошғарийнинг (XI аср) «Девони луғотит-турк» («Туркий тиллар девони») асарида ушбу атаманинг этимологик маъносига оид қуйидаги ривоят келтирилади. Уйгурлар элига яқинлашган Искандар Зулқарнайнга тўрт минг отли қўшни қарши чиккан. Ушбу уйгур аскарларининг қалпоқлари худди лочин қанотидек бўлган. Уларнинг ўқ отишдаги маҳоратини кўриб, хайратга тушган Искандар: «Инон худ хўранд», яъни, «ўз овқатини топиб еювчи», «бировларга мухтож бўлмовчилар», деган... Ўлка эса «Худ хўр» номи билан атала бошлаган. Фонетик ўзгаришлар туфайли «худ» «уд»га алмашган ва «удхур» деб аталган. Йиллар ўтиб ушбу сўз замирида «уйгур» атамаси вужудга келган.

Марказий Осиё халқлари, жумладан, уйгурлар тарихи, ўтмиш маданияти ва хўжалик турмуши ҳақида қадимги Хитой ёзма манбаларида шундай маълумотлар келтирилади: «...улар (уйгурлар) эрамиздан уч аср аввал Хитойнинг шимолида яшовчи қадимги халқдир. VI асрдан бошлаб (уйгурлар) расмий равишда қайд этилган».

Уйгурлар ўзининг узок давом этган тарихий тараққиёти жараёнида бир неча ижтимоий-сиёсий бирлашмаларни ташкил этганлар. 713–741-йилларда уйгурларни Кутлуг буйла Билка ҳокон бошқарган. Бу даврда улар ёглакор, утуркор, турламур, бусокор, овачиг, косор, куурсув, букдор, оёвуз номи тўққиз қабиладан таркиб топган эди. Уйгур хонлари 741–780-йилларда ўзлари эгаллаб турган худудлар чегарасини анча кенгайтирганлар. Айниқса, 850–1250-йиллар мобайнида улар Олтойдан то Манжуриягача ва Гоби саҳросидан то Тянь-Шань (Тангри тоғ)гача бўлган катта худудларни ўз тасарруфига олганлар.

VIII–IX асрларда уйгур ёзуви ва тили ниҳоятда ривож топган ва кейинчалик ўзбек, қирғиз, туркман, қозок тилларининг шаклланиш жараёнига жиддий таъсир қилган.

Ўтмишда уйгурларнинг бой маданиятга эга бўлганлиги хусусида шарқшунос олим В.В.Бартольд шундай ёзди: «Кутадгу билик» достонида учрайдиган баъзи илмий атамалар мўғуллар ишлатган атамаларга ўхшаб кетади. Қорахонийлар ҳам, мўғуллар ҳам бу

атамаларни уйғурлардан қабул қилиб, ўзлаштирганларки, бунга шубҳа йўқ».

Ёзма манбаларда уйғурларнинг этномаданий хусусиятларига оид маълумотлар ҳам mavjud. Уларда уйғурлар асосан деҳқончилик ва боғдорчилик билан шуғулланганлиги таъкидланган. Масалан, XI асрга оид тарихчи Гардизийнинг «Зайн ул-ахбор» асариди бу ҳақда шундай маълумотлар учрайди: «Уйғурлар элида мевалар жуда ҳам кўп. Боғдорчилик ривож топган. Арпа, буғдой, маккажўхорининг кўплигидан қадам босиб бўлмайди. Ҳатто олма, ўрик, ноклар йўл устида сочилиб ётади. Ипакчилик ривож топган. Бу элнинг суви мўл...». Шунингдек, тарихий манбаларда уйғурларнинг санъат шайдоси бўлганликлари ҳам айтилади.

Бутун ўрта асрлар мобайнида Марказий Осиё ҳудудида кечган сиёсий воқеалар ва этник жараёнлар уйғурларга ҳам дахлдор эди. XVIII асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб уйғур халқи узоқ йиллар давомида мустақилликка эришиш учун кураш олиб борди. Айниқса, XIX асрда бу ҳаракат янги бир паллага кирди. 1824 йилда Жаҳонгирхўжа, 1862 йили Рашиддинхонхўжа ва 1864 йилда Абдурашулбек бошчилигидаги кўзғолонлар натижа бермаган бўлса-да, уйғурлар тарихида ўчмас из қолдирди.

XIX асрнинг иккинчи ярмида уйғурлар она юрларини тарк этиб, Ўрта Осиёнинг икки минтақасига – Еттисув ўлкаси ва Фарғона водийсига кўчиб ўтдилар.

Ч.Ч.Валихоновнинг гувоҳлик беришича, XIX асрнинг ўрталаридаёқ Қўқон хонлигида 300 мингга яқин уйғур яшаган. Улар кўпроқ ўзлари кўчиб келган жой номлари билан «қашғарлик», «ёркентлик» ёки «турфонлик» деб аталганлар.

Бундан ташқари, кўчиб ўтганларнинг катта қисми водий аҳолиси орасида «тоғлик» номи билан юритилган. «Тоғлик» ўз навбатида «оқтоғлик» ва «қора-тоғлик»лар гуруҳларига ажратилган. Фарғона водийсида «оқтоғлик»лар «қора-тоғлик»ларга нисбатан анча кўп бўлган. XIX аср ўрталарида Андижон, Шаҳрихон ва Қорасув яқинидаги қишлоқларда «тоғлик»ларнинг 59 минг оиласи яшаган.

Фарғона водийсига кўчиб келган уйғурларнинг асосий гуруҳлари водийнинг шимоли-шарқий ва шарқий қисмида ўтrockлашганлар. Андижон вилоятининг Избоскан (ҳозирги Пахтаобод), Андижон, Асака, Шаҳрихон, Қўрғонтепа, Жалолқудук, Хўжаобод; Қирғизистоннинг Қорасув, Аравон, Сузоқ туман қишлоқлари ҳамда Андижон, Ўш, Ўзган, Жалолобод сингари шаҳарларда уйғурлар зич яшаганлар.

Фарғона водийси ҳудудига кўчиб ўтган уйғурлар йиллар мобайнида ўзбеклар билан қоришиб кета бошладилар. Хусусан, улар маҳаллий миллатлар билан ўзаро никоҳ муносабатларига киришдилар, натижада этник аралаш оилалар кўпайди. Шунингдек, Фарғона водийсининг ўтrock аҳолиси билан уйғур аҳолиси орасидаги ўзаро муносабатлар хўжалик юритишда, деҳқончилик маҳсулотларини етиштириш, савдо-сотик муносабатларида ҳам жадал кечди. Оқибатда моддий ва маънавий маданиятда ўзаро уйғунлик юзага келди.

Хуллас, уйғурлар бошидан ўтган узоқ ва яқин кечмиш тадқиқ этилганда, бу халқ тарихида турли хунрезлик ва bosкинларга бардош бериб, ўз тили, урф-одатлари, санъати ва маданиятини сақлаб қолганлиги маълум бўлади.

FROM THE HISTORY OF UIGUR PEOPLE DEVELOPMENT

Among all people in the Central Asia, the Uigur people developed as a result of a long ethnogeny in the Eastern Turkistan.

Archeological and anthropological facts testify that they were natives of this land. The term «Uigur» is met in the historical sources of the 3rd century BC in Makhmud Kashgari's work named «Divan of Turk languages» that describes the origin of the word «Uigur», which is tied with the name of Alexander the Great, who collided with the population and called them «Khud-Khur». Khud-Khur means «capable to defend oneself», consequently the word was converted to «Uigur». The ancient Chinese sources witness the fact that Uigur people were living in the 4th century BC as a nation they were recognized commencing from the 6th century. Within a long historical period Uigur people were represented by a diverse social political and territorial states. In 713-741 Khan Kutlug Buila Bilka united them. In that period Uigur people consisted of nine tribes - yoglakor, uturkor, turlamur, busokur, ovachig, kosor, kugursuv, bukdor, oyovuz. During 741-780 Uigur Khans considerably enlarged their territory.

And later in 850-1250 they were governing from Altai to Mangiuria, from desert Gobi to Tang Shan Mountains. By VIII-IX centuries a special development was given to Uigur language and literature (written language). In ancient sources one can also find data on ethnography and economical activity of Uigur people. For example, the historian of the 11th century Gordiziy describes the evolution of the agriculture in these lands. There is a lot of information on applied arts and on culture as a whole.

In medieval all political and ethnical processes of the Central Asia influenced Uigur people as well. Under influence of different factors starting from the second half of 18th century the process of Uigurs settlement had started. In the second half of the 20th century the process of immigration became massive. Uigur people basically transferred from Kashghar to the Central Asia exactly to Semirechiye (in between 7 rivers) and Ferghana Valley.

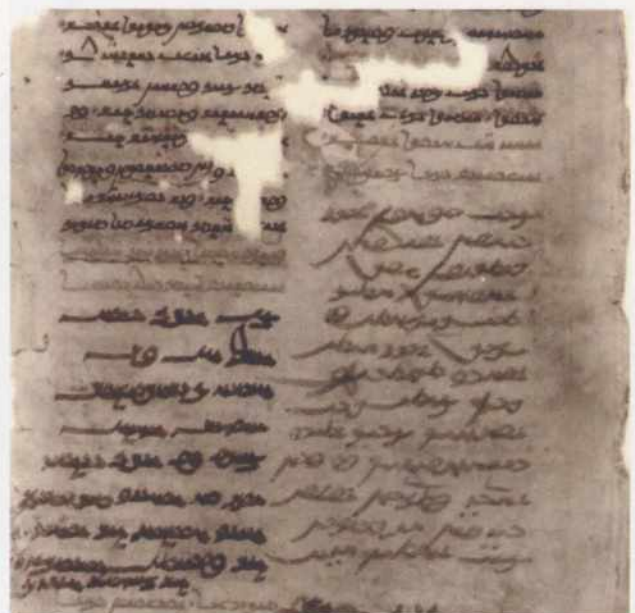
Valikhanov testimonies that already in the middle of 19-th century in Kokand Khanate there were 300 000 of Uigur people. In Ferghana Valley, for years the Uigur people had been assimilating with local population, adopting their language, culture and contracting mixed marriages.

In spite of all these facts, Uigur people succeeded in keeping their language, culture, customs, traditions and their art.

Уйғур алифбосидаги қадимий қўлёзма намунаси. VIII аср.

Фрагмент манихейской рукописи с уйгурским шрифтом. 8 век.

Fragment of the menikhey manuscript with Uygur script. 8-th century.

БҮЮК ИПАК ЙЎЛИ – ҲАЁТ ВА ТАҚДИРЛАР ДАРЁСИ ВЕЛИКИЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ – РЕКА ЖИЗНЕЙ И СУДЕБ THE GREAT SILK ROAD – THE RIVER OF LIVES AND FATES

Абдулахад ХҲЖАЕВ

Новые сведения о Махмуде Ялаваче Хорезмий (На основе китайских источников)

Махмуд Ялавач Хорезмий был видным государственным деятелем при монгольских хаканах. Некоторые сведения о нем приводятся в разных главах официальной хроники династии Юань «Юань ши». Чуть больше информации содержится в секретной летописи династии Юань (Юаньчао биши). Таким образом, китайские источники хоть и не раскрывают полностью биографию Махмуда Ялавача, но отражают его деятельность в Китае.

В «Юань ши» утверждается, что Махмуд Ялавач родился в Восточном Туркестане – городе Ёркенте. Однако в китайской энциклопедии он упоминается как хорезмский купец. Вероятно, Махмуд Ялавач родился в Ёркенте, но длительное время жил в Хорезме, либо его предки были выходцами из Хорезма.

Согласно китайских источников и другой исторической литературы, можно предположить, что Махмуд Ялавач еще до 1218 года ездил по торговым делам в Монголию и встречался с Чингизханом. Известно, что монголы не занимались торговлей и для этого привлекали туркестанцев.

По свидетельству хроники династии Юань, купцы Мавероуннахра стали проявлять интерес к глубинной Центральной Азии после того, как в 1206 году монголы во главе с Темучином – Чингизханом – создали государство, назвав его «Великое монгольское хаканство». В этот период у монголов возрос спрос на товары из Средней Азии и Индии. Чингизхан, придавая большое значение торговле, обеспечивал безопасность караванных путей и оказывал большое уважение мусульманским купцам. В Монголию ездили купцы из Бухары, Самарканды, Отрара, Ходжента. В числе их был и Махмуд Ялавач. (по-тюркски – посол)

Известно, что в 1215 году Хорезмшах Мухаммад, прослышавший от купцов про Монголию, решил послать туда караван, чтобы узнать подробнее о государстве Чингизхана. Чуть позже Хорезмшах посылает второй караван. Чингизхан с почестями принимает послов Хорезмшаха купцов Ахмада Ходжандий и Ахмада Балачи и дважды встречается с ними. Среди этой делегации Махмуда Ялавач не было. В китайских источниках говорится, что он в начале 1218 года был в Китае и уже тогда был хорошо знаком с Чингизханом. Весной того же года Махмуд Ялавач предстал перед Хорезмшахом как посол Чингизхана, привез от него письмо, ценные подарки и желание установить между Хорезмом и Монголией караванную торговлю.

Однако письмо Чингизхана не порадовало Хорезмшаха, поскольку покровительственный тон письма был призывом к подчинению – к завоеванию многих стран, великому Хорезмшаху Мухаммаду Чингизхан обращался со словами «Сын мой...». Это письмо впоследствии привело к обострению отношений между двумя странами, которое

МАХМУД ЯЛАВОЧ ХОРАЗМИЙГА ОИД ЯНГИ МАЪЛУМОТЛАР (Хитой манбалари асосида)

Махмуд Ялавоч Хоразмий катта амалдор бўлса ҳам, Юан сулоласининг расмий тарихида, жумладан, «Юан ши»да унга тегишли махсус боб ёзилган эмас. Лекин унинг амалдорлик қилган давридаги мўғул ҳоконлари ҳаёти ва фаолиятига бағишланган бобларда қисқача маълумотлар учрайди. Нисбатан кўпроқ маълумот Юан сулоласининг махфий тарихи (Юанчао биши)да келтирилади. Шу боис, Махмуд Ялавочнинг авлод-аждодлари, ҳаёти ва фаолиятига доир барча масалаларни тўлиқ ўрганишда Хитой манбалари камлик қилса-да, улар Махмуд Ялавочнинг Пекинда яшаган даврини оидинлаштирадиган ягона манба ҳисобланади.

Юан сулоласи тарихи (Юан ши)нинг «Файри авлодлар шажараси» («Сизубяо») қисмида Махмуд Ялавоч Шарқий Туркистоннинг Ёркент шаҳрида туғилганиги кўрсатилади. Аммо Хитой адабиётларида, жумладан, комусий луғатларда Махмуд Ялавоч хоразмлик савдогар, деб таърифланади. Шунга кўра, гарчи Махмуд Ялавоч Ёркентда туғилган бўлса ҳам, у кўп вақт давомида Хоразмда яшаган ёки унинг аждодлари хоразмлик бўлиши мумкин.

Тарихий манба ва адабиётларда учрайдиган Махмуд Ялавочга оид маълумотларга кўра, у 1218 йилгача ҳам савдо ишлари билан Мўғулистонга қатнаган ва Чингизхон билан таниш бўлган. Бинобарин, мўғуллар савдо ишлари билан шуғулланмаганлиги боис, Чингизхон бу соҳада туркистонликларни ёллашни маъқул кўрган. Юан сулоласи тарихида кўрсатилишича, 1206 йилда мўғуллар Тимучин (Темужэн) раҳбарлигида давлат ташкил қилиб, уни «Йеке Монгол улус» («Буюк мўғул хонлиги»), ўзини эса Чингизхон деб эълон қилганидан сўнг, мазкур салтанатни зиёрат қилувчи савдогарлар кўпайган. Чунки, айни замонда мўғуллар орасида Туркистон ҳамда Ҳиндистон молларига эҳтиёж оша бошлаган эди. Қолаверса, Чингизхон савдога катта эътибор бериб, қарвон йўлларининг бехатарлигини таъминлаган ва мусулмон савдогарларига ҳурмат кўрсатган. Бу ҳол мўғуллар орасида мусулмон савдогарларининг обрўси ошишига олиб келган эди. Шунинг учун Мўғулистонга бориб савдо қилганлар орасида Бухоро, Самарқанд, Ўтрор, Хўжанд каби шаҳарлардан келганлар кўпчиликни ташкил қилган. Улар орасида Махмуд Ялавоч ҳам бўлган.

Мавжуд маълумотларга кўра, Мўғулистонга қатнайдиغان савдогарлардан эшитилганларни аниқлаш

ва Чингизхон салтанатини батафсил билиш мақсадида 1215 йилда Хоразмшоҳ Муҳаммад Баҳовуддин Розий (Бахаудинг Лачи) бошчилигида Мўғулистонга қарвон юборган эди. Орадан кўп ўтмай Хоразмшоҳ Чингизхон ҳудудига яна бир қарвон жўнатади. Мазкур қарвонга Аҳмад Хўжандий Балчилар (хитой манбаларида Аҳмад Балачи бин Имин Хусайн) етакчилик қилди. Чингизхон Хоразмшоҳ давлатидан келганларга катта ҳурмат билдириб, улар билан икки марта учрашади. Учрашув чоғида ўзининг Хоразмшоҳ давлати билан савдо алоқаларини ривожлантириш ва ушбу давлатга қарвон юбориш истаги борлигини билдиради.

Биронта Хитой манбасида Маҳмуд Ялавочнинг Хоразмшоҳ қарвонлари таркибида Мўғулистонга борганлиги тилга олинмайди. Аммо ушбу манбаларда 1218 йилнинг бошида Маҳмуд Ялавоч Мўғулистонда бўлганлиги ва Чингизхон билан кўпдан таниш эканлиги ҳамда Чингизхон уни Муҳаммад Хоразмшоҳ ҳузурига юборишни лозим тошганлиги зикр этилади.

Чингизхон Маҳмуд Ялавочни ўз ҳузурига чақириб, Хоразмшоҳ давлати билан мунтазам савдо алоқалари ўрнатишни амалга ошириш учун унга элчи сифатида Хоразмшоҳ давлатига бориб келишни тақлиф этган. Туркий тилда элчи ялавоч деб аталганлиги туфайли, Маҳмуд Хоразмийга “Ялавоч” номи берилган. Маҳмуд Ялавоч тақлифни фармон ўрнида қабул қилишдан бошқа иложи йўқ эди. Бинобарин, шу йили баҳорда Маҳмуд Ялавоч Чингизхоннинг топширигига биноан бухоролик Алихўжа (Али хочжэ), ўтзорлик Юсуф Жаҳонгир (Юсуфу-Жянкэ) ҳамроҳлигида мўғуллар номидан Хоразмшоҳ саройига элчи бўлиб борган. Элчиларга катта миқдорда совға-саломлар ва мактуб бериб, Муҳаммад Хоразмшоҳга топширишни буюради. Мактубда илик сўзлар ва яхши ниятлар билан бирга, Чингизхон кўшинларининг қудратли эканлиги, унинг салтанати чексиз бойликка эгаллиги ва кўп мамлакатлар унинг назорати остига ўтганлиги баён этилган. Шунингдек, мактубда Чингизхон Хоразмшоҳни “ўғлимдек яхши кўраман” деб таъкидлаб, Хоразмшоҳни итоатга чақирган.

Чингизхон элчилари Бухорода Муҳаммад Хоразмшоҳга (Ша-Муохэмуо) учрашиб, унга мўғуллар хони бериб юборган кумуш қуймалари, хушбўй хидли шағамлар, нефрит тошидан (қош тоши) ясалган буюмлар, жундан тўқилган кимхоб тўн каби совғаларни топширадилар ва унинг сўзларини бирма-бир баён

ABOUT MAKHMUD YALAVACH KHOREZMIY (From Chinese Sources)

Makhmud Yalavach Khorezmiy was an outstanding statesman within Mongolian Khaganate. Some information can be found in some chapters of Yaun Shi, official chronicles of Yan dynasty. There is more information available in secret sources of Yanchao Bishi. Thus, even though Chinese sources do not disclose his biography completely, they describe his activity in China.

In Yan Shi it is approved that Makhmud Yalavach was born in Yorkent, Eastern Turkestan. However, in Chinese Encyclopedia, he is mentioned as a Khorezm merchant. Probably, he was born in Yourkent, but had been living in Khorezm for a long time or his ancestors were natives of Khorezm.

Due to the Chinese historical sources and other historical written materials we might consider that Makhmud Yalavach was going for his commercial matters to Mongolia and met with Chinghiz Khan before 1218. It is a well-known fact that Mongols did not deal with trade and therefore involved Turkestan people in it.

On the evidence of Yan dynasty chronicles, merchants of Mourannakhr demonstrated their interests to Central Asia after creation of the state, headed by Temuchin Chinghiz Khan in 1206 and later it was called as a great Mongolian Khanate. By that period of time, Mongolian's demand for the goods from Central Asia and India had been increased. Chinghiz Khan, attaching importance to the trade, provided caravan roads with security and rendered respect towards Moslem merchants. Merchants from Bukhara, Samarcand Otrar and Khodjent were going to Mongolia. Among them there was Makhmud Yalavach (in Turk it means «Ambassador»).

Some facts witness that in 1215 Khorezm Shakh Muhammad, heard of Mongolia from other merchants, in order to get to know more about Chinghiz Khan's State, had decided to send there a caravan. Later he sent the second caravan. Chinghiz Khan with honors received Khorezm Shakh's Ambassadors, Akhmad Khodjani's and Akhmad Balachi's merchants. He met them twice. Amid of this delegation there was no Makhmud Yalavach. The Chinese sources confirm that in the early of 1218, Makhmud Yalavach was in China and even that time he was acquainted with Chinghiz Khan very well. In spring of the same year, Makhmud Yalavach appeared before Khorezm Shakh, as Chinghiz Khan's Ambassador with a letter from Chinghiz

завершилось вторжением Чингизхана в Хорезм и завоеванием Моварауннахра.

Пока же Хорезмшах Мухаммад встретил послов во главе с Мазмудом Ялавачом с почестями, и вскоре отправил ответные караваны с послами Умарходжой из Отрара, Али Джамал Фахриддином из Бухары и Амин ад Динем.

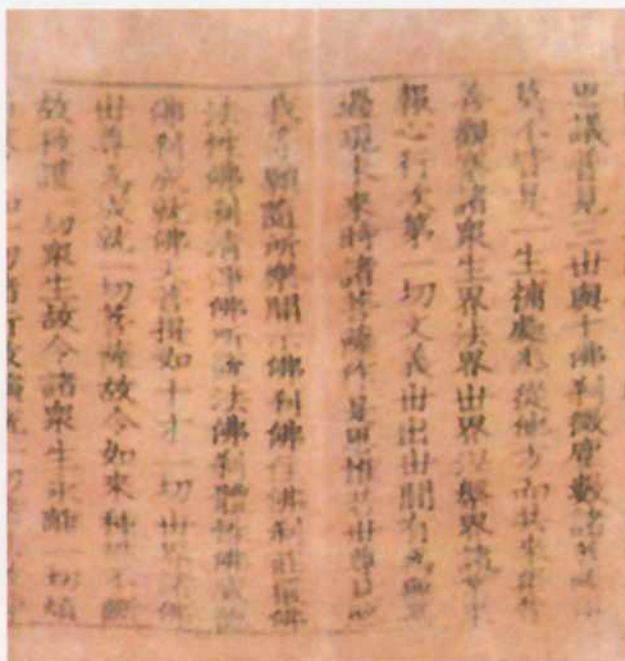
После завоевания Чингизханом Моварауннахра Махмуд Ялавач был назначен крупным чиновником, который управлял завоеванными территориями, и был наделен правом отчитываться перед главной ставкой. Собранную дань он отправлял прямо во дворец Чингизхана, минуя правившего Моварауннахром Чагатайхана, сына Чингизхана. Таким образом, Махмуд Ялавач имел возможность вести свои дела самостоятельно. Его департамент и дом располагались в Ходженте.

Данные Махмуду Ялавачу привилегии не нравились Чагатайхану. Его, будиста по вере, раздражали усилия Махмуда Ялавача по восстановлению разрушенных во время войны городов, строительство школ и медресе, старания оживить торговлю и культурную жизнь. Естественно, Чагатай искал пути избавления от него, но, учитывая отношение к нему Чингизхана, он боялся действовать открыто.

Но вот в 1227 году Чингизхан умирает, в 1238 году в Бухаре происходит восстание под предводительством Махмуда Тарабийи. Крупными городами Моварауннахра тогда правили сами монголы и восстание вспыхнуло по их вине, однако Чагатайхон поспешил обвинить в этом Махмуда Ялавача и таким путем избавиться от него.

В результате Махмуд Ялавач, как виновный, был выслан в Китай. Управлять Хорезмом и Самаркандом в Туркестане и югом Восточного Туркестана было поручено сыну Махмуда Ялавача—Маъсуду, который исполнял эту должность до 1289 года.

В местных тюркских источниках нет сведений о связях Ялавача с Чингизханом, не описана его деятельность в Китае. Считается, что он купил там свою должность. Его характеру приписывают жестокость и строптивость, но, вместе с тем, считают способным и предприимчивым человеком.

этадилар. Мактубни ўқигандан сўнг, Мухаммад Хоразмшоҳ чехрасини очмай, мўғул кўшинларининг куч-куватини ҳақида биронта мактовли сўз ҳам айтмай келган элчиларни кузатиб қўйишни буюради.

Манбаларнинг гувоҳлик беришича, Махмуд Ялавач бошчилигидаги Чингизхон элчилари ҳурмат ва иззат билан кузатиб қўйилган. Шундан кейин Хоразмшоҳ Мўғулистонга Умархўжа (ўтрорлик), Али Жамол Фахриддин (бухоролик), Аминединларни элчи қилиб юборган. Орадан кўп ўтмай Ўтрорда Хоразмдан қайтаётган 450 мўғул савдогари ўлдирилади. Ушбу воқеа Чингизхон кўшинларининг Мовароуннахр худудларига юришига баҳона бўлган.

Чингизхон кўшинлари Хоразмшоҳ давлатини забт этгандан кейин, мўғуллар Махмуд Ялавач ҳамда унинг ўғли Масъуд (Масуху)га Мовароуннахр аҳолисининг нуфусини аниқлаш, солиқлар ҳажмини белгилаш ва назорат қилиш вазифасини юклаган.

Хитой тарихчиси Ванг Чжилайнинг ёзишича, Махмуд Ялавач Мовароуннахрни идора қилувчи амалдор этиб тайинлангач, унга бевосита марказга ҳисобот бериш ҳуқуқи берилган. У йиғилган солиқларни Чиғатойхонга эмас, балки тўғридан-тўғри Чингизхон саройига юбориб турган. Шу асосда маҳкамаси ва тураржойи Хўжандда жойлашган Махмуд Ялавач маълум даражада Чиғатойдан мустақил иш юритиш имкониятига эга бўлган.

Махмуд Ялавачга берилган имтиёз Чиғатойга ёкмас эди. Чунки Чингизхоннинг иккинчи ўғли бўлган Чиғатойга суюрғол этиб берилган худудга Махмуд Ялавач ҳокимлик қилган жойлар ҳам кирар эди. Будда дини этиқодига мансуб Чиғатойга Махмуд Ялавачнинг ислом динига қаттиқ амал қилиши, мактаб ва мадрасалар қуриши ҳам маъқул эмасди. Хитой манбаларида ёзилишича, Махмуд Ялавач Мовароуннахрни идора қилиб турган даврида уруш жараёнида бузилган шаҳар ва уй-жойларни тиклаш, иқтисодий ва маданий ҳаётни ривожлантириш каби ишларга қатта эътибор берган. Унинг бу ишларини ҳам Чиғатой хуш кўрмаган.

Шу сабабларга кўра, Чигатой Махмуд Ялавочдан қутулиш йўлини ахтариб фурсат пойлаган. Бироқ унинг Чингизхон олдидаги обрўсини ҳисобга олиб, очикдан-очик қарши чиқишга журъат этолмаган.

Орадан бир неча йил ўтгандан сўнг, Чигатой кутган фурсат ҳам келади. 1227 йили Махмуд Ялавочни қўллаб турган Чингизхон касалликдан вафот этди, 1238 йилда эса Бухорода Махмуд Торобий бошчилигида катта кўзғолон кўтарилди. Айни замонда қитон (рус адабиётида кидан, хитойча чидан) халқиға тобе бўлган Елюй-амэй ва унинг ўғли Елюй-мянсиг Самарқанда, Хазар-бука (Хазала-буха) Қарши вилоятида, мўғул Бухатайши ва манжуриялик Пучалар Бухорода ҳокимлик қилар эдилар. Гарчи кўзғолон айбдорлари мазкур ҳокимлар бўлса ҳам, Чигатойхон бунда Махмуд Ялавочни айблашга ҳаракат қилган ва шу йўл билан ундан қутулиш режасини тузган. Натижада Махмуд Ялавоч айбдор сифатида Хитойға олиб кетилади. Мовароуннаҳрдаги Хоразм, Самарқанд ва Шарқий Туркистоннинг жанубий томонини, жумладан, Қашқарни идора қилиш Махмуд Ялавочнинг ўғли Масъудға топширилади. У мазкур лавозимни 1289 йилгача эгаллаб турган.

Айрим манбаларда Махмуд Ялавочнинг Чингизхон билан алоқаси ва Мовароуннаҳрдан Хитойға кетганидан кейинги фаолиятига оид маълумотлар деярли учрамайди. Шу боис тарихий адабиётда Махмуд Ялавоч ўз лавозимини сотиб олган шахс сифатида кўрсатилади. Махмуд Ялавоч каттикқўл, ўжар, шу билан бирга, қобилиятли ва ишбилармон одам бўлган, деб таърифланади. Аммо Хитой манбаларида бунинг акси зикр этилган.

Махмуд Ялавоч Туркистондан Мўғулистонга олиб кетилгандан сўнг, у Торобий кўзғолонининг сабабчиси сифатида жазолангани номаълум. Бу ҳақда Хитой манбаларида биронта маълумот йўқ.

Юан сулоласи тарихида кўрсатилишича, Ўқтойхоннинг ҳукмронлик қилган сўнгги йили, яъни: «1241 йилнинг 10 ойида [Махмуд Ялавочга] Хитой аҳолисининг маъмурий ишларини бошқариш вазифаси юкланди». Бу маълумот эса Махмуд Ялавочга мўғуллар хони томонидан катта ишонч билдирилганидан далолат беради.

Орадан ярим йил ўтгач, Ўқтой (Тайзунг, Угэдэй, Ўғодай – 1229-1241) оламдан кўз юмади ва Чингизхон авлодлари орасида ҳокимият учун кураш бошланади. Бинобарин, Чингизхоннинг ўрнига хон бўлган Ўқтой кўп хотинлик бўлиб, ўз мавқеи жиҳатидан иккинчи ўринда турган олтинчи хотинининг исми Тўлегена эди. Бу хотин мачжэнси номли мўғуллар авлодидан бўлиб, Ўқтойдан бешта ўғил кўрган. Ўлими арафасида Ўқтой тахтни учинчи ўғли Ўчур(Ўчу)дан бўлган набираси Желеменга васият қилиб қолдирган. Ўқтой оламдан ўтгандан кейин Тўлегена эрининг васиятини бажармай, беш йил давомида ҳокимиятни ўз қўлида ушлаб туради. Шунда Тўлегена Чингизхон ва Ўқтой ҳоконлик қилган давридаги амалдорларга ишонч билдиришдан қўриқиб, уларни ҳокимиятдан узоклаштиради. Шулар орасида Махмуд Ялавоч ҳам бор эди.

Бу ишни Тўлегена марҳум эрининг яқинларидан бири бўлган туркистонлик Абдурахмон воситасида амалга оширган. Абдурахмон эса фурсатдан фойдаланиб, амалий ҳокимиятни қўлга олган ва саройдаги барча амалдорлар устидан назорат қилиш ҳуқуқиға эришган.

Khan, as well as costly presents and expressed the willingness of Ghenchiz Khan to establish a caravan road between Khorezm and Mongolia.

Yet, Chenghiz Khan's letter did not make happy Khorezm Shakh, since the protective meaning of the letter called to subordination to the conqueror of many countries. Chenghiz Khan addressed to Khorezm Shakh with the words as follows: «My son/child...» Further the letter brought to worsening/intensification of relations between two countries, which was accompanied by the incursion of Chenghiz Khan to Khorezm and his conquest of Mourannakhr.

Khorezm Shakh Muhammad met Ambassadors in the head of Makhmud Yalavach with honors and soon he sent reciprocal caravans with Ambassadors Umarkhodja from Otrar, Ali Djamal Fakhridin from Bukhara and Amin ad Din.

After the conquest of Mourannakhr by Chenghiz Khan, Makhmud Yalavach was appointed as a main official, who managed the conquered territory and had a right to report directly to his chiefs. He gathered tribute to Chenghiz Khan's Palace, without prior notice to Chegatai, a son of Chenghiz Khan, who governed Mourannakhr. Hence, Makhmud Yalavach was managing his things independently. His department and house were in Khodjent. Chagatai Khan did not like the privileges, which were giving to Makhmud Yalavach. Chagatai, being a Buddhist, was provoked by Makhmud Yalavach's efforts on restoring the ruined cities after the war, construction of schools and Madrasah, his efforts to make the trade vivid and develop the cultural life. Of course, Chagatai was searching for ways of getting rid of him, but taking into consideration Chenghiz Khan's treatment of him, he was afraid of acting openly.

But it happened that in 1227, Chenghiz Khan died and in 1238 in Bukhara there was a revolt, headed by Makhmud Tarabiy. Mongols governed the important cities and the revolt blazed up through their fault. Chagataikhan, taking a chance, hastened to accuse Makhmud Yalavach in it and decided to get rid of him.

Makhmud Yalavach was consequently dispatched to China. His son Makhmud Yalavach was charged to rule Khorezm, Samarqand in Turkestan and the south of Eastern Turkestan. He had been ruling up to the end of 1289.

In local Turk chronicles there are no data confirming the activity between Makhmud Yalavach and Chebghiz Khan. It is considered that Makhmud Yalavach paid for his post there. He is characterized as a cruel and obstinate person, but at the same time, he was capable and enterprising.

However, Chinese chronicles confirm the counter. We do not know whether he was punished for the revolt in Mongolia or not. But undoubtedly, Mongolian Khans trusted him.

Towards the reign of Ukatikhan in 124, Makhmud Yalavach was heading the administration on Chinese population management.

Между тем, китайские источники утверждают обратное. Был ли наказан Махмуда Ялавач в Монголии за восстание Тарабий неизвестно. Бесспорно, что монгольские ханы оказывали ему доверие.

На исходе царствования Уктайхана в 1241 году Махмуд Ялавач возглавлял администрацию по управлению населением Китая.

Правивший после Чингизхана Уктай (Тайзунг, Угэдэй, Угодай–1229–1241) умер в 1241 году и среди потомков Чингизхана началась борьба за власть.

При правлении Тюлеген–жены Уктая–Махмуд Ялавач был в опале. Но когда в 1246 году к власти пришел её сын Гаюн, Махмуду Ялавачу была возвращена его должность.

При Мекэхане, занявшем трон в 1251 году, Махмуд Ялавач назначается губернатором нынешнего Пекина. Правда, Пекин еще не был столицей монголов (они провозгласят его столицей в 1271 году). Махмуд Ялавач остается на должности губернатора до конца своей жизни – т.е. до 1254 года. За короткий период губернаторства он успевает многое сделать по строительству и благоустройству города, для чего привлекал многих туркестанцев. Приемником по должности становится его помощник и земляк Умар Шамс ад-Дин (Сайданчи по китайски).

У Махмуда Ялавача было два сына–Масуд и Алибек. Они также служили монгольским ханам. Масуд, как указывалось выше, управлял в Моварауннахре, Алибек–в центре хаканства.

При Хубилае в 1267 году Алибек был советником, в 1272 году–первым визирем, в 1276 году–правителем провинций Жангхуэй. Он по оговору в измене был казнен в 1281 году.

В одном из китайских источников упоминается “Внучка Махмуда Ялавача Сагдарли Ялавач, то есть дочь правителя Алибека, она же–жена большого чиновника–Темура–буга, отмеченного высшей наградой, она же–мать придворного летописца Алихутуна... Она родилась в Ёркенте”.

У Алибека был также сын, по имени Якуббек, занимавший высокие должности в округе Юннан.

Следует отметить, что переселение в Пекин многих туркестанцев, и достижение некоторыми из них высоких должностей связано с именем Махмуда Ялавача.

1246 йилда ҳокимият Ўктойнинг катта ўғли Гуйюнинг қўлига ўтди. Шундан кейин Гуйю отаси ва буваси даврида содик хизмат қилган амалдорларга ишонч билдириб, улар мавқеини қайта тиклади. Шу тарика Махмуд Ялавач ҳам ўз лавозимига қайтарилди. Абдурахмон эса ўлим жазосига маҳкум этилди. Аммо Гуйюнинг ҳокимияти узокқа бормади, у 1248 йили сафар вақтида касалликдан вафот этади.

1251 йили ёзда мўғуллар тахти Менкэнинг қўлига ўтади. Шу йилнинг охирида унинг таъсири остидаги вилоятларни идора қилиш учун бир қатор янги маҳкамалар ташкил этилади. Янжиндаги (Пекин) ижроия ҳокимият маҳкамаси (шангшунэнг) ана шулар жумласидан эди. Ушбу маҳкамага раҳбарлик вазифаси Махмуд Ялавач, Бужир, Ганлубу, Жугарларга ва уларга ёрдамчилик қилиш эса Сайданчи (Умар Шамсиддин), Нимадинларга (Низомиддин) юкланади. Шу залда Махмуд Ялавач ҳозирги Пекин шаҳрига ҳоким этиб тайинланади.

Айтиб ўтиш жоизки, ўша пайтда Пекин ҳали мўғулларнинг пойтахти эмас эди. Бу шаҳар 1271 йилда мўғуллар томонидан Хитойда ташкил этилган Юан сулоласининг марказига айлантилган. Менке 1259 йилда Хитойнинг Сичуан ўлкасидаги Хэчжоу вилоятидаги Дяюйшан тоғи ишғол қилинаётганда ўк тегиб ҳалок бўлган. Махмуд Ялавач аини шу воқеалардан олдин оламдан кўз юмган. Умуман олганда, Махмуд Ялавачга расмий тарихдаги йирик амалдорлар рўйхатидан ўрин берилмаган. Эҳтимол, бунинг сабаби у ҳокимлик қилган даврда Пекин вилоят маркази бўлганлиги ва шу туфайли унинг лавозими давлат миқёсида юқори ҳисобланмаганидир. Махмуд Ялавач оламдан ўтгандан сўнг, унинг ўрнини Умар Шамсиддин эгаллаган.

Хитой манбаларида Махмуд Ялавач вафотининг сабаблари аниқ кўрсатилмайди. Маҳаллий манбаларда ёзилишича, у Хўжандан Каракурумга кетган, орадан кўп ўтмай Угэдэй даврида Пекинга губернатор этиб тайинланган ва ўша жойда 1254 йили вафот этган.

Махмуд Ялавачнинг Пекинга ҳокимлик қилиш даври қисқа бўлишига қарамай, у мазкур шаҳар ҳаётида ва қурилишида катта ишлар қилади. Бу ишларга кўплаб туркистонликларни жалб этади.

Махмуд Ялавачнинг Масуд (Масъуд) ва Алибек исмли икки ўғли бўлган. Алибек аввалига Или хони (Шарқий Туркистоннинг Или вилояти ҳукмдори)

килиб тайинланган. Хубилай мўғуллар ҳокони этиб тайинланганда, у марказий ўрдага чақиртирилиб давлат ишларига жалб қилинган. 1267 йилда маслаҳатчи, 1272 йилда эса ўнг қўл вазир вазифасида ишлаган. Шунда унга Хэнан ўлкасининг маъмурий ишлар бошлиғи вазифаси топширилган. 1276 йилда у (Жянгуэй) ўлкалари ҳокими бўлган. Аммо 1281 йилнинг бошида Алибек тухматга учраб, ҳоконнинг амрига хиёнат қилганликда айбланиб қатл этилган. “Мэнюаньэр шижи” (“Мўғуллар тарихи”) номи манбада келтирилган шажарада «Чингизхон Масъудга Бухоро (Бухээр) ва унинг атрофидаги шаҳарларни идора қилиш вазифасини топширган, Мункехон даврида Бешбалиқ вилоятига ҳоким этиб тайинланган, кейин яна Бухоро қаби шаҳарларни идора қилиш вазифаси юкланган», деб зикр этилган.

“Ма Шитян асарлари тўплами” (“Машитян чюанжи”) номи манбада “Сафарли хоним [Махмуд] Ялавоч ҳокимнинг набираси, яъни Жянгуэй вилояти ҳокими Алибекнинг қизидир. У олий мукофот совриндори бўлган катта обрўли йирик амалдор Темур буғанинг рафиқасидир, ҳозир сарой тарихчиларидан бири бўлмиш Алухутунинг онасидир... Хоним Ёркентда тугилган”, деб кўрсатилган.

Алибекнинг Ёқуббек исми бир ўғли бўлиб, у Юннан вилоятида амалдорлик қилган.

Хулоса шуки, Хитой манбаларида Махмуд Ялавоч ва унинг Хитойда қолиб кетган авлодларига оид маълумотлар кўп эмас. Аммо қисқа вақт ичида Пекинга кўпгина туркистонликларнинг бориб жойлашиши ва айримларининг йирик амалдорлар сафидан ўрин олиши Махмуд Ялавоч фаолияти билан боғлиқдир.

Uktai (Taufung, Ugedei, and Ugodai 1229-1241), ruling after Chenghiz Khan, died in 1241 and after his death there had been started the fight for power among the descendents of Chenghiz Khan.

Under the governance of Tulegen, Uktai's wife, Makhmud Yalavach was disfavored. But in 1246, when her son Gayun came to power, Makhmud Yalavach had newly taken his post.

During Mekekhan's governance, who took the throne in 1251, Makhmud Yalavach was appointed as a governor of present Peking. Indeed, Peking was not the capital of Mongols yet; it was proclaimed as a capital in 1271. Makhmud Yalavach remained as a governor until 1254 up to his death. For the short time he managed to deal with construction and accomplishment of the city. Many Turkestan citizens were involved in this work. Umar Shams ad-Din (in Chinese Saidanchi); his compatriot and assistant became his successor.

Makhmud Yalavach had two sons - Masud and Alibek. They also served to Mongolian khans. Masud, as it was mentioned above, was ruling in Mourannakhr, Alibek - in the center of Khanate.

During Khubilai's time in 1267, Alibek was Councilor, in 1272 - first cursor, in 1276 - governor of Jyangkhuei provinces. In 1281 he was put to death because of slander's betrayal.

In one of the historical sources refer to his granddaughter Yalavach Sagdarli Yalavach, it means the daughter of the Governor Alibek and at the same time she was wife of important official-Temur-buga who was marked with high award, she was mother of courtier chronicler Alikhutkhan. She was born in Yourkent.

Alibek had also a son, named Yakkubek, who occupied high posts in Yunan Estate.

One should underline that the emigration of many Turk citizens to China, and high posts that were occupied by them are connected with the name of Makhmud Yalavach. Abdullakhad Khodjaev.

НАВОИЙ АСАРЛАРИ МУНИС ДАСТХАТИДА

Юсуфжон ТУРСУНОВ

Хоразм заминид XIX асрда етишиб чиккан ижодкорлар силсиласи Шермухаммад Авазбий ўгли Мунис (1778-1829) номи билан бошланади. Нисбатан қисқа умр кўрган Мунис маданиятимиз тарихида хассос шоир, моҳир таржимон ва билимдон тарихчи сифатида из қолдирган. Айни пайтда бу табаррук зотнинг хаттотлик соҳасидаги фаолияти ҳали кўпчиликка маълум эмас. Холбуки, маърифатпарвар шоир ушбу санъат ҳақида 352 мисрадан иборат «Саводи таълим» номи махсус рисола ёзган; Алишер Навоийнинг бир қатор асарларини шахсан ўзи кўчирган.

Мунис томонидан 1821 йилда ниҳоятда гўзал настиълик хатида кўчирилган Алишер Навоийнинг «Хамса»си Тоҷикистон Республикаси ФАнинг кўлэмалар хазинасида сақланмоқда.

Ўзбекистон Республикаси ФА Алишер Навоий номидаги давлат Адабиёт кўлэмалар хазинасида шоир асарларининг Мунис кўчирган икки кўлэмаси мавжуд. Кўлэмаларнинг бири «Мезон ул-авзон» асари бўлиб, ҳижрий 1209 (милодий 1794) йилда, яъни Мунис энди 16-17 ёшга тўлган даврда кўчирилган. Яхши сақланган қирмизи ранг, нақшкор муқовали кўлэма китоб 97 саҳи-фадан иборат бўлиб, кичик бичимдаги (11x17см) оддий маҳаллий қоғозга битилган. Ўша пайтда Хива мадрасаларининг бирида таълим олиш билан бирга Мунис Андалиб, Киromий, Равнак, Роким каби устоз адиблар иштирокида ўтадиган мушоираларда қатнашиб, шеърят қонун-қоидаларини пухта ўрганишга интилган. «Фирдавс ул-икбол» асарида Мунис шундай хотирайди: «Гох арозил муҳолатидин (разил кишилар содир этган қийинчиликлар) хотирим гаппарвар эди, авбош муволифатидин (безори кимсаларнинг чексиз ярамасликларидан) замирим муқаррар, гоҳ уламо (олимлар) хизматидин сарбаланд эрдим ва фузало (фозил инсонлар) сўхбатидин бахраманд...».

Шеършунослик илмининг асоси бўлган аруз назариясига доир Алишер Навоийнинг «Мезон ул-авзон» – «Вазнлар ўлчоғи» асари ана шу ёшлик йилларида Мунис учун асосий дастуриламал бўлганлиги шубҳасиз. Шунинг учун ҳам бўлажак шоир бу асарни хаттотлик даъвосида эмас, балки аруз илмини эгаллаш ниятида ўзи ва сабоқдошлари учун махсус кўчирган бўлса ажаб эмас.

Навоий ижодидан таълим олиб, унинг шеър илми ҳақидаги қимматли фикрларига амал қилган ҳолда ижод этганлиги учун ҳам Мунис фахр билан:

Сўз ичра Навоийки, жаҳонгир дурур.

Муниста маоний йўлида пирдурур.

каби мисраларни битади.

Навоийшунос олим Иззат Султонов 1949 йилда «Мезон ул-авзон»нинг бешта эътиборли кўлэма нусхаси асосида асарнинг илмий-танқидий матнини тайёрлаб, нашр эттирган. Ана шу матнга киёсланганда Мунис кўчирган нусхада баъзи камчилик ва нуқсонларнинг мавжудлиги аён бўлади. Бироқ илмий-танқидий матнга асос бўлган нусхалардаги, хаттоки, асл нусхадаги мавжуд камчилик ва хаттоқликлар Мунис нусхасида кўринмайдик, бу ҳол унинг маълум даражада илмий қимматга эга эканлигини кўрсатади.

Навоийнинг «Сабъаи сайёр» ва «Холоти Саид Хасан Ардашер» номи асарларидан иборат иккинчи кўлэмани ҳам Мунис мадрасада ўқитган пайтларида (1798 йил) кўчирган. Кўлэмага нафис ва сифатли Хоразм қоғози ишлатилган. Кўлэмадаги «Сабъаи сайёр» ва «Холоти Саид Хасан Ардашер» асарлари оригиналдаги ўн учта саҳифада Мунис ва унга замондош бўлган Андалиб, Киromий, Равнак, Роким каби шоирларнинг ўнта мухаммаси битилган ва уларнинг саккизтаси Алишер Навоий газалларига боғланган тахмисларидир. Бу хоразмлик шоирларнинг Навоийни устоз билиб, унинг ижодига эҳтиром билан ёндашганликларининг яна бир исботидир.

Хуллас, ЎЗР ФА Шарқшунослик институтининг кўлэмалар хазинасида сақланаётган Муниснинг дастхатига мансуб «Девон»и ва айниқса, шоир 1821 йилда кўчирган Навоий «Хамса»сини настиъликнинг мумтоз намунаси дейиш мумкин. Мунис мунтазам равишда хат машқ қилиш, қўллаб асарларни кўчириш натижасидагина бундай хушхат хаттот даражасига етишганлиги аниқ. Шу маънода Мунис дастхатидаги ҳали бизга номаълум бўлган бошқа кўлэмалар ҳам топилиб, маънавиятимиз хазинасидан ўрин олишига умид қилиш мумкин.

ПОЭТ – КАЛЛИГРАФ

Основоположник плеяды хорезмских поэтов XIX века Шермухаммад Авазбий оглы Мунис (1778-1828), талантливый переводчик и ученый, историк и автор многих книг, оказался еще и искусным каллиграфом, что выяснилось совсем недавно.

Переписанная им в 1821 году почерком наст «Пятерница» Алишера Навои хранится в рукописной сокровищнице АН Республики Таджикистан.

Две книги Навои, переписанные Мунисом, хранятся в Государственном институте рукописей литературы имени Алишера Навои АН Республики Узбекистан.

Одна из них – «Мезон ул-авзон» – «Параметры стихосложения», переписана Мунисом в 1794 году, когда ему было 16 лет. Очевидно, это книга сыграла большую роль в познании Мунисом поэтического мастерства. Именно в этот период, обучаясь в одном из медресе Хивы, он активно посещал литературные собрания, где читали стихи его наставники-поэты Андалиб, Киromий, Равнак, Роким.

«Мезон ул-авзон» Навои была исследована ученым навоиведом И. Султаном в 1949 году. На основе сопоставления имеющихся пяти экземпляров рукописи он подготовил научно-критический текст произведения. В сравнении с этим текстом в экземпляре, переписанном Мунисом, имеются некоторые недостатки. Но если сравнить текст Муниса с текстами оригинала, то в переписанном Мунисом экземпляре нет тех ошибок, которые существуют в оригинале, что свидетельствует о его высокой научной ценности.

Этот экземпляр состоит из 97 страниц, в ярко красной обложке с орнаментом, формат 11x17 см, бумага обычная хорезмская.

Вторая книга Алишера Навои, переписанная Мунисом в 1798 году, состоит из произведений «Сабъаи сайёр» и «Холо Саид Хасан Ардашер». Для нее использована высококачественная хорезмская бумага. Уголки страниц несколько потускневшие, а местами и стертые, свидетельствуют о том, что книга много читалась. Между двумя произведениями на 13 страницах помещены десять стихотворений современников Муниса, в том числе Андалиба, Киromия, Равнака, Рокима, посвященные Навои. Это свидетельство того, что хорезмские поэты учились у Навои и почитали его творчество.

В 1821 году Мунис переписал также произведения Навои «Деван» и «Хамса». И в этих книгах наиболее ярко проявилось его мастерство как каллиграфа. Использованный им в этих книгах почерк наст является классическим образцом арабской письменности. Возможно, дальнейшее исследование рукописей откроет нам и другие работы Муниса в этом направлении.

THE POET AND PENMAN

It was recently ascertained that Shermoukhammed Avazbiy ogly Munis, a founder of Khorezm poets' plaids, skillful translator and scientist, historian and author of many books, occurred to be a talented penman.

The Five-Volume Work («Pyatseritsa») of Alisher Navoi, was re-written by Munis in 1821 and the penman used a special handwriting called Nast. The copy is now kept in the Manuscript Treasury of the Academy of Science of the Republic of Tadjikistan.

The two books of Navoi, re-written by Munis are also kept in the State Institute of Literature Manuscript of the Academy of Science of Uzbekistan named after Alisher Navoi.

One of the manuscripts, Mezon-ul-Avzon, which means Parameters of Versification was re-written in 1794 when the penman was 16. Undoubtedly, the book played a key role in learning poetical skills. In the very period, studying in Madrasah of Khiva, Munis was actively attending the literature meetings, where his tutors Andalib, Kiromiy, Ravnak and Rokim were reciting poems.

In 1949, Navoi's work Mezon-ul-Avzon was analysed by I. Sultanov, a scientist and expert of Navoi's works. Basing on the Confrontation of the Five Copies of Manuscripts, he prepared a scientific critical text. The text in comparison with Munis manuscript contains some errors. If we compare Minis' text with the original ones, we will find out that in Munis' copies there are no errors and imperfections which can be found in the original text. This fact affirms incredible scientific skills of Munis.

This copy consists of 97 pages, in a ruby cover, decorated with some ornaments. Plane Khorezm paper with the size of 11x17cm. was used.

The second book of Navoi, re-copied by Munis in 1798 contains Sab'ai Sayor and Kholo Sayid Khasan Ardasher. It is done on a high quality Khorezm paper. The page corners are slightly dim, and here and there they are erased, which shows us that the book was in demand and read many times. In the both works, on page 13, there are ten poems of Munis as well as the poems of Andalib Kiromiy Ravnak and Rokim and all these poems are dedicated to Navoi. This fact testimonies that all these poets were learning from Navoi, and respected his creation.

In 1821 Munis re-copied Alisher Navoi's works - Divan and Khamsa. These two books became important, because his skills of a penman clearly became apparent after the completion of these works. The handwriting Nast, used in these works is a classical model of the Arabic script. The future manuscript researches will probably open us other Minis' works.

